

Справ. Б-на

Семипалатинскій Областной Статистическій Комитетъ.

С 595 Сем

п 15

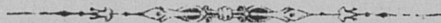

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

НА 1900 Г.

В ы п у с к ъ I V.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.

Типографія Семипалат. Обл. Правленія.

1900.

6805

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ СТЕП- НОГО КРАЯ.

До настоящаго времени мы не имѣемъ полной исторіи присоединенія къ Россіи киргизскихъ степей. Разрабатывалась, преимущественно, исторія Малой Орды, свѣдѣнія же о Средней и Большой Ордахъ отличаются не только отрывочностью, но часто и не совсѣмъ вѣрнымъ освѣщеніемъ фактовъ. Это обстоятельство является, конечно, результатомъ недостаточной разработки архивныхъ данныхъ. А между тѣмъ, насколько я могу судить, въ архивахъ Степного Края заключается богатѣйшій матеріалъ, разработка котораго дала бы возможность составить достаточно полную исторію этого Края.

Печатаемыя ниже три статьи представляютъ собой сводку данныхъ изъ части архивныхъ дѣлъ, хранящихся при Семипалатинскомъ Областномъ Правленіи. Большую часть матеріала, которымъ я пока успѣлъ воспользоваться, помимо нѣсколькихъ свѣдѣній о каракиргизской депутаціи 1824 г., я сгруппировалъ около одного событія — открытія округа на Аягузѣ. Нѣкоторые пропуски болѣе или менѣе крупныхъ

фактовъ, вѣроятно, можно было бы пополнить изъ архивныхъ дѣлъ, хранящихся въ Омскѣ. Тамъ, гдѣ я пользуюсь печатными источниками, будутъ дѣлаться ссылки.

Заголовокъ третьей статьи — „*О заграничныхъ обстоятельствахъ*“ — взятъ изъ особыхъ дѣлъ, которыя, подъ этимъ заголовкомъ, велись въ первой трети наст. столѣтія различными административными органами областей, граничившихъ съ Китаемъ и киргизской степью. Дѣла эти составлялись, главнымъ образомъ, на основаніи показаній, отбিরавшихся у русскихъ купцовъ, по возвращеніи изъ заграницы, а также у пріѣзжавшихъ въ Россію торговцевъ изъ Средней Азіи. Нѣкоторые купцы, иногда даже чиновники, подъ видомъ купцовъ, специально посылались для разслѣдованія о „заграничныхъ обстоятельствахъ“, когда послѣднія почему либо казались особенно важными.

Не входя въ критическую оцѣнку матеріала, который заключается въ послѣднихъ дѣлахъ (сдѣлать это въ Семипалатинскѣ было бы очень трудно), я ограничусь перепечаткой упомянутыхъ показаній, по возможности цѣликомъ. Сообщаемые въ нихъ факты о возстаніи въ Кашгарѣ и проч., конечно, не могутъ отличаться точностью, но это и не важно: интересно отношеніе къ этимъ фактамъ тогда жившихъ лицъ, насколько оно обрисовывается въ показаніяхъ, а также, мнѣ кажется, представляютъ нѣкоторую цѣну мимоходомъ доставлявшіяся свѣдѣнія о расселеніи киргизскихъ родовъ, о положеніи торговли и проч.

Во всѣхъ дѣлахъ, изъ которыхъ я бралъ матеріалъ для статей, много киргизскихъ и татарскихъ писемъ, прошеній и проч. Не зная киргизскаго письма, я вынужденъ былъ

пользоваться переводами того времени. Въ сомнительныхъ мѣстахъ мнѣ любезно дѣлалъ разясненія ветеринар.-врачъ г. Бекетаевъ, киргизъ по происхожденію.

Я былъ бы очень благодаренъ за всѣ указанія относительно моей работы—они помогли бы мнѣ лучше поставить дѣло при дальнѣйшей обработкѣ указаннаго выше архивнаго матеріала.

I. Открытіе Аягузскаго округа.

Открытіе въ киргизской степи, на основаніи изд. въ 1822 г. *Учрежденія и Устава о сибирскихъ киргизахъ*, такъ назыв. внѣшнихъ округовъ началось съ 1824 года. По распоряженію Генераль-Губернатора Западной Сибири Капцевича, въ степь было отправлено нѣсколько небольшихъ казачьихъ отрядовъ, съ муллами, для приглашенія киргизъ къ принятію новаго устройства. Генераль-Губернаторъ не нашелъ возможнымъ примѣнить къ кочевникамъ весь Уставъ, со всѣми налагаемыми имъ обязанностями, и потому, на первое время, рѣшилъ обнародовать только тѣ §§, которые относились до правъ и выгодъ киргизъ отъ новаго порядка. Подобное рѣшеніе Капцевичъ мотивировалъ (въ сообщеніи Сибирскому Комитету) тѣмъ, что „по духу сего народа, любящаго свободу воли, которая никогда не была связана закономъ, можно ожидать, что статьи тѣ (касающіяся обязанностей) будутъ приняты киргизами въ превратномъ понятіи и породятъ на первомъ шагу безпорядки, какъ между людьми, утопающими въ глубочайшемъ невѣжествѣ“ (*). По возвращеніи

(*) Щегловъ, „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири“, стр. 456. Всѣ дальнѣйшія цитаты взяты изъ архивныхъ дѣлъ.

отрядовъ, въ Семіарскомъ форпостѣ и Петропавловскѣ были сформированы два сильные отряда, по 300 человекъ, которые „съ приличнымъ торжествомъ“ и открыли въ 1824 году два округа: Каркаралинскій и Кокчетавскій.

Въ концѣ того же года и. д. начальника Омской области полковникъ Броневскій получилъ письмо отъ султана Сиванъ-Найманской волости (см. примѣч. 1-е) Сарта Ючина съ жалобой на убійство татарами старшины Тогаса Сейтенева и съ приложеніемъ свидѣтельства отъ пяти родовъ (тоже примѣч.) о желаніи принять, на извѣстныхъ условіяхъ, русское управленіе.

Указавъ, въ своемъ письмѣ, что въ 1823 году въ Сиванской волости было получено „объявленіе“ отъ Генераль-Губернатора Капцевича, съ увѣщаніемъ не вѣрить слухамъ о предстоящемъ теперь же обложеніи киргизъ ясакомъ, С. Ючинъ жаловался, что слухи эти распространяются въ степи татарами. Такъ, въ августѣ 1824 года прибыли въ Сиванскую волость трое семипалатинскихъ татаръ для торговли, поссорились съ киргизами, убили въ дракѣ старшину Тогаса Сейтенева и „приносили тогда многія худыя рѣчи, упоминая киргизамъ, что де вы такіе же ясашные, какъ и мы, отъ чего легкомысленные наши киргизцы начали бояться“. У Тогаса осталось пять братьевъ, и Сартъ просилъ заставить убійцъ заплатить кунъ, предать ихъ русскому суду и вообще запретить „впредь выходить въ киргизскую степь подобнымъ распространителямъ ложныхъ слуховъ и нарушителямъ спокойствія“.

Послѣ смерти Тогаса киргизы пяти родовъ (т. е. подродовъ или отдѣленій) Сиванъ-Найманской волости избрали,

въ сентябрѣ 1824 года, старшиной его брата Итемгеня и, выдавъ ему, за подписью султана Вопы Абулфеизова (примѣч. 2), свидѣтельство, для полученія „отъ Россійскаго Правительства грамоты и печати“, выразили желаніе, чтобы Итемгенъ, въ случаѣ открытія округа, былъ назначенъ помощникомъ начальника округа. Вмѣстѣ съ этимъ Итемгеню было поручено ходатайствовать: 1) чтобы земли, занятыя лѣтовками и зимовками, были, по обмежеваніи, на вѣчныя времена оставлены во владѣніи упомянутыхъ пяти подродовъ, съ находящимся на этихъ земляхъ мѣстами съ золотыми, серебряными и др. рудами, съ рыбными озерами и прочими „выгодами“. На владѣніе долженъ быть данъ „указъ“ и планъ. 2) „Съ насъ, дѣтей нашихъ и женъ ясаку, рекрутовъ и прочихъ повинностей вѣчно не брать“. „Но если бы угодно было съ насъ брать подать, то легкую, напр., съ земли, которая намъ отведена, на которой мы будемъ жить, и съ промышленности, ежегодно платить, какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ, съ 25 кибитокъ по одной лисицѣ“. 3) Не открывать питейныхъ домовъ во избѣжаніе дракъ и убійствъ. 4) Не посылать войска, такъ какъ, за неимѣніемъ хлѣба, солдатъ не чѣмъ было бы кормить. 5) „Предоставить нашему магометанскому сужденію все дѣла, случающіяся между нашимъ народомъ, кромѣ смертоубійства. Въ наше присутственное мѣсто малыхъ селеній люди никто бы не вмѣшивался, выключая благородныхъ особъ, и подчинить только одному господину Генераль-Губернатору“. 6) „Изъ нашей волости въ другую на службу людей не посылать, потому что должны волость свою сами охранять, да и для сего, если послѣдуетъ надобность, то на службу не брать людей съ числа душъ, а брать съ числа кибитокъ“. 7) Чтобы было предоставлено право, черезъ 3—5 лѣтъ, отправ-

лать депутатовъ къ Государю, „ а также отправлять, если бы кто пожелалъ ѣхать туда изъ насъ и безъ султановъ и родоначальниковъ“, и 8) чтобы писмоводителемъ къ Итемгеню былъ опредѣленъ взятый когда-то киргизами въ плѣнъ оренбургскій татаринъ-мулла, теперь старикъ 72 лѣтъ, „который пребываніе имѣетъ у насъ въ Сиванской волости три года, дабы онъ научалъ насъ полезнымъ наставленіямъ“ (*). По всѣмъ этимъ просьбамъ „Итемгенъ обязанъ исходатайствовать, чрезъ кого слѣдуетъ, Высочайшую грамоту“.

Препровождая это свидѣтельство къ Броневскому, С. Ючинъ, съ своей стороны, просилъ удовлетворить ходатайство киргизъ, а вскорѣ затѣмъ, съ просьбой о томъ же и жалобой на убійство Тогаса, обратился другой султанъ Сиванъ-Найманской волости Солтабай Бопинъ. Послѣдній просилъ, кромѣ того, о присылкѣ Устава о киргизахъ, для ознакомленія съ нимъ народа, и, въ случаѣ открытія округа, объ опредѣленіи „помощникомъ къ султанамъ“ Итемгеня Сейтенева.

Объ убійствѣ Тогаса производилось разслѣдованіе, но чѣмъ оно кончилось, изъ архивныхъ данныхъ, которыми я пользовался, не видно. Нѣтъ также свѣдѣній и о томъ, какъ было принято Генераль-Губернаторомъ представленное ему ходатайство киргизъ о русскомъ управленіи. Судя по дальнѣйшимъ фактамъ, надо полагать, что ходатайство это, какъ соединенное съ не подходящими къ Уставу о киргизахъ условіями, было оставлено безъ послѣдствій.

Вскорѣ послѣ этого султаны Мурунъ-Найманской волости

(*) Вѣроятно, этотъ татаринъ и былъ авторомъ приводимаго свидѣтельства, которое написано на татарско-киргизскомъ языкѣ (какъ и другія письма, прошенія и проч.).

Ханхожины начинают просить о присылкѣ къ нимъ казачьихъ отрядовъ для защиты отъ нападеній и грабежей со стороны киргизъ сосѣднихъ волостей (между прочимъ, Бура-Найманской, вѣдѣнія султановъ Досана и Клыча). Султаны, за эту присылку, обязывались уплатить въ пользу войска ремонтный сборъ лошадьми и продовольствовать отрядъ на свой счетъ. Посланный въ 1825 г. отрядъ возвратился на линію благополучно, командированный же въ октябрѣ 1826 г. сотникъ Везигинъ, при 25 казакахъ (*), встрѣтилъ, по его словамъ, при сборѣ лошадей, сопротивленіе со стороны части мурунскихъ киргизъ, такъ что дѣло, въ концѣ концовъ, дошло до вооруженной стычки. Наоборотъ, султанъ Сартъ Ючинъ (братъевъ его Везигинъ обвинялъ въ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ) вмѣстѣ съ 12 бѣями обратился съ жалобой, что Сиванкулъ Ханхожинъ, выпрашивая казачьи отряды, пользуется ими для взысканія своихъ долговъ и несправедливыхъ поборовъ, подъ видомъ ремонтнаго сбора въ пользу войска, и что сотникъ Везигинъ „открылъ безъ причины и безвинно непріятельскія дѣйствія“, причемъ казаками было убито три киргиза и вѣскольکو челоувѣкъ равено. Въ заключеніе Сартъ и бѣи заявили, что они не хотятъ имѣть Сиванкула Ханхожина своимъ радоначальникомъ. Послѣдній не остался въ долгу и, съ своей стороны, жаловался, что мурунцы снова напали на кочевья его и братъевъ, произвели большой грабелъ и продолжаютъ хищничать „по наущенію сдѣлавшагося у нихъ главнымъ начальникомъ султана Сарта Ючина“.

Въ виду этихъ происшествій въ степи, Генераль-Губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе объ отозваніи отряда Вези-

(*) Изъ нихъ 15 должны были вернуться на линію тотчасъ по полученіи лошадей.

тина на линію и о посылкѣ въ Мурунскую волость „благонадежнаго чиновника“ для „точного изысканія“ и примиренія враждующихъ. Посылка не состоялась, такъ какъ въ Семипалатинскъ прибылъ сынъ Сиванкула, а за нимъ и Сартъ Ючинъ. Ханхожины снова жаловались на грабежи мурунскихъ киргизъ, указывая, что послѣдними похищено у нихъ лошадей до 3400, барановъ до 1400, верблюдовъ 11 и 10 штукъ рогатаго скота. И въ этой жалобѣ они опять обвиняли Сарта Ючина, его братьевъ и родственника султана Бопу Абулфеизова. Мурунцы, по словамъ Ханхожиныхъ, не только грабятъ, но „будучи всегда вооружены“ угрожаютъ смертью султану Сиванкулу. Ючинъ же просилъ семипалатинскаго окружнаго начальника принять участіе въ окончаніи раздоровъ Ханхожиныхъ съ мурунцами „по степнымъ киргизскимъ обыкновеніямъ“. Просьба Сарта была уважена, Сиванкулъ и его братья вызваны въ Семипалатинскъ, гдѣ и было предложено спорящимъ избрать посредниковъ для рѣшенія ихъ притязаній другъ противъ друга. По просьбѣ Ючина, управлявшимъ областью былъ командированъ совѣтникъ Лыковъ „для наблюденія за справедливостью“ и „склоновенія къ миролюбію“. Лыкову было поручено, кромѣ того, при побѣздкѣ въ Мурунскую волость, произвести разслѣдованіе о дѣйствіяхъ казаковъ.

Избранные посредники (6 человѣкъ) не могли рѣшить дѣла въ Семипалатинскѣ „при всѣхъ стараніяхъ тамошняго окружнаго начальника и совѣтника Лыкова“. 15-го апрѣля 1827 г. враждующія стороны согласились „рѣшить дѣло свое въ степи, гдѣ есть болѣе къ тому удобства, чрезъ избранныхъ ими 6 посредниковъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ уже не прибѣгать съ просьбами къ начальству и жить съ сего времени

миролюбиво. Что же касается до убитыхъ киргизъ, то султанъ Сартъ Ючинъ и другіе старѣйшины со стороны мурунскихъ киргизъ, по приведеніи дѣла въ ясность, оправдали въ семъ случаѣ казаковъ, отнеся сію вину на султана Сиванкула“.

Но и въ степи С. Ючинъ и Ханхожины не примирились и продолжали приносить омскому областному начальству безконечныя жалобы другъ на друга. Ючинъ просилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о присылкѣ къ нему казачьяго отряда „какъ для увѣренія мурунскихъ киргизъ въ покровительство Россійскаго Правительства, равно и для того, чтобы Сиванкулъ, видя таковое благоволеніе, не могъ далѣе распространять злобныхъ своихъ видовъ на мурунскихъ киргизъ“. По словамъ одного изъ прошеній Ючина, онъ посылалъ къ Сиванкулу „своихъ людей для рѣшенія дѣла, но вмѣсто полученія удовлетворенія, Сиванкулъ ограбилъ тѣхъ посланныхъ“. Такъ какъ въ іюнѣ 1827 г. былъ командированъ къ границамъ Китая хорунжій Нюхаловъ „для секретнаго развѣдыванія о свирѣпствовавшей въ томъ государствѣ смертоносной болѣзни холерѣ“, то ему, между прочимъ, было поручено, во время пребыванія въ кочевьяхъ Сарта, вызвать избранныхъ обѣими сторонами посредниковъ, „понудить ихъ къ разбирательству дѣла въ присутствіи своемъ и стараться о совершенномъ онаго окончаніи миролюбивымъ образомъ“. Порученіе это Нюхалову исполнить не удалось, какъ за отказомъ посредниковъ явиться, такъ и вслѣдствіе крайняго ожесточенія враждующихъ сторонъ. Сиванкулъ просилъ одно время передать дѣло на рѣшеніе старшаго султана Каркаралинскаго внѣшняго округа Турсуна Чингисова (*), но ни мурунцы, ни Сартъ на это не согласились.

(*) О томъ же просилъ и самъ Чингисовъ, и ему черезъ Каркаралинскій Приказъ

Споръ съ Ханхожиными изъ за власти надъ Мурунъ-Найманской волостью заставилъ Сарта Ючина опредѣленіе, чѣмъ раньше, дѣйствовать въ пользу введенія русскаго управленія. Еще въ концѣ 1826 г. онъ обратился съ просьбой къ Омскому областному начальнику о дозволеніи прибыть въ Омскъ, а затѣмъ отправиться въ Петербургъ, для поздравленія Государя съ восшествіемъ на Престолъ. Броневскій на первое изъявилъ согласіе(*), о желаніи же Сарта представиться Государю донесъ Генераль-Губернатору, указывая, съ своей стороны, что ходатайство Ючина надо было бы уважить въ виду „отличныхъ достоинствъ“ этого султана и постоянного содѣйствія, оказываемаго имъ русскою торговлѣ. „Султанъ сей—писалъ въ этомъ донесеніи Броневскій—сколько мнѣ извѣстно, всегда доброжелательствовалъ нашей торговлѣ, сносѣшествовая свободному ходу семипалатинскихъ купеческихъ каравановъ, въ китайскіе города Кульджу и Чугучакъ и за сіе самое въ 1817 г. Высочайше награжденъ золотой медалью. Онъ равномѣрно уважаемъ и со стороны китаецевъ, чему доказательствомъ служить то, что онъ въ 1812 г. почтенъ отъ тамошняго правительства званіемъ гуна. Вообще, поведенія добровравнаго и имѣетъ довольную

въ декабрѣ 1827 г. было объявлено, что если „онъ можетъ согласить обѣ стороны къ примиренію.... то сіе вѣнчитъ ему въ особенную заслугу“.

(*) Какъ образчикъ сношеній областного начальства съ киргизскими султанами, при-
вожу отвѣтное письмо Броневского къ Сарту, отъ 26 ноября 1826 года:

„Средней Орды Субанской волости почтеннѣйшему султану Сарту Ючину.

„Прочитавъ Ваше письмо, я съ особеннымъ удовольствіемъ соглашаюсь на пріѣздъ
„Вашъ въ Омскъ, для личнаго со мною свиданія и знакомства, коимъ я давно уже
„столь много дорожилъ. О позволеніи же Вамъ, почтеннѣйшій султанъ, предстать къ
„Высочайшему Его Императорскаго Величества Двору я не оставляю испросить у глав-
„наго начальства разрѣшенія. Пребывая съ истиннымъ желаніемъ Вамъ всякаго блага“
(подпись).

силу въ народѣ. Кочевья его находятся при горахъ Тарбагатайскихъ на караванномъ трактѣ“.

Въ Омскѣ Сартъ Ючинъ, съ братомъ Шамратомъ, пріѣхалъ 20 февраля 1827 г. и пробылъ тамъ до 2 марта. Въ семипалатинскомъ архивѣ не оказалось свѣдѣній, въ чемъ состояли его переговоры съ Броневскимъ. Между прочимъ, по его просьбѣ, были выданы „старшинскіе листы“ и серебряныя печати сопровождавшимъ его тремъ киргизамъ Мурунъ-Найманской волости и выданъ такой же листъ одному старшинѣ, вмѣсто утраченнаго. Кромѣ того, какъ видно изъ одной записки въ дѣлахъ, Сартъ просилъ „произвести (sic) въ старшины, съ награжденіемъ таковой же печати, подвѣдомственнаго ему киргиза Б. Дундукова“ и просьба эта была также уважена(*). Султановъ сопровождалъ въ Омскъ мулла(**).

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ючина изъ Омска, Броневскій получилъ увѣдомленіе отъ Генераль-Губернатора, что на поѣздку Сарта послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе (примѣч. 3-е). Вслѣдствіе этого семипалатинскому окружному начальнику было предписано объявить о томъ Ючину и, когда онъ рѣшится ѣхать, отправить его до Омска съ небольшою сви-

(*) Вотъ образецъ „старшинскаго листа“: „Объявляется чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому вѣдать надлежитъ, что показателъ сего, Мурунъ-Найманской волости старшина бій Садыбекъ Кутебаевъ, производится мною въ сіе званіе за отличное его усердіе и преданность къ Россійскому Самодержавному Престолу, пекущемуся о пользахъ народа кпргизъ-кайсацкаго. Того ради всѣ наши военные и гражданскіе чины, по состоянію чина и званія, обязываются во всѣхъ его, Кутебаева, справедливыхъ дѣлахъ оказывать законную защиту и покровительство. Для чего изданъ сей (листъ) за подписаніемъ и приложеніемъ герба моего печати въ областномъ городѣ Омскѣ“.

(**) На содержаніе въ Омскѣ съ 20 февраля по 2 марта С. и Ш. Ючинныхъ съ 4 бѣями, муллою и „служителемъ“ было израсходовано 45 р., полагая въ сутки: Сарту 1 р. 50 к., Шамрату 1 р., бѣямъ по 50 к. и муллѣ и служителю по 25 к.

той, на казенный счетъ, въ сопровожденіи „способнаго урядника, знающаго киргизскій языкъ, поручивъ ему имѣть особенное попеченіе о доставленіи въ пути депутатамъ нужнаго спокойствія и отдохновенія“(*). Въмѣстѣ съ тѣмъ Броневскій поручилъ Кемпену „принять особенное попеченіе“, чтобы спорныя дѣла Ючина съ Ханхожиными „непремѣнно нынѣ же были приведены къ окончанію“.

Борьба съ Сиванкуломъ нѣсколько разъ заставила Ючина откладывать разрѣшенную ему поѣздку. Ханхожины перешли съ своими ближайшими сторонниками изъ Мурунской волости въ Табуклинскую и, судя по одному изъ донесеній Сарта, Сиванкулъ, съ отрядомъ изъ 5—6 сотъ табуклинцевъ, неоднократно грабилъ мурунцевъ и преграждалъ путь къ выѣзду въ степь или на линію(**). Наконецъ, въ началѣ января 1828 г. Ючинъ пріѣхалъ изъ Семипалатинска въ Омскъ, откуда, въ концѣ того-же мѣсяца, и былъ отправленъ въ Петербургъ со „свитой“ изъ пяти челоувѣкъ (одного бія, двухъ старшинъ, муллы и татарина Файзуллы Сейфуллина) и въ сопровожденіи назначеннаго „приставомъ“ къ депутаціи

(*) На случай поѣздки Ючина, Броневскій прислалъ семипалатинскому окружному начальнику „открытый листъ“ такого содержанія: „Слѣдующему къ Высочайшему Двору султану Сарту Ючину съ его свитою предписывается г.г. мѣстнымъ начальникамъ и командующимъ по тракту отъ Семипалатинска до Омска оказывать всякое пособіе къ безпрепятственному и спокойному слѣдованію, давая въ сопровожденіе отъ мѣста до другого, въ видѣ почетнаго конвою, по два казака въ должной формѣ, а въ потребныхъ мѣстахъ для отдохновенія отводить приличныя квартиры. Для чего и данъ сей за подписаніемъ и приложеніемъ печати въ областномъ городѣ Омскѣ апрѣля 16 дня 1827 года“.

(**) Съ жалобой на Сиванкула въ тоже время обратился и султанъ Солтабай Бопинъ. По просьбѣ отца его Бопы Абулфейзова, Солтабаю было разрѣшено сопровождать Сарта въ Петербургъ, въ качествѣ одного изъ членовъ свиты Ючина. Вѣроятно, вражда съ Сиванкуломъ помѣшала Солтабаю воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ.

начальника отдѣленія омскаго общаго областного управленія Сушина „при двухъ казачьихъ чинахъ“. Сушину была дана подробная инструкція, въ которой, между прочимъ, предлагалось „имѣть бдительное попеченіе о спокойномъ препровожденіи депутаціи и необходимомъ въ пути отдохновеніи, требуя въ городахъ и селеніяхъ нужнаго пособія отъ мѣстныхъ начальствъ силою предлагаемаго открытаго листа“. Впрочемъ, было приказано „безъ особой надобности вигдѣ не останавливаться“.

Какъ видно изъ донесеній пристава Сушина, депутація 11 февраля прибыла въ Казань и 24 того-же мѣсяца въ Москву. Обратнo въ Омскъ депутаты пріѣхали 17 іюля, а 13 августа Ючинъ съ своей свитой, въ сопровожденіи урядника и четырехъ казаковъ, „черезъ Семипалатинскую таможенную на законномъ основаніи за границу пропущены“. Поѣздка Сарта обошлась казнѣ, не считая подарковъ и содержанія въ Петербургѣ. въ передній путь въ 4336 р. 08 к. и обратный (до Семипалатинска)—6769 р. 38 к. (примѣч. 4-е).

О пребываніи Ючина въ Петербургѣ мнѣ не удалось найти никакихъ свѣдѣній. Еще передъ отъѣздомъ, онъ нѣсколько разъ просилъ послать въ его волость, для охраны отъ Ханхожиныхъ и табуклинцевъ, отрядъ казаковъ „и съ ними вмѣстѣ одного изъ кочующихъ на линіи—благонадежнаго султана или старшину“. Опасенія Сарта оправдались и во время его отсутствія областное начальство получило рядъ жалобъ отъ мурунцевъ и султановъ Бопы Абулфеизова и его сына Солтабая. Необыкновенно суровая зима, въ связи съ отдаленностью зимней стоянки Сарта („верстѣ до 500 отъ линіи“) помѣшала отправить отрядъ (16 казаковъ подѣ-

командой хорунжаго Нюхалова) до весны 1828 г. (*). Находясь, на возвратномъ пути изъ Петербурга, въ Тобольскѣ, Ючинъ просилъ усилить этотъ отрядъ и въ жалобѣ, поданной Генераль-Губернатору, вычислилъ, что табуклинцы (**) съ 1821 года похитили у мурунцевъ 3207 лошадей, 5 верблюдовъ и 45 штукъ рогатаго скота, о возвратѣ которыхъ Сартъ и просилъ. Султаны Ханхожины (Сиванкулъ и Кучукъ), по приѣздѣ Сарта, также обратились съ просьбой о присылкѣ отряда для защиты отъ мурунцевъ и даже о принятіи ихъ „подъ покровительство“ Каркаралинскаго приказа. Первое было отклонено, относительно же „покровительства“ было предписано названному приказу: „если они съ киргизами имѣютъ къ тому твердое намѣреніе, то и могутъ быть причислены къ округу“.

Нюхаловъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ, дѣйствительно, ничего не могъ подѣлать и, судя по его донесеніямъ, смуты по прежнему продолжались, причемъ Нюхаловъ обвинялъ во всемъ Сиванкула. Въ декабрѣ 1828 г. къ Генераль-Губернатору поступило прошеніе отъ ѣздившихъ въ Петербургъ депутатовъ (старшины Айдарбека Кутебаева и 3 биевъ) о взысканіи съ Ханхожиныхъ куна за убитыхъ въ 1826 г. трехъ мурунцевъ (см. выше) и объ удаленіи Ханхожиныхъ изъ Мурунской волости. Просители писали: „дѣти покойнаго султана Ханхожи: Джанбубекъ, Сиванкулъ, Кучукъ, Даниаръ и Чалгынбай нашу Найманскую волость привели въ крайнее раззореніе, почему и желательно намъ,

(*) Согласно обязательству мурунцевъ, продовольствіе отряда было отнесено на ихъ счетъ. Кромѣ того, мурунскіе старшины обязались „дать за нахождение у нихъ отряда въ ремонтъ войска (т. е. казачьяго) 25 лошадей, годныхъ къ службѣ“.

(**) „Киргизцы Мурзамамай, Ювань-таякъ и Кучукъ Табуклинской волости“.

чтобъ сіи пять султановъ удалились изъ нашей Найманской волости, поелику родственники оныхъ имѣютъ свое пребываніе въ Аргынскихъ родахъ, нами же должны завѣдывать дѣти бывшего хана Абулфеиза“.

Не прекращавшіяся неурядицы въ степи заставили Генераль-Губернатора (Вельяминова) прибѣгнуть къ рѣшительному шагу и 19 декабря 1828 г. онъ далъ предписаніе(*) омускому областному начальнику объ усиленіи отряда Нюхалова до 100 человекъ, а если тотъ вернулся уже изъ степи (что передъ этимъ ему было приказано сдѣлать), то вновь командировать его къ Сарту.

По поводу указаннаго предписанія возникла цѣлая перениска. Прежде всего, кочевья Сарта отстояли отъ линіи такъ далеко, что нечего было и думать о посылкѣ отряда ранѣе весны. Первоначально предполагалось, что Сартъ, помимо доставки на свой счетъ провіанта и фуража съ линіи и продовольствія отряда мясомъ, долженъ будетъ представить лошадей „въ ремонтъ“, но вслѣдствіе отзыва Сарта, что „и дѣды его ремонту лошадьми никогда не жертвовали“, Генераль-Губернаторъ рѣшилъ, что „какъ отрядъ казаковъ для султана Сарта Ючина назначенъ по Высочайшему повелѣнію и въ томъ предположеніи, чтобъ симъ показавъ наше къ нему предпочтеніе, обратить къ нему преклонность народа, и ему давъ почувствовать пользу отъ охраненія нами его кочевьевъ, болѣе преклонить къ содѣйствію при откры-

(*) Въ этомъ предписаніи Генераль-Губернатора сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Имѣя Высочайшее повелѣніе, объявленное мнѣ въ отношеніи Г. Управляющаго Азіатскимъ Департаментомъ, о содѣйствіи къ прекращенію несогласій ихъ („киргизъ Найманъ-Каракиреевскаго племени“) съ Аргынскимъ родомъ“ (т. е. племенемъ) и т. д. Надо полагать, что С. Ючинъ просилъ объ этомъ въ Петербургѣ.

ти округѣ, то посему не должно дѣлать настоятельныхъ требованій о ремонтѣ, но замѣтить султану Ючину, что онъ по принятому порядку не откажетъ вознаградить издержки казаковъ при сей командировкѣ какимъ-либо добровольнымъ пожертвованіемъ въ пользу войска“. Наконецъ, спрашивая о мѣрахъ, посредствомъ которыхъ отрядъ могъ бы способствовать удовлетворенію претевзій Сарта, областной начальникъ (де Севтъ Лоранъ) представилъ Генераль-Губернатору подробныя соображенія(*) о причинахъ вражды Ючиныхъ съ Ханхожиными. „Всѣ несогласія и вражда сія происходятъ отъ одного совмѣстничества и желанія сихъ султановъ вытѣснить одинъ другого отъ управленія волости Найманской, раздѣляющейся на нѣсколько родовъ, которыми они завѣдывали съ большею или меньшею властью. И какъ султаны сіи состоятъ въ родствѣ и право на управленіе волостью зависитъ отъ согласія народа, то прежде нежели рѣшено будетъ сіе право, не представляется возможнымъ сдѣлать какую либо расправу въ прекращеніе всѣхъ сихъ несогласій, не употребивъ противъ той или другой стороны насильственныхъ мѣръ“. По мнѣнію областного начальника, было бы необходимо „для рѣшенія сего права объ управленіи волостью“ послать въ степь чиновника, „заслуживающаго болѣе довѣренности и старшаго въ званіи, нежели хорунжій Нюхаловъ“.

(*) Лично областной начальникъ былъ противъ вмѣшательства въ споръ Ючиныхъ съ Ханхожиными. По этому поводу, въ томъ же донесеніи (31 декабря 1828 г. № 1722) онъ писалъ Генераль-Губернатору, что вмѣшательство было бы „несогласно съ тѣмъ положеніемъ Областного Совѣта, представленнымъ къ Вашему Пр-ву на утвержденіе отъ 5 октября за № 1282, которымъ, именно статью седьмою, полагается не принимать никакого посредства въ междоусобныхъ дѣлахъ киргизовъ, не поступившихъ на положеніе новаго объ нихъ устройства. И такъ, если положеніе сіе удостоено будетъ утвержденія, то и все дѣло остается рѣшить тѣмъ, чтобы предоставить сихъ султановъ собственной ихъ управѣ или вступить подъ управленіе внѣшнихъ округовъ“.

Генераль-Губернаторъ не оставилъ безъ вниманія этихъ соображеній и, отклоняя всякую мысль о насильственныхъ мѣрахъ, отвѣтилъ областному начальнику, что „можно будетъ, открывъ внимательнымъ наблюденіемъ мнѣніе народа въ пользу котораго либо изъ султановъ, а отъ него самого наклонность къ принятію въ округѣ новаго устройства, дать тому преимущество въ нашемъ покровительствѣ“.

Весной 1829 г. отрядъ былъ сформированъ подъ начальствомъ есаула Иванова, которому и дана была инструкція о предстоящихъ дѣйствіяхъ въ степи. Иванову было предписано, по прибытіи въ Мурунь-Найманскую или Табуклинскую волость („какъ удобнѣе признаете“), вызвать султановъ Ючиныхъ и Ханхожиныхъ и всѣхъ главныхъ старѣйшинъ. „до кого будутъ относиться дѣла“, и истребовавъ отъ нихъ „подробныя свѣдѣнія о всѣхъ претензіяхъ, на кого и въ чемъ кто имѣетъ“, предложить разобрать всѣ споры („непремѣнно въ присутствіи же Вашемъ“) тѣмъ шести посредникамъ, которые были избраны въ 1826 г. въ г. Семипалатинскѣ, а если послѣдніе откажутся, то „предоставить претендателямъ и отвѣтчикамъ выбрать новыхъ посредниковъ и чрезъ нихъ разобрать и рѣшить всѣ объявленныя однимъ на другого претензіи по степнымъ обыкновеніямъ, миролюбивымъ образомъ, и чѣмъ будутъ дѣла рѣшены, или съ кого положено будетъ взыскать, утвердить то письменнымъ приговоромъ“. Этотъ приговоръ Ивановъ долженъ былъ немедленно, до возвращенія на линію, „привести въ исполненіе, такъ чтобы они (враждующіе) не имѣли уже права возобновлять снова тѣ дѣла и затруднять новыми просьбами начальство“. Для достиженія всего этого предписывалось принимать „только краткія мѣры“. Виѣстѣ съ тѣмъ Иванову

было предложено „удостовериться изъ подъ руки по сущей справедливости и безъ всякаго лицепріятія“, кто изъ султановъ управлялъ прежде волостью (т. е. Ючины или Ханхожины) и возбудилъ раздоры, „кто изъ нихъ болѣе имѣетъ силы и вліянія въ народѣ и кому оный оказываетъ болѣе предпочтенія“, а также „кто изъ сихъ султановъ полезнѣе правительству или отъ кого можно ожидать болѣе содѣйствія въ учрежденіи въ Мурунской волости округа внѣшняго, имѣютъ ли они и народъ къ тому наклонность и въ какомъ числѣ“. Наконецъ, Иванову было еще поручено разобратъ, по сполучности, массу спорныхъ дѣлъ, не касавшихся вражды Ючиныхъ и Ханхожиныхъ (примѣч. 5-ое). Всѣ эти сложныя порученія рекомендовалось исполнить въ теченіе 3 мѣсяцевъ.

5 апрѣля 1829 г. отрядъ, подъ командой Иванова, вышелъ изъ Семипалатинска и былъ встрѣченъ за Иртышомъ братомъ Сарта, Ишимомъ. Ивановъ думалъ идти скорѣе въ Табуклинскую волость, „дабы оная не могла разойтись“, но Ишимъ настоялъ, чтобы отрядъ шелъ въ Мурунскую волость. 13-го апрѣля была остановка на рѣчкѣ Джарма, 15 перешли на рѣчку Дженишкесу, около которой отрядъ, по случаю ненастной погоды, пробылъ три дня. 19 апрѣля отрядъ былъ встрѣченъ Сартомъ, а 22 прибылъ въ его аулъ, стоявшій тогда на ур. Косъ-Мурунь. Здѣсь, по настоянію Сарта, Ивановъ пробылъ до 7 мая, какъ видно изъ его донесенія, „для собранія его (т. е. Сарта) волости бѣевъ и киргизъ, которыхъ онъ самъ не въ силахъ былъ собрать безъ отряда казаковъ,—какъ мурунцы, равно сиванцы и ахимбетцы, по нерасположенію къ нему, на собственный его вызовъ почти никто не являлся“. Затѣмъ, по

просьбѣ Сарта, Ивановъ съ 30 казаками ѣздилъ „видѣться со старшимъ ихнимъ султаномъ Бопой и переговорить о дѣлахъ ихъ“. Въ это время въ волость Сарта явились ташкентцы для взысканія долговъ, но Ючинъ сталъ препятствовать этому и даже просилъ Иванова „тѣхъ ташкентцевъ непременно выпроводить обратно отъ него и волостей его, поясняя, что чрезъ взыскъ ташкентцамъ киргизцы растроятся и не будутъ ему повиноваться“. Вообще, по мнѣнію Иванова, „Сартъ имѣлъ наклонность свою, чтобы имѣть данный ему отрядъ не для окончанія въ степи ссоръ и миролюбивой расплаты долговъ и полученія своихъ, но единственно къ расхищенію прочихъ волостей, а своихъ хищниковъ защитить и войти чрезъ то къ нимъ въ довѣренность“. Наконецъ. 14 мая Ивановъ отправился съ отрядомъ, по тракту, въ Табуклинскую волость, въ сопровожденіи Сарта, который также собралъ отрядъ въ 1500 человекъ („имѣлось у каждого копье и огнестрѣльное оружіе“). Киргизскій отрядъ „подалъ“ Иванову большое сомнѣніе, такъ какъ „изъ подъ руки“ онъ узналъ, что „сей народъ намѣренъ непременно ограбить султана Сиванкула и его подвластныхъ киргизъ и Табуклинскую волость“. 16 мая на встрѣчу Иванову прибылъ султанъ Кучукъ Ханхожинъ и просилъ не входить въ его аулъ, такъ какъ онъ боялся Сарта. Отрядъ остановился около рѣчки Ащи-су „на ключахъ“. А когда шли начально возлѣ Арката“, Сартъ и Солтабай убѣждали Иванова „безотступно“, чтобы онъ насильно подчинилъ имъ стоявшихъ за Сиванкула сиванскихъ бѣевъ (старшинъ ?) Джанбулата и Кубея съ подвластными этимъ бѣямъ киргизами и отобралъ у нихъ имущество. Ивановъ вызвалъ къ себѣ бѣевъ, но тѣ заявили, что „за лучшее они признають идти въ Семицалатинскъ и быть подъ россійскимъ управ-

леніемъ, а не въ вѣдѣніи Ючиныхъ“. Отказъ Иванова употребить силу привелъ Сарта „въ большое неудовольствіе“, но всетаки аулы (біевъ) остались въ покоѣ“.

20 мая было приступлено къ разбору несогласій Сарта съ Сиванкуломъ. Были поставлены особыя палатки для шести посредниковъ, которые и должны были, по степнымъ обычаямъ, рѣшить всѣ споры. Но, судя по донесенію Иванова, благодаря „препятствію“ Ючина, посредники не могли ничего сдѣлать. Ими былъ только рѣшенъ споръ Айдарбека Кутебаева и мурунскихъ біевъ съ Сиванкуломъ о взысканіи куна за убитыхъ въ 1826 г. трехъ человѣкъ (*). По настоянію Сарта, отрядъ 28 мая двинулся въ Табуклинскую волость, причемъ Ючинъ не согласился на убѣжденія Иванова не вести въ эту волость своихъ киргизъ. Вообще, всѣ донесенія есаула Иванова говорятъ противъ Сарта. Такъ, вопреки обѣщанію, онъ отказался продовольствовать казаковъ въ дорогѣ мясомъ, „Сиванкулъ же, узнавъ, что отрядъ не имѣетъ мясной порціи, прислалъ 7 быковъ и 30 барановъ, которыми отрядъ и пользовался дорогой до Табуклинской волости“. Для созыва табуклинцевъ былъ посланъ впередъ хорунжій Нюхаловъ. По дорогѣ, къ Иванову явился султанъ Брали Токовъ и уговорился съ Сартомъ, „дабы весь искъ платить только за 4 года, а прежніе бросить и не требовать, равно и съ Сарта при случаѣ получить тоже только за 4 г.“. „Но Сартъ—доносилъ Ивановъ—послѣ измѣнилъ своему условію и требовалъ за всѣ года, почему та-

(*) Изъ подписокъ объ окончаніи спора, данныхъ обѣими сторонами, видно, что при разборѣ дѣла было до 1500 человѣкъ, нѣсколько біевъ, старшинъ и, кромѣ султановъ Ханхожинныхъ, въ качествѣ свидѣтелей султанъ Бура-Найманской волости кол. ас. Кличъ Досановъ, старшина Сарджумартской волости губ. секр. Тлеуберди Кузбаевъ и др. Тлеуберди собственноручно росписался порусски.

буклинцы разбѣжались въ разныя стороны“. Выше было сказано, что Сартъ считалъ за табуклинцами 3207 лошадей, 5 верблюдовъ и 45 головъ рогатаго скота. Въ уплату съ табуклинцевъ было взыскано (кромѣ 47 верблюдовъ въ кунъ за убитаго челоуѣка) 5 верблюдовъ, 1586 лошадей и 580 барановъ, „а въ остальномъ количествѣ, по неимѣнію многихъ волостей (отдѣленій?) роду Табуклинскаго(*), султанъ Брали и Сартъ Ючинъ обязались подписками“, что уплата будетъ произведена „по собраніи“ табуклинцевъ (примѣч. 6-е).

28 іюня Ивановъ отправился изъ Табуклинской волости (онъ стоялъ на урочищѣ Кызыль-тау вблизи Баянъ-аула) обратно къ Аркату, а 3 іюля, по прибытіи къ р. Чаганкѣ, Сартъ „уѣхалъ тихимъ образомъ, куда—не извѣстно, безъ всякаго разсчета“.

Въ рапортѣ о своей командировкѣ Ивановъ донесъ, что, какъ онъ узналъ „отъ самихъ же старшихъ султановъ, биевъ и киргизцевъ“, Мурунской волостью управляли султаны Юча и Ханхожа, причемъ послѣдній изъ нихъ имѣлъ даже вліяніе и на другія волости“. По смерти своихъ отцовъ, Сартъ и Сиванкулъ „имѣли, какъ родственники, кочевку въ одной волости. Сартъ сдѣлалъ междуусобный раздоръ, почему Сиванкулъ и уководвалъ съ братьями отъ волости прочь“. „Вся волость имѣетъ болѣе повиновенія къ Сиванкулу и Сартъ дѣйствовать своимъ лицомъ безъ російскаго управления не можетъ“.

Судя по донесеніямъ Иванова, можно предположить, что онъ очень мало зналъ о томъ, что дѣлается въ той самой

(*) Въ одномъ изъ донесеній Ивановъ сообщилъ, что „главные отвѣтчики, бій Усть-конбай съ волостью Кучукъ, уководвали, извѣстно, что якобы къ морю Балхашъ, а майцы до сего времени въ извѣстность не приведены“.

степи, гдѣ онъ былъ въ командировкѣ. Еще въ мартѣ 1829 г. Сартъ и братъ его Ишимъ отправили къ Генераль-Губернатору письма съ просьбой объ открытіи въ ихъ волости Окружнаго приказа(*). Въ началѣ мая Генераль-Губернаторъ прислалъ Сарту очень любезное письмо(**) съ обѣщаніемъ донести Государю о его „усердіи къ пользѣ общей“, открытіе же округа возложилъ на начальника штаба Сибирскаго Отдѣльнаго Корпуса (Григоровскаго?), который участвовалъ въ открытіи Кокчетавскаго округа.

Одновременно съ письмами отъ Ючиныхъ, Генераль-Губернаторъ получилъ письмо и отъ Сиванкула Хаихожина, съ приложеніемъ прошенія на Высочайшее Имя. Прежде

(*) Прихожу начало письма Ишима Ючина: „Въ бытность у Вашего В—ва нашей Каракирей-Найманской волости султана Сарта Ючина, *Вы изволили предложить ему* (sic), чтобъ для общаго народнаго спокойствія онъ, султанъ, пригласилъ народъ къ открытію у насъ въ Каракирей-Найманской волости Окружнаго приказа, вслѣдствіе какового предложенія Вашего почегный народъ нашъ на открытіе округа изъявилъ добровольное свое согласіе“. Дальше рѣчь идетъ о присылкѣ обѣщаннаго отряда въ 100 человекъ. Письмо подписано 30 бѣями и старшинами. О согласіи народа говорить и Сартъ.

(**) Письмо Генераль-Губернатора Западной Сибири Вельяминова:

„Его Высочество султану Средней Киргизской Орды, Найманъ-Каракиреевскаго рода, Сарту Ючину.

„Къ совершенному для меня удовольствію, я имѣлъ честь получить увѣдомленіе Ваше, Достопочтеннѣйшій Султанъ, что Вы со многими изъ Волостныхъ Старшинъ повѣстнаго Вамъ киргизскаго народа желаете вступить на положеніе вводимаго въ киргизской степи устройства, и нынѣ же сдѣлали отъ себя зависящее къ тому распоряженію, предписавъ также и о посѣщеніи откомандированіи къ Вамъ отряда казаковъ.

„Намѣреваясь тотчасъ по возобновленіи лѣтней дороги отправиться для осмотра Западной Сибири, я буду проездомъ во многихъ мѣстахъ по линіи, то для меня весьма будетъ пріятно видѣться съ Вами, чтобъ лично увѣрить въ моемъ къ Вамъ уваженіи. А когда желаніе Ваше, Достопочтеннѣйшій Султанъ, при необходимомъ къ тому отъ Васъ содѣйствіи, въ полной мѣрѣ увѣнчается успѣхомъ, то я вмѣню первымъ для себя долгомъ о таковомъ усердіи Вашемъ къ пользѣ общей донести Его Императорскому Величеству“.

всего Сиванкуль отмѣтилъ, что при открытіи Каркаралинскаго округа „нѣкоторые киргизы, боясь, удалились изъ волостей и скрываются до сего времени“. Если бы ему было дозволено „предстать предъ Высочайшее лицо Императорскаго Величества“, то онъ „объяснилъ бы причину укрывательства ихъ отъ новаго устройства“ и употребилъ бы „стараніе привлечь народъ киргизскій къ принятію онаго“. Въ случаѣ неудовлетворенія этого ходатайства, Сиванкуль просилъ „послать оттолъ сюда значительнаго и опытнаго чиновника, который бы былъ безпристрастенъ къ взяткамъ, а съ нимъ вмѣстѣ командировать изъ здѣшней губерніи 300 человекъ военнаго отряда и сверхъ того меня наградить чиномъ, какимъ благоугодно будетъ“. Сиванкуль обязался чиновнику „все тайныя дѣла пересказать, потомъ всѣми мѣрами стараться киргизскій народъ, усмиривъ добрыми наставленіями, присоглашать къ принятію въ степи, по силѣ Устава, новаго устройства. Отряду тому повелѣтъ находиться въ кочевьяхъ нашихъ одинъ годъ для прекращенія междоусобныхъ барантовъ и грабежей. Когда же оныя прекратятся и возобновятся въ Средней Ордѣ Каракирей-Найманской волости, а также и въ Большой (Ордѣ) Уйсунской волости тишина и спокойствіе, тогда и отошедшіе киргизы сами обратятся на прежнія свои мѣста“. Отрядъ Сиванкуль просилъ послать съ содержаніемъ на счетъ казны: „если же тотъ отрядъ будетъ посланъ на счетъ продовольствія народа, то при начальномъ введеніи новаго устройства не было бы оному въ отягощеніе, такъ какъ и мы въ то время будемъ содержать на собственномъ своемъ коштѣ употребленныхъ къ склоненію народа подъ управленіе Россіи приверженныхъ намъ людей“. „И такъ—обѣщался Сиванкуль—буде послѣдуетъ въ вышеписанномъ количествѣ отрядъ, то

я надѣюсь съ братьями моими, при помощи Бога, склонить киргизскій народъ благоразумными совѣтами. Когда жъ народъ взойдетъ подъ управленіе Россіи, то большая бы польза была для казны“. „Не повинующихся киргизъ“ Сиванкуль рекомендовалъ „успокоить и наказывать“ и еслибъ кто въ это время былъ убитъ, то платить кунъ не слѣдовало бы. Далѣе Сиванкуль просилъ одновременно съ отрядомъ прислать землебра „для размежеванія земель и, на основаніи издавнаго въ 1782 году манифеста(*), предоставить оныя въ вѣчное потомственное владѣніе людямъ, оставшуюся же затѣмъ выгодную оставить въ пользу казны. Потомъ наложить на людей ясакъ съ тѣмъ, чтобъ получать отъ нихъ лисицами и куницами, но на первый случай легкій, со временемъ же народъ киргизскій, привыкнувъ къ устройству, можетъ самъ давать болѣе“. Сборъ со скота пугаетъ киргизъ и разорителенъ для нихъ. Необходимо, кромѣ того, „сдѣлать тайнымъ образомъ перепись юртамъ“, которую „могъ бы заняться писатель сего прошенія изъ татаръ 74 лѣтъ челоѣкъ, который былъ взятъ въ плѣнъ съ Оренбургской линіи Малой Орды Алчинскими киргизами и доставшійся сюда чрезъ киргизъ, посредствомъ онаго продажи, нынѣ жъ онъ занимается здѣсь обученіемъ малолѣтнихъ дѣтей грамотѣ и полезному наставленію, который у насъ всѣми нами весьма уважаемъ“. Въ заключеніе Сиванкуль опять напоминаетъ о себѣ: „когда жъ все сіе будетъ приведено въ порядокъ, то дозволено было бы намъ прибыть къ Высочайшему Двору“...

Кажется, Сиванкуль не получилъ никакого отвѣта на свои

(*) Не ссылка ли на грамоту объ утвержденіи султана Валія (сынъ Аблая) ханомъ Средней Орды и проч?

предложенія. Въ іюль 1829 г., когда въ степи былъ уже Ивановъ, Омскій областной начальникъ получилъ письмо отъ Сиванкула съ просьбой ходатайствовать объ открытіи округа. Вѣроятно, и это письмо было оставлено безъ отвѣта, такъ какъ Генераль-Губернаторъ предпочелъ дѣйствовать, для открытія округа, черезъ С. Юина. Впрочемъ, самъ Сиванкулъ не считалъ еще своего дѣла проиграннымъ и, судя по письму къ Омскому областному начальнику султана Сиванъ-Найманской волости Солтабая Бопина, рассчитывалъ быть, по открытіи округа, старшимъ султаномъ. Вопросъ, кто займетъ эту должность, не могъ, конечно, не волновать султановъ и Солтабай въ томъ же письмѣ (примѣч. 7-е) указываетъ, что старшій султанъ долженъ быть избранъ изъ семьи Бопиныхъ.

Какъ сказано выше, Генераль-Губернаторъ возложилъ открытіе новаго округа на начальника штаба Сибирскаго Отдѣльнаго Корпуса. Это рѣшеніе побудило начальника Омской области де Сентъ-Дорана донести Генераль-Губернатору объ одномъ главнѣйшемъ обстоятельстве, требующемъ предварительнаго разрѣшенія въ исполненіи, а именно, не будетъ ли обнаружено со стороны Китайскаго Правительства каковыхъ неудовольствій, могущихъ поколебать дружественныя наши связи съ симъ государствомъ, когда учрежденъ будетъ округъ въ Каракирей-Найманской волости, гдѣ находится султанъ Сартъ. Ибо извѣстно, что большая часть султановъ, въ сопредѣльности китайской границы кочующихъ, и самъ Сартъ издавна признавали надъ собой зависимость того государства, возводимы были отъ онаго въ разныя степени достоинствъ, которое имѣетъ и Сартъ, и даже платили нѣкоторый родъ подати. Въ сей зависимости

удерживаютъ ихъ китайцы и до нынѣ, Правительство же наше, при каждомъ случаѣ, возрождающемъ неприятыя сношенія, старалось оныя прекратить въ самомъ ихъ началѣ и уклонялось отъ всякихъ пререканій, слѣдуя единому желанію сохранить навсегда съ китайцами миръ“. Надо полагать, что это представленіе послужило поводомъ къ нѣкоторой отсрочкѣ открытія округа и къ перепискѣ, съ цѣлью выясненія отношеній Китая къ киргизскимъ султанамъ, просившимъ о введеніи русскаго управленія (прим. 8-е).

Открытіе округа(*) въ кочевьяхъ Сарта, на Аягузѣ, дѣйствительно обратило на себя вниманіе китайскихъ граничныхъ властей и ими сдѣланъ былъ рядъ попытокъ къ отвращенію султановъ отъ русскаго подданства (прим. 9-е). Такъ, въ іюлѣ 1831 г. китайцы старались завязать сношенія съ сыномъ султана Сиванской волости Бопы Абулфейзова Джанкобомъ, но отецъ послѣдняго тотчасъ довелъ объ этомъ Аягузскому приказу, за что и получилъ письменную благодарность отъ начальника Омской области. Вскорѣ и Сартъ Ючинъ получилъ очень рѣзкое письмо отъ китайскихъ чиновниковъ, „управлявшихъ дѣлами“ на Тарбагатаѣ. Привожу это письмо, въ переводѣ (очень безграмотномъ) того времени:

„Отъ управляющихъ по повелѣнію богдохана дѣлами на „Тарбагатаѣ высокихъ Хебе Амбу и Батырь Амбу киргизскому гуну Сарту.

(*) Открытіе округа послѣдовало въ 1831 г., но въ какомъ мѣсяцѣ и при какихъ обстоятельствахъ—свѣдѣній объ этомъ въ Семиналат. Обл. пр-ніи не оказалось. Старшимъ султаномъ округа былъ утвержденъ Сартъ Ючинъ, застѣлаломъ приказа: Веберъ, Герасимовъ и Сейтеновъ, секретаремъ Савиничъ. Волостными султанами были, между проч., Бопы Абулфейзовъ—Сиванской в., Ишимъ Ючинъ Назаровской.

„По письму Илинскаго высокаго Джанджона (губернатора Кульджи) относительно заведенія русскими при рѣкѣ Аягузѣ на мѣстахъ гуна (Сарта) домовъ, мы письменно предписывали командировать съ отрядомъ чиновника, чтобы удостоверить о семъ точнѣе.

Во исполненіе чего, чиновникъ сей, съ отрядомъ ему порученнымъ, перешедъ р. Аягузъ, видѣлся съ русскими, которые на спросъ его отвѣчали, что они находятся тутъ по приглашенію гуна. Между тѣмъ, вмѣсто того, какъ мы полагали, чтобъ русскимъ прибыть для однихъ только рѣшеній дѣлъ киргизскихъ, они построили два деревянныхъ дома, гдѣ находится болѣе 200 русскихъ“. Сарту былъ сдѣланъ запросъ и онъ отвѣчалъ, что „русскихъ привелъ потому, что подвѣдомственные ему киргизы дѣлаютъ ему послушаніе и что между ими случаются нужныя (?) дѣла. Но, напротивъ того, въ вашемъ народѣ господствуетъ вящее спокойствіе, какъ обо всемъ семъ, по возвращеніи своемъ, донесъ нашъ чиновникъ. Если принять въ соображеніе обычаи и законы, то русскіе есть иноземцы, которые не имѣли прибыванія на мѣстахъ нашего Государя и киргизы отнюдь не переходили во внутрь, чему служить преградой кормулинская (?) стража. Нѣтъ мѣстъ, о которыхъ бы не звалъ гуна Сартъ.

„Въ случаѣ дѣлъ, возникшихъ между киргизцами, тобою завѣдуемыми, ты, основываясь на законахъ и обычаяхъ, долженъ бы наказывать ихъ и управлять ими строго, тогда званіе гуна приняло бы совершенный видъ. Неужели ты дошелъ до безумія, что не въ состояніи управлять народомъ? Обстоятельство сіе, что ты привелъ русскихъ, не

„сообразно съ закономъ и обычаями, послѣ сего (ты) гуиъ
есть не смыслящій безумецъ!

„Съ древнихъ временъ предки твои, пользуясь высокимъ
„вниманіемъ богдохана и по наслѣдству нося званіе гуна,
„призывали ль русскихъ для рѣшенія нуждъ, такъ равно и
„прочіе чиновники, ваны и гуны, дѣлали ль сіе и объяв-
„ляли ли о себѣ имъ? Не совершенный ли тебѣ стыдъ пре-
„давать себя смутнымъ дѣламъ? Ты посрамилъ себя передъ
„народомъ! Подумай (самъ) съ собой, ты разрушилъ высо-
„кое вниманіе богдуэженя, ты сдѣлалъ порицаніе лицу пред-
„ковъ твоихъ!

„О томъ, что ты поселилъ близко русскихъ, извѣстны
„только одни Амбани высокаго Кульджинскаго Джанджона.
„А какъ русскіе по правую сторону Аягуза еще не завели
„селенія, для согнанія коихъ еще люди не посланы, то из-
„вѣщаемъ тебя симъ предварительно, какъ безумнаго, съ
„тѣмъ, дабы ты русскихъ въ тоже время, какъ получишь
„сіе писаніе, обратить на первоначальное мѣсто. Киргизами
„управляй ты строго, дабы они имѣли пребываніе въ спо-
„койствіи и веселомъ расположеніи. Никогда не располагай
„дѣлать нарушеній, веди себя хорошо. Посему, прилагая
„свои знаки, препровождаемъ сіе киргизскому гуиу (Сарту)
„для внимательнаго внушенія“.

Это письмо также было представлено Аягузскимъ прика-
зомъ Омскому областному начальнику, который „по важности
предмета“ послалъ его съ нарочнымъ къ Генераль-Губер-
натору. Пройски китайскихъ чиновниковъ на Аягузѣ и осо-
бенно въ Кокпективскомъ округѣ заставили даже област-
ного начальника поставить вопросъ о томъ, не лучше ли

отступить съ занятыхъ мѣстъ въ (Кокпектинскомъ округѣ) заблаговременно, до присылки китайцами отрядовъ. Въ виду этого вопроса Генераль-Губернаторъ въ ноябрѣ 1831 г. „о протестѣ пограничныхъ китайскихъ чиновниковъ о принадлежности Китаю урочища Кокпекты, а равно и р. Аягуза“ сообщилъ Вице-Канцлеру, „чтобъ онъ испросилъ у Государя Императора соизволеніе: уступить ли сіи мѣста китайцамъ или, въ случаѣ покушенія ихъ согнать насъ съ оныхъ силою, отражать ихъ“.

Возбужденный Генераль-Губернаторомъ вопросъ разсматривался въ засѣданіи Общаго Присутствія Сибирскаго и Азіатскаго Комитетовъ, 28 декабря 1831 г. Комитеты наши: „1) что положить въ сей части киргизскихъ степей (т. е. въ Кокпектинскомъ и Аягузскомъ округахъ) твердыя границы, въ пресѣченіе возникающихъ споровъ, было бы полезно, но приступить къ открытію формальныхъ о сѣмъ сношеній съ Китайскимъ Правительствомъ по одному словесному разговору нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ ихъ пограничной стражи или по письму ихъ къ частному лицу, не было бы ни приличія, ни удобства. 2) Что изъ прежней формальной нашей переписки съ Китайскимъ Трибуналомъ о временныхъ строеніяхъ на р. Караталѣ, Китайскому Правительству извѣстенъ уже нашъ отзывъ, что мы и сѣ урочище (отъ Аягуза въ 240 верстахъ отстоящее) не признаемъ принадлежащимъ Китаю. На сей отзывъ по сѣ время, въ теченіе 4 лѣтъ, не сдѣлано отъ Трибунала ни малѣйшаго возраженія: изъ сего заключить должно, что Трибуналъ сей имѣетъ не тѣ понятія о границахъ, какія предъявляются мѣстною пограничною стражею. 3) Что по извѣстной осмотрительности Китайскаго Правительства никакъ

нельзя предполагать, чтобы безъ предварительныхъ официальныхъ сношеній оно позволило своей пограничной стражѣ сдѣлать какое-либо насиліе нашимъ отрядамъ. — Посему Сибирскій и Азіатскій Комитеты полагали: I) Въ формальныя сношенія съ Китайскимъ Правительствомъ о границахъ киргизскихъ не входить, доколь оно не отнесется (къ намъ о семъ предметѣ само или чрезъ Трибуналь, или посредствомъ сношеній съ Иркутскимъ Губернаторомъ. II) Генераль-Губернатору Западной Сибири предписать: 1) отряды нашей стражи содержать на урочищѣ Кокпекты и въ Аягузскомъ округѣ на нынѣшнихъ мѣстахъ, не придвигая ихъ далѣе къ цѣпи карауловъ китайскихъ, безъ особеннаго на то разрѣшенія. 2) Если бы, сверхъ всякаго чаянія, китайская пограничная стража, безъ объясненій Китайскаго Правительства, вздумала силою принудить отряды наши оставить занимаемыя нынѣ мѣста, то, принимая сей поступокъ не дѣйствіемъ Правительства, но единственно самоуправствомъ мѣстнаго подчиненнаго начальства, съ твердостію изъяснить ему, что, бывъ въ мирѣ и дружбѣ съ Китайскимъ государствомъ, наша мѣстная стража имѣетъ строгое повелѣніе, съ одной стороны, ничѣмъ не нарушать сего мира, а съ другой, и не отступать отъ занятыхъ мѣстъ безъ взаимныхъ формальныхъ между обоими Правительствами сношеній. Если же бы, паче всякаго чаянія, и сіи изъясненія остались безъ дѣйствія, то не иначе отступить, какъ развѣ въ случаѣ превосходства силъ“.

9 января 1832 г. журналъ Общаго Присутствія названныхъ Комитетовъ былъ разсмотрѣнъ Государемъ, а 14 января Комитеты опредѣлили: „сообщить выписки изъ журнала Генераль-Губернатору Западной Сибири къ исполненію,

а Вице-Канцлеру и Генераль-Губернатору Восточной Сибири къ свѣдѣнію“.

Изложенное рѣшеніе Комитетовъ Генераль-Губернаторъ сообщилъ Омскому областному начальнику, причемъ написалъ ему „при всемъ томъ имѣть въ предметъ святость сохраненія дружества съ союзною издревль державою Китайскою и удаляться малѣйшихъ даже случаевъ, кои бы могли подать поводъ къ неудовольствіямъ и избѣгать какихъ либо притязаній къ китайскимъ карауламъ и ихъ чиновникамъ, — а сохраняя выше начертанныя правила (т. е. рѣшеніе Комитетовъ), не уступать занятыхъ мѣстъ, но отнюдь не отваживаться не только за ихъ пограничною цѣпью, но и вблизи оной что либо занимать и предпринимать, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія по законамъ. Если бы китайцы вздумали съ занимаемыхъ нами мѣстъ сгонять силою, не взирая ни на какія убѣжденія, тогда по необходимости отражать оную, если только они будутъ не слишкомъ въ превосходномъ числѣ“.

Открытіе округа, съ неизбежнымъ объединеніемъ въ искусственное цѣлое жившихъ болѣе или менѣе обособленною жизнью киргизскихъ родовъ, съ выборомъ старшаго и восточныхъ султановъ и проч., — все это не могло, конечно, не волновать киргизъ и ихъ султановъ (примѣч. 10-е). Въ Аягузскомъ округѣ дѣло осложнилось, шедшей долгое время борьбой между двумя вліятельными въ Найманскихъ родахъ султанами Сартомъ и Сиванкуломъ. Эта борьба, въ которой Ханхожины прибѣгали къ помощи киргизъ Табуклинскаго рода Аргынскаго племени, въ концѣ концовъ, привела обѣ спорящія стороны къ мысли, сначала, о русскомъ покровительствѣ, а затѣмъ и о полномъ подданствѣ. Сартъ Ючинъ

сумѣлъ склонить Русское Правительство на свою сторону и, по открытіи округа на Аягузѣ, онъ былъ выбранъ старшимъ султаномъ, а его сторонники—султанами волостей, вошедшихъ въ округъ. Дѣло Ханхожиныхъ было, такимъ образомъ, окончательно проиграно. Тогда они и другіе недовольные султаны начинаютъ переговоры съ китайцами. Последнимъ, повидимому, сообщались разныя свѣдѣнія о дѣятельности русскихъ на Семи рѣкахъ. Такъ, напр., о движеніи русскаго отряда, посланнаго на Аягузъ, сообщилъ китайцамъ черезъ нарочныхъ султанъ Куланъ Адилевъ, и у себя принимавшій китайскихъ развѣдчиковъ. Еще въ июнѣ 1831 г. начальникъ Кокпектинскаго военнаго отряда хорунжій Нюхаловъ, донося Омскому областному начальнику о безпорядкахъ въ Матаевской волости, сообщалъ, что „султаны Сиванкулъ и Джанбубекъ Ханхожины сблизились къ сей волости со своими аулами и имѣютъ тѣ же самыя вѣроломства, что и матайцы“. Какъ видно изъ того же доведенія Нюхалова, Ханхожины отказались прибыть къ открытію Аягузскаго округа, „между тѣмъ удержали и Мурунъ-Назаровскую волость“. Джанбубекъ(*) посылалъ къ китайцамъ съ подарками своего сына, прося о защитѣ. И затѣмъ Нюхаловъ неоднократно доносилъ о проискахъ Джанбубека и о просьбахъ китайскихъ чиновниковъ не притѣснять Ханхожиныхъ. Последніе энергично противодѣйствовали Аягузскому приказу при сформированіи волостей новаго округа. Такъ, приказъ въ апрѣлѣ 1832 г. доносилъ Омскому областному начальнику, что часть назаровцевъ, бывшихъ „въ вѣдѣніи“ султана Чалгынбая Ханхожина, рѣшительно отка-

(*) Старшій изъ братьевъ Ханхожиныхъ, Джанбубекъ, имѣлъ чинъ китайскаго вана. При открытіи Аягузскаго округа онъ отказался принести присягу на вѣрность Россіи.

зались войти въ составъ сформированной въ Аыгузскомъ округѣ Назаровской волости, гдѣ управителемъ былъ избранъ Ишимъ Ючинъ. Посланный въ аулы Чалгынбая засѣлатель Савиничъ не могъ ничего подѣлать съ сторонниками Чалгынбая, который до пріѣзда Савинича уѣхалъ въ Китай, будто бы по торговымъ дѣламъ съ киргизами Байджигитской волости. Въ маѣ того же года Назаровскій бій Тонгачевъ съ своими аулами также откочевалъ за границу. Какъ было сказано выше, кромѣ назаровцевъ сторону Ханхожиныхъ держала и часть матаевцевъ. Последніе, въ числѣ 80 ауловъ, ушли за Сиванкуломъ въ Кокпектинскій округъ, и командированный для возвращенія ихъ сотникъ Везигинъ встрѣтилъ энергичное сопротивленіе: киргизы „взбунтовались и бросались съ баганами(*) на казаковъ, особенно женщины“. Тотъ же Везигинъ былъ командированъ Аягузскимъ приказомъ въ мартѣ 1832 г. съ отрядомъ казаковъ для наблюденія за дѣйствіями Сиванкула и Кучука Ханхожиныхъ: послѣдніе, по свѣдѣніямъ приказа, собирали недовольныхъ для откочевки въ Китай.

Областное начальство очень тактично предписывало приказу дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ „кротостію и благоразуміемъ“, не употребляя насильственныхъ мѣръ, которыя, несомнѣнно, могли бы только усилить раздоры, отнюдь не удержавъ недовольныхъ, въ случаѣ твердаго желанія, отбѣгства въ Китай. Правда, было предписано войти въ сношеніе съ китайскими пограничными чиновниками о непроездѣ подвластныхъ Россіи киргизъ за границу, но это едва ли къ чему бы повело, въ виду малочисленности китайской пограничной стражи и явной поддержки, какую оказы-

(*) Вѣроятно, баганами. Баганъ—шесть, которыми поднимаютъ кошмы въ юртѣ.

вали китайцы недовольнымъ новымъ устройствомъ киргизамъ. Только по отношенію къ Сиванкулу Ханхожину было рѣшено, повидимому, переимѣнить прежній образъ дѣйствій. Вслѣдствіе жалобы на Сиванкула ташкентца Бабахожина въ ограбленіи на 2373 р., Омскій областной начальникъ предписалъ задержать его и доставить въ Семипалатинскъ. Сиванкулъ согласился явиться туда, для разбора дѣла, добровольно, но потомъ отказался, такъ что для задержанія его силой былъ посланъ хорунжій Везигинъ, что тому и удалось сдѣлать, несмотря на попытки Сиванкула бѣжать въ Китай. „Желая обуздать его на будущее время“, областной начальникъ предложилъ Аягузскому приказу доставить „полное свѣдѣніе о всѣхъ претензіяхъ, какія имѣютъ на Сиванкула киргизы Аягузскаго округа и прочіе азіатцы, объявивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и просителямъ явиться въ немедленномъ времени въ Семипалатинскъ“.

Въ маѣ 1832 г. тотъ же начальникъ командировалъ въ Аягузскій и Кокпектинскій округа, для обревизованія приказовъ, чиновника особыхъ порученій Бѣленицына и, согласно распоряженію Генераль-Губернатора, поручилъ ему произвести изслѣдованіе о причинахъ смутъ въ округахъ, а также лично разобрать дѣло Сиванкула съ Бабахожинымъ, а если возможно, то и другіе иски. Сиванкула не велѣно было „содержать подъ присмотромъ“, а „благовиднымъ образомъ лишить его средствъ, дабы онъ не могъ произвольно удалиться изъ Семипалатинска“.

Въ Семипалатинскомъ архивѣ нѣтъ свѣдѣній, былъ ли на самомъ дѣлѣ и чѣмъ кончился разборъ исковъ противъ Сиванкула. 16 іюля 1832 г. Бѣленицынъ получилъ новое предписаніе „остановиться съ производствомъ изслѣдованія“ о

причинахъ смуть въ Аягузскомъ округѣ, такъ какъ султанъ Кучукъ Ханхожинъ заявилъ, что „онъ не имѣлъ и не имѣетъ намѣренія удалиться въ китайскіе предѣлы и не измѣнить никогда данной имъ Россіи присягѣ, въ чемъ и обязался подпискою, а Сиванкуль, бывъ согласно желанію его принять въ подданство Россіи съ приведеніемъ къ присягѣ и съ причисленіемъ къ Кокпектинскому округу, также остался на прежнихъ кочевьяхъ“.

Въленицынъ въ сентябрѣ 1832 г. представилъ Омскому областному начальнику написанное нѣсколько напыщеннымъ слогомъ очень интересное „донесеніе“. Онъ „въ кочевьяхъ султана Сиванкула Ханхожина и киргизъ Назаровской волости удостовѣрился въ благопріятномъ расположеніи ихъ умовъ къ пользѣ вводимаго въ стени устройства и въ видимой, по крайней мѣрѣ, твердости одинъ разъ произнесенный присягѣ“. Далѣе Въленицынъ даетъ слѣдующую характеристику дѣйствующихъ лицъ аягузскихъ безпорядковъ. „Гордый, велерѣчивый Сиванкуль, великодушный для ищущихъ помощи, вѣрныи для друзей, страшный для враговъ, но уважаемый ими, пріобрѣвшій тѣмъ славу между киргизами, не искалъ ни въ комъ. Собственное сознаніе достоинствъ и общій голосъ народа, говорившій въ его пользу, питали его честолюбивыя намѣренія, цѣлью коихъ было препинаніе съ султаномъ Сартомъ о владычествѣ надъ округомъ. Сиванкуль дѣйствовалъ барантой и хищничествомъ, ропталъ и обвинялъ Сарта въ семейныхъ (?) обстоятельствахъ и пустыхъ расчетахъ, но въ глубинѣ души своей скрывалъ прямыя помышленія. Тонкій Сартъ понималъ его и противодѣйствовалъ не силой, но происками, и, какъ обыкновенно, тѣмъ кончилось, что гибкость ума взяла верхъ

надъ буйствомъ и великодушіемъ. Сиванкулу легче казалось восторжествовать въ Кокпектахъ, здѣсь теперь властолюбіе его отыскиваетъ путь къ счастью—султану Клычу готовить въ тайнѣ брани и низложеніе.... Какими бы черными красками не описывали нравы киргизъ, но они всегда почитали сильный характеръ и великодушіе. Сиванкула и тогда уважали, когда въ вертепахъ Чингиса окруженный, тѣснимый отовсюду непріятелями, умѣлъ съ ними управиться и не уронить себя. И теперь, лишь двинулся къ Кокпектамъ, всюду преслѣдуютъ его почитатели, ищутъ его защиты и покровительства. На востокъ (т. е. въ Кокпектинскій округъ) движеніе сдѣлалось общимъ. Въ такомъ положеніи остался султанъ Сиванкулъ Ханхожинъ, окрыленный надеждою властвовать, одушевленный милостивымъ расположеніемъ Господина Генераль-Губернатора Западной Сибири и совершенно успокоенный перечисленіемъ его въ округъ Кокпектинскій“. Въ заключеніе Бѣленицынъ указывалъ, какъ на „единственное средство утвердить въ томъ краѣ тишину“, на необходимость перечисленія изъ Аягузскаго въ Кокпектинскій округъ волости Назаровской и Матаевской (примѣч. 11-е).

Въ заключеніе я приведу нѣкоторыя данныя о дальнѣйшей судьбѣ такъ долго враждовавшихъ султановъ Сарта о Сиванкула. Первый до конца жизни остался старшимъ султаномъ Аягузскаго приказа (*) и умеръ въ маѣ 1834 года отъ апоплексическаго удара(**). Совсѣмъ иначе кончилъ свою безпокойную жизнь Сиванкулъ.

(*) Насколько былъ богатъ Сартъ Ючинъ, можно, отчасти, судить по двумъ дѣламъ, проходившимъ въ Аягузскомъ приказѣ: „О сгорѣвшей у старшаго султана подполковника С. Ючина юртѣ съ имѣніемъ на 97000 р.“ (8 сентября 1833 г.) и „О пожа-

Въ началѣ 1835 г., „присоединя къ себѣ своихъ киргизцевъ единомышленниковъ изъ Назаровской волости“, Сиванкулъ съ братомъ Кучукомъ окончательно откочевалъ въ въ Китай. Такъ какъ разнеслись слухи, что онъ намѣренъ былъ грабить русскіе караваны, ходившіе въ Чугучакъ и Кульджу, то по просьбѣ торговцевъ имъ давались для защиты небольшіе казачьи отряды. Вообще, положеніе въ это время на границѣ было безпокойное: Киргизы-киреевцы склонялись на сторону Сиванкула; получено было извѣстіе о движеніи ташкентцевъ къ Семи рѣкамъ. Во всѣ приказы было послано предписаніе о принятіи мѣръ предосторожности, а начальнику Кокпектинскаго военнаго отряда Нюхалову и Аягузскому приказу, кромѣ того, о „наблюденіи за султаномъ Сиванкуломъ, котораго между тѣмъ всячески стараться привлечь къ возвращенію въ наши предѣлы, а не ожесточать и безъ яснаго удостовѣренія во враждебныхъ со стороны его поступкахъ не именовать измѣнникомъ и строго различать то, происходятъ ли они (поступки) отъ ненависти къ Россіи или собственно отъ взаимной вражды съ киргизами“. Было даже предложено довести до свѣдѣнія султана Кучука Ханхожина, что Государь Всемилюстивѣйше соизволилъ пожаловать ему золотую медаль и кафтанъ и что они хранятся въ ожиданіи его возвращенія“.

рѣ юртъ и имѣнія у султана С. Ючина“ (25 апрѣля 1834 г., съ убыткомъ въ 11437 руб. 50 к.). Разборъ послѣдняго дѣла происходилъ уже по смерти Сарта. Причиной пожаровъ была признана неосторожность, причемъ въ первомъ случаѣ было постановлено: Сарта „отъ всякаго по законамъ взысканія освободить и, предавъ дѣло сіе воутъ Божіей, подтвердить только ему, старшему султану С. Ючину, по силѣ Высочайшаго общаго учрежденія о управленіи губерній 249 статьи, чтобы онъ на будущее время соблюдалъ вездѣ крайнюю осторожность“ и т. д.

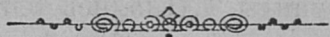
(**) Въ дѣлѣ о смерти Сарта онъ называется „старшимъ султаномъ подполковникомъ С. Ючинымъ“. Когда ему былъ данъ этотъ чинъ: не при открытіи ли округа?

Нюхаловъ посылать къ Ханхожинымъ двухъ ташкентцевъ, которые и привезли отъ султановъ письма на его имя. Ташкентцы могли замѣтить особенное уваженіе Китайскаго Правительства къ Сиванкулу, такъ что (китайцы) уступили ему тѣ самыя мѣста, на которыхъ должны паслись служебныя ихъ лошади военной стражи г. Чугучака, въ 35 верстахъ отъ онаго, какъ равно и народъ тамошняго края, султаны и родовачальники изъявляютъ ему свое уваженіе“.

Въ своемъ письмѣ Сиванкулъ жаловался на предпочтеніе, оказанное Русскимъ Правительствомъ Сарту Ючину, не смотря на близость его отца къ „Великому и Бѣлому Царю“. „Я тоже—писалъ Сиванкулъ—намѣреніе простиралъ быть близкимъ Царю и въ знакъ приверженности пожертвовалъ 76 лошадей“ (въ „ремонтъ“?). „Когда же я пожертвовалъ 76 лошадей, тогда я остался далекимъ, Ючины же дѣти, которые прежде вооружались съ огнестрѣльнымъ оружіемъ противъ русской команды, сдѣлались близкими. По той самой причинѣ имѣю сердце на Россійское Правительство. Послѣ того какъ присоединились дѣти султана Ючи къ Мурунской волости, угнали у меня 3325 лошадей, одну юрту разграбили съ имѣніемъ, а старшина Джансары, пріѣхавъ съ русскими, одного человѣка убилъ. Зимовыя же мѣста и лѣтнія кочевки отобрали, говоря притомъ, что будто бы мнѣ здѣсь не имѣется зимовокъ и лѣтнихъ кочевокъ. О всемъ же прописанномъ выше были подаваемы мною просьбы, на которыя я не получалъ никакого удовлетворенія, и все сіи обстоятельства не безызвѣстны и Вамъ. На послѣдокъ же, видя, что я оставленъ безъ всякаго покровительства, вынужденнымъ нашелся, по недачѣ зимовыхъ мѣстъ и лѣтнихъ кочевокъ, удалиться на ту сторону Иртыша, къ от-

клоненію же мѣня никто не нашелся. Во время перехода моего черезъ воду, потонуло нѣсколько верблюдовъ, лошадей, рогатаго скота и барановъ“.

Кучукъ Ханхожинъ также отказался пріѣхать за полученіемъ медали и кафтана, ссылаясь на болѣзнь и указывая на невозможность послать за подарками сына, который „еще молодъ и, болѣе того, опасаясь хищниковъ и непріятелей, питающихъ ко мнѣ злобу“...

Примѣчанія и приложения къ статьѣ „Открытие Аягузскаго округа“.

1.

Въ статьѣ упоминаются слѣдующія киргизскія „волости“:

1) *Сиванъ-Найманская* или *Сиванская*. Одинъ разъ эта волость названа *Сиванъ-Каракирейской* и *Субанской*, въ киргизскихъ же прошеніяхъ иногда называется *Сванской*.

2) *Мурунъ-Найманская* или *Мурунская*.

3) *Ахмбетская*.

4) *Мурунъ-Назаровская* или *Назаровская*.

5) *Бура-Найманская*.

6) *Матаевская*.

7) *Сарыджумартская*.

8) *Байджигитская*.

9) *Табуклинская*. Какъ части послѣдней упоминаются волости *Мурзамамай*, *Юванъ-Таякъ* и *Кучукъ-Табуклинская*.

Кромѣ этихъ волостей иногда упоминается, какъ нѣчто цѣлое, заключающее въ себѣ нѣсколько волостей или родовъ, *Найманская* волость. Иначе она называется *Найманъ-Каракирейская* и просто *Каракирейская* волость. Эта во-

лость всегда противопоставляется Аргынскимъ волостямъ, къ которымъ изъ выше названныхъ причисляется Табуклинская.

Насколько совпадаетъ это дѣленіе съ принятымъ въ литературѣ дѣленіемъ киргизъ Средней Орды и что такое представляла собой „волость“ у киргизъ, фактически, до открытія округовъ, бывшихъ въ независимости отъ Россіи?

Изъ перечисленныхъ волостей можно отнести, безъ всякихъ колебаній, къ племени Аргынъ Табуклинскую волость и къ племени Найманъ волости Бура-Найманскую, Сары-джумартскую, Матаевскую и, вѣроятно, Ахимбетскую и Назаровскую. Спорнымъ является только вопросъ, къ какому племени отнести волости Мурунскую, Сиванскую и Байджигитскую и можно ли отождествлять названія Найманъ и Каракирей?

Г. Н. Потанинъ („Очерки С. З. Монголіи“, в. II, стр. 2—7), а за нимъ и В. Радловъ („Этнографич. обзоръ тюрк. племенъ Ю. Сибири и Джунгаріи“) племя Кирей подраздѣляютъ на Абакъ и Кара-Кирей (Радловъ еще на Таракты). Придерживаясь классификаціи Потанина, пришлось бы всѣ три названныя волости (Мурунскую, Сиванскую и Байджигитскую) отнести къ Каракирейской вѣтви племени Кирей, и тогда названія Мурунъ и Сиванъ-Найманъ надо было бы признать неправильными.

По Н. А. Аристову(*), „Кара — Кирей совсѣмъ не Кирей,

(*) См. его капитальные труды „Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаховъ Большой Орды и каракиргизъ“ и „Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“ (Жив. Стар., вып. III и IV 1894 и 1896 г.). Г. Аристовъ подробно разсматриваетъ всю литературу по вопросу о происхожденіи, составѣ и пр. киргизъ.

а части разныхъ племенъ и родовъ, оставшіяся на границѣ Монголіи и казачьихъ земель, въ сосѣдствѣ съ Абакъ-Киреями, дѣйствовавшія въ союзѣ съ послѣдними и опиравшіяся на нихъ, почему имъ и происваивалось иногда имя Кара-Киреевъ, въ смыслѣ младшихъ, зависящихъ отъ Киреевъ“ (стр. 358—359). Вайджигиты также имѣютъ особое происхожденіе и отъ Киреевъ, и отъ Наймановъ. Они были „однимъ изъ лѣсныхъ народовъ, вѣроятно изъ отуреченныхъ самоѣдовъ, и обитали гдѣ нибудь около Танну-ола; отсюда, во время вытѣсненія тюрковъ изъ Монголіи, они, какъ видно, примкнули къ двигавшимся съзади всѣхъ Киреямъ и удержались около восточнаго Тарбагатай“. Наконецъ, роды Мурунь и Сиванъ(*) г. Аристовъ относитъ къ племени Найманъ. Но если все это такъ, какъ объяснить, что одна и таже Сиванская волость называется то Сиванъ-Найманской, то Сиванъ-Каракирейской, а цѣлая группа волостей (Сиванская, Мурунская, Ахимбетская и др.)—безразлично Найманской, Каракирейской или Найманъ-Каракирейской волостью? Не рѣшаясь строить никакихъ гипотезъ(**), я приведу только объясненіе этого интереснаго вопроса, которое я слышалъ отъ ветер. врача г. Бекетаева, киргиза-наймана по происхожденію. По его словамъ, Каракирей есть подплеменное названіе для родовъ (всѣхъ или части?), входящихъ въ составъ племени Найманъ. Такъ, г. Бекетаевъ

(*) Отъ рода Сиванъ надо отличать Суванъ (Суанъ, Сванъ), входящій въ составъ Б. Орды.

(**) Въ рукописи капитана Андреева (1785 г.), хран. въ И. Р. Геогр. О-вѣ, упоминается, между пр., волость Каракирей-Найманская, въ горахъ Чингизъ-тау. Эта же волость упоминается и въ составленномъ по архивнымъ даннымъ очеркѣ г. Земляничина („Истор. очеркъ Семипалатинска и его торговли“, Матеріалы для стат. Турк. края, в. IV, 1876 г.). Какъ Андреевъ, такъ и Земляничинъ указываютъ, что волость эта была въ шестидесятыхъ—восьмидесятыхъ годахъ XVIII ст. въ вѣдѣніи султана Абулфеиза.

считаетъ себя Акъ-Найманомъ и въ тоже время Каракирей-Найманомъ (болѣе общее и отдаленное названіе) и наконецъ Найманомъ (самое широкое и отдаленное названіе). Точно также и каждый Сиванъ есть Каракирей-Найманъ и Найманъ и т. д.

Перейдемъ теперь ко второму вопросу, что такое киргизская „волость“. Насколько можно судить по приведеннымъ въ настоящей статьѣ фактамъ, русскіе называли волостью у киргизъ то родовое подраздѣленіе, которое имѣло болѣе или менѣе обособленную политическую организацію. Иногда волость была шире рода (Каракирей-Найманская), иногда совпадала съ нимъ (Бура-Найманская), а иногда была и уже (Кучукъ-Табуклинская)

Насколько, въ сознаніи киргизъ, выработалось понятіе о волости? Какъ велика была власть султановъ, старшинъ, самого народа? Какую роль играло, въ послѣднее время, дѣленіе на племена? Эти и многіе другіе темные вопросы въ киргизской исторіи, несомнѣнно, можно будетъ разрѣшить лишь послѣ детальной разработки архивныхъ данныхъ.

2.

При открытіи Аягузскаго округа шла борьба между султанами Ючиными и Бопиными, съ одной стороны, и Хан-хожиными, съ другой. Привожу о нихъ нѣкоторые генеалогическія свѣдѣнія.

Въ шестидесятыхъ—восьмидесятыхъ годахъ XVIII ст. въ Найманскихъ волостяхъ господствовалъ Абулфеизъ (Абульффеизъ), сынъ хана Абульмагмета, присягнувшаго въ 1730 г. на подданство Россіи. Послѣ смерти Абулфеиза (въ 1783 г.)

первенство въ Найманскихъ волостяхъ получилъ не сынъ его Бопы, а пасынокъ (сынъ Хана Барака) Ханхожа (Хант-Ходжа). У послѣдняго было 5 сыновей: Джанбубекъ (китайскій ванъ), Кучукъ, Сиванкулъ, Давіаръ и Чалгынбай. Изъ сыновей Бопы упоминается Солтабай.

Сартъ, Ишимъ и Шамратъ Ючины были дѣти Ючи и состояли въ родствѣ съ Бопой. О происхожденіи Ючи я не нашелъ свѣдѣній ни въ архивныхъ дѣлахъ, ни у Левшина и Красовскаго, къ сочиненіямъ которыхъ приложены генеалогическія таблицы киргизскихъ хановъ и султановъ.

3.

По поводу поѣздки С. Ючина въ Петербургъ Генералъ-Губернаторъ сносился съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, который „долгомъ почелъ, согласно съ прежними сему примѣрами, внести (этотъ вопросъ) на разсмотрѣніе Азіатскаго Комитета. Во вниманіе къ выгоднымъ отзывамъ о семъ султанѣ, а еще болѣе по тому уваженію, что онъ, кочуя на самомъ торговомъ пути, ведущемъ во владѣнія китайскія, можетъ всегда быть полезенъ свободному движенію нашихъ каравановъ, Комитетъ нашелъ возможнымъ разрѣшить прибытіе сюда султана Сарта Ючина при небольшой свитѣ, обративъ на счетъ казны всѣ расходы, по сему случаю требующіеся, подобно какъ тѣмъ всякій разъ пользовались другіе киргизскіе старѣйшины. Сіе мнѣніе Азіатскаго Комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія“ (отнош. М — ра И. д. къ Ген. Губ., 26 февраля 1827 г. за № 291).

4.

Расходы по поѣздкѣ С. Ючина:

Израсходовано на содержаніе Сарта и свиты въ Семипалатинскѣ —

— 50 р. — „

„ на покупку 2 зимнихъ повозокъ —	80 р. — „
„ прогоны до Омска (691 ¹ / ₂ в.), на 6 лошадей — — —	207 р. 45 к.
„ путевое продовольствіе — —	30 р. — „
„ на содержаніе депутатовъ въ Омскѣ —	70 р. — „
„ на покупку повозки для Сарта —	450 р. — „
„ тоже для депутатовъ и починку старыхъ повозокъ — —	66 р. 30 к.
„ на покупку двухъ теплыхъ одѣялъ —	35 р. — к.
„ на отправку въ Семиналатинскъ не взятаго Сартонъ старшины и проч. — —	77 р. 83 к.
„ на прогоны депутатамъ до Петербурга, на 9 лошадей — —	1899 р. — „
„ тоже, приставу — —	633 р. — „
„ на путевое продовольствіе, на 50 дней, считая Сарту и приставу по 2 р. въ день, членамъ свиты по 75 коп. и двумъ казакамъ по 50 коп. —	437 р. 50 к.
„ на экстраординар. надобности —	300 р. — „
	4336 р. 08 к.

Въ Петербургѣ приставу Сущину было выдано:

прогонныхъ денегъ, на 3610³/₄ в. (черезъ Тобольскъ до Омска), на 18 лошадей (подъ „коляску“ Сарта 4, повозку пристава 3, три повозки депутатовъ—9 и повозку для 2 казаковъ — — — 3667 р. 77 к.

На путевое продовольствіе, на 50 дней: Сарту 500 р., 3 депутатамъ и муллѣ 800 р., Сейфуллину 150 р., приставу 200 р. и 2 казакамъ 175 р. — — 1825 р. — „

На экстраордин. надобности — — 1000 р. — „

6492 р. 77 к.

(Изъ нахъ Сухинъ слалъ
обратно 80 р. 6¼ к.)

На отправку депутатовъ изъ Омска до
Семипалатинска — — — 356 р. 67½ к.
6769 р. 38 к.

5.

Въ дѣлѣ о командировкѣ Иванова находится „регистръ“ дѣламъ, которыя ему было поручено разобрать Омскимъ Об. начальствомъ. Въ регистрѣ сдѣланы отмѣтки, почему дѣла не могли быть окончены и проч. Вотъ списокъ (въ краткомъ изложеніи) этихъ дѣл:

№ по пор.	Кто истецъ.	Кто отвѣтчикъ	Предметъ дѣла.	Примѣч.
1	Семипалат. азиат. о-во	Султанъ Сиванкулъ Ханхожинъ.	Кунъ за убитаго татарина.	Кунъ взысканъ.
2	Вѣрноподдан. старшина Чайманской(?) волости поручъ къ Р. Зарифовъ.	Киргизы Мурун-ской волости	Баранта 600 лошадей.	Истецъ не явился.
3	Старшина Ахимбетъ-Киреевской в. Надыровъ.	Киргизы Табук-линской волости.	Баранта 40 лошадей за убитаго и взысканіе за 2 изувѣченныхъ.	За бѣгствомъ, виновные не разысканы.
4	Иностран. ташкентцы NN.	Киргизы Мурун-ской волости.	Баранта 275 лошадей.	Дѣло не рѣшено „по приказу приказанія султана С. Ючина доброволь. расплаты не чинить“.
5	Ташкентецъ Ш. Ибрагимовъ.	К-зы Сиванъ-Найманской в., вѣдѣнія султана Солтабая Бошина.	Баранта 63 лошадей.	„

6	Султаны Кучукъ и Чалгынбай Ханхожины.	"	Баранта 617 лош.	"
7	Султанъ Бопя Сардыковъ и 2 бия Чуга Уваковской вол.	"	Баранта 400 лош. (изъ нихъ 300 возвр.) и кунъ за убитаго ув коща.	Кунъ уплаченъ, лошади возвр.
8	Ташкентецъ Мамубаевъ.	Султаны и к-зы Мурунской, Байд-жигитской и Уйсунской волостей.	Долгъ въ 40 лош. и 5400 р. за товаръ.	Дѣло не рѣшено: „по приказанію султ. С. Ючина виновные уплаты нечиняютъ“
9	Ташкентецъ Имамбаевъ.	К-зы Мурунской и Сиванской волост.	Грабежъ разнаго товара и скота.	"
10	Ташкентецъ Мухаметовъ.	К-зы Табуклинской волости.	Грабежъ товара.	Виновные „сдѣлали пугачу“ на Нуру.
11	Ташкентецъ Ибрагимбаевъ.	К-зы Сиванъ-Найманской в. вѣдѣнія султ. Солт. Бопина.	Баранта 63 лош. и долгъ на 675 барановъ.	Для разбора дѣла былъ посланъ урядникъ Тарановъ, который взмыкалъ 17 лош., а затѣмъ, встрѣтивъ вооруженное сопротивление, вернулся обратно.
12	Ташкентецъ Хожинъ.	"	Баранта 172 лош. и кунъ за убитаго ташкентца.	
13	Ташкентецъ Рашидхановъ.	К-зы Мурунской и Сиванской вол.	Грабежъ.	
14	Ташкентецъ Хошаповъ.	Султ. Солтабай Бопинъ и его киргизы.	Долги и грабежъ.	
15	"	Султанъ Чувакъ и киргизы Туминской (Тума Найманской) вол.	Грабежъ.	
16	Старшина Табуклинской волости Борунбай Карамурзинъ.	К-зы Сиванъ-Найманской волости, вѣдѣнія султана Солтабая Бопина.	Баранта 400 лош., 60 верб., 40 козловъ, 6000 барановъ и кунъ за убитаго родственника.	Истецъ не явился.
17	Семип. мѣщ. Гайсикеевъ.	К-зы Тентакъ-Матаевской вол.	Кража (въ 1826 г.) 28 лош. и 6 верб., и долгъ (съ 1826 г.) 288 барановъ.	"
18	Семип. мѣщ. С. Мурадымовъ.	К-зы Такублин-ской в.	Отнятіе „долгovaго регистра“ на 355 баран. и 5 китайскихъ дабъ.	"

19	Вѣрнопод. киргизъ Бура-Наймаанской волости Н.	К-зы Арыкъ-Таевской вол.	Отнятіе (въ 1823 г.) лош. съ уборомъ и разн. товара на 415 р. 80 к.	"
20	Ю-мамбетъ-Табуклинской волости киргизъ Н.	К-зы Мамай-Табуклинской в.	Баранта (въ 1822 г.) 25 лош., съ кражей 6 шелков. халатовъ.	"
21	Уваковской волости киргизъ Байкашка-ровъ.	К-зы Табуклинской вол.	Грабежъ (въ 1821 г.) 2 лош., 1 верб., 6 китайск. дабъ, 3 шелк. халат., одежды и пр.	"
22	Табуклинской волости киргизъ Я. Джангабуловъ	К-зы Кукча-Табуклинской вол.	Неогдача высвѣганной дѣвушки (уплачено въ калымъ 45 шт. скота) и похищеніе сестры Д-ва.	"
23	Вѣрноп. киргизъ Табуклинской волости Токтеевъ.	К-зы той же волости.	Баранта 22 вербл. (изъ нихъ 6 возвращ.), 7 коровъ и 4 лош.	"
24	Вѣрнопод. киргизъ Уваковской волости Мангатаевъ.	К-зы Дживанта-якъ-Табуклинской волости.	Неплатежъ за взят. въ долгъ (въ 1825 г.) ишеницу и разн. вещи 4 лош., 130 баран. и 1 верб.	"
25	Иностр. ташкентецъ Ядигеровъ.	К-зы Кукча-Табукл. в. и султанъ Кучумъ Аблайхан.	Долгъ (ст 1821 г.) за товаръ 527 баран.	"
26	"	К-зы Тентякъ-Матаевской вол.	Тоже, 389 барановъ.	"
27	Иностр. ташкентецъ Г. Хожинъ.	Султанъ Солтабай Вопинъ.	Укрывательство калмыка.	"
28	"	К-зы Тентякъ Матаевской вол.	Кража 47 лош.	"
29	Бій Мурза-Табуклинской в. Кадыръ.	К-зы Сиванъ-Наймаанской вол	Баранта (въ 1826 г.) 123 лош.	"
30	"	К-зы Ахимбетъ-Сиванской вол.	Баранта (въ 1828 г.) 135 лош., 21 вербл., 30 шт. рогатаго скот. и пр.	"
31	Вѣрноп. киргизъ Матаев. вол. Тюленбай Наймановъ.	К-зы Басы-Матаевской вол.	Баранта 8 лош., 1 верб. и пр.	"

32	Вѣрноп. кирг. Тер стамгалинской волости Янузаковъ.	К-зы Кучукъ-Та- буклинской в.	Неотдача высва- танной дѣвушки, за котор. калымъ былъ уплаченъ.	"
33	Иностр. ташкентецъ Г. Касимовъ.	Старшина Табукл. в. Иргызбаевъ.	Долгъ за товары (съ 1822 г.) на 250 баран.	"
34	Вѣрноп. киргизъ Чок батаръ-Киреевской в. Д. Чантелинъ.	К-зы Баны-Тен тякъ-Матаевской в.	Баран. (1820 г.) 15 лош.	"
35	Иностр. кокандецъ М. Газавазбаевъ.	К-зы Семизъ-Найман- ской вол., вѣдѣнія сул- тана В. Агадаева.	Грабежъ товара въ 1828 г. на 4506 р. 75 к.	"
36	" Н. Агалыковъ.	К-зы Сиванъ и Тума-Найман. вол.	Неплатежъ дол- га (съ 1823 г.) на 4826 бар. и 44 лош.	"
37	" Б. Газавазбаевъ.	К-зы Байджигит- ской вол.	Грабежъ (въ 1823 г.) 515 ба- рановъ.	"
38	Ташк. Д. Н. Муха- метовъ.	К-зы Тума-Най- манской вол.	Грабежъ (въ 1828 году) на 4487 р. 50 к.	Отвѣтчики ушли въ Ки- тай.
39	Бухарецъ Г. Бара- товъ.	"	Кража 4 лош. и 2 бухар. ковровъ.	"
40	Иностр. ташкентецъ С. Газаматхожинъ.	К-зы Акъ-Най- манской вол.	Грабежъ (въ 1820 году) на 2038 р.	Истецъ не явился.
41	Ташкентецъ С. Ра- химбаевъ.	К-зы Кукча-Табук. в. вѣдѣнія султана Кучума Аблайхан.	Грабежъ 3 лош., 1 быка и разн. им-ва на 292 бар.	Волость бѣ- жала на р. Нуру на даль- неерасстоян.
42	Иностр. ташкентецъ Абдуганеевъ.	К-зы Садыръ-Ма- таев. в. и султаны Нурала и Шигай.	Неплатежъ (съ 1828 г.) за товары 1094 баран. и 3 лош.	Волость ко- зуетъ на Семи- рѣкахъ.
43	Вѣрноп. ташкентецъ Г. Дадажановъ.	К-зы Илгунду-Ма- таевской волости.	Тоже, на 1729 р.	Истецъ не явился
44	Ташкентецъ К. Хо- жинъ.	К-зы Семизъ и Сиванъ Найманской вол.	Грабежъ 13 лош. на 1080 р.	Безъ С. Ючи- на платить не рѣшились.
45	Ташкентецъ Г. Ру- стемхановъ.	Бій Сиванъ-Найм. вол. Н.	Грабежъ лош. на 3235 р.	Истецъ не явился.
46	"	К-зы Буринской (Бура- Найман. ?) в., вѣдѣнія султ. Клыча Досанова.	Грабежъ (въ 1823 г.) товара на 121 бар.	"

47	Иностр. ташкентецъ С. Балтабаевъ.	К-зы Мурмамамай-Табуклин. волост., вѣдѣнія бія Кадырова	Грабежъ 62 лош. (25 возвр.)	"
48	Вѣрноп. ташкентецъ Г. Рахимбаевъ.	Султанъ Боба Абулфеизовъ.	Неплатежъ за товары 300 барановъ.	"
49	"	К-зы Тума Найманской в.	Неплатежъ за тов. 1087 бар. и грабежъ 42 лош.	"
50	Казан. татаринъ М. Урузбаевъ.	К-зы Мурун. в. вѣдѣнія султана С. Ючина.	Грабежъ (въ 1823 г.) товара на 1099 бар. (изъ нихъ уплат. 190).	"
51	Ташкентецъ А. Симинъ.	Султанъ Боба Абулфеизовъ и его кирг.	Грабежъ товара на 33000 р.	„Гезъ С. Ючина платитъ не согласенъ“.
52	Ташкентецъ М. Хабиббаевъ.	К-зы Мурунъ-Найманской вол. рода Куттубетевского.	Кража товара на 522 бар.	Истецъ не явился.
53	Семип. мѣщан. Н. Васильевъ.	?	Похищеніе новокрещ. [камыка] П. Васильева.	"
54	Семип татары NN.	Султ. Ишимъ Ючинъ.	?	"

Кромѣ того, нѣсколько дѣлъ было получено Ивановымъ изъ Семипалатинскаго Округ. Управленія.

6.

Текстъ подли ки:

„1829 г. іюня 22 дня мы, ниже приложившіе печати и тамги, Мурунъ и Сиванъ-Найманскихъ (sic) волостей султаны, старшины и біи дали сію подписку. въ присутствіи отряднаго начальника г. есаула Иванова, Табуклинской волости султану Брали Токову въ томъ, что по претензіи, внесенной нами Россійскому Главному Начальству на означенную Табуклинскую волость въ угонѣ у подвѣдомственныхъ намъ киргизъ въ разныя времена скота, по прибытіи нынѣ съ отрядомъ, по своему обыкновенію и обоюднымъ расчетамъ, получили съ табуклинскихъ киргизъ родовъ: Мамбетовскаго, Джузмамбетовскаго, Кулуковскаго, Кукчинскаго

и Джаманъ-Табуклинскаго, за убитаго челоѣка одинъ кунъ сполна 47 верблюдовъ. Сверхъ того, верблюдовъ въ уплату 5, лошадей 781, барановъ 580 и 550 концовъ бязей. кои полагаются въ числѣ вышеписанныхъ лошадей за 137 штукъ. Сверхъ того за табуклинцами сколько причитаться будетъ, оставляемъ до возвращенія прочихъ родовъ сей волости на зимнія кочевки. По окончаніи жъ всѣхъ расчетовъ и по удовлетвореніи.... (не разобрано) обязуемся и мы, по прибытіи къ намъ табуклинскихъ киргизъ, за угнатый у нихъ въ разныя времена барантою скотъ сдѣлать расчеты и, что слѣдовать будетъ, имъ непременно заплатить безотговорочно. Сверхъ сего получено въ распл ту той же волости.... (не разобрано) 805 лошадей, а всего 1586“.

Къ роспискѣ приложили печати и тагги султаны С. Ючинъ и Солтабай Вопинъ, старшина Джансары Кудайкуловъ, Кысыкъ Тезековъ, Итемгенъ Сейтеновъ и Чока Тасыбаевъ. На другой роспискѣ, съ старшинами и бѣями Табуклинской волости приложилъ печать султанъ Брали Токовъ.

7.

Письмо Солтабая было получено въ Омскѣ въ февралѣ 1830 г. По его словамъ, если бы округъ былъ открытъ, „то народъ нашъ наслаждался бы спокойствіемъ, но, только здѣсь носятя слухи и народъ пребываетъ въ крайнемъ безпокойствѣ, будто бы кочевавшій недолгое время въ Мурунской волости и убившій тамъ 3 челоѣкъ киргизъ, напоследокъ удалившійся въ Табуклинскую волость, султанъ Сиванкулъ Ханхожинъ будетъ опредѣленъ во вновь открывающійся округъ старшимъ султаномъ. Онъ похваляется тѣмъ, что, будто о-бы, послалъ въ Семипалатинскъ татарскимъ купцамъ

для начальниковъ, которые должны прибыть для открытія округа, довольно подарковъ, для чего и послалъ онъ съ симъ настояніемъ брата своего султана Кучука. А потому нашей волости султаны, бии и мурзы поручили мнѣ покорнѣйше просить Васъ, что буде наступающей сего года весной будетъ въ нашей Каракирей-Найманской волости открываться приказъ, то командированному для того открытія начальнику повелѣть не выходить за границу чрезъ Семипалатинскъ, а при томъ предоставить народному выбору какъ старшаго султана, а равно и двухъ засѣдателей изъ старшинъ, не нарушая обнародованнаго о семъ бывшимъ Г. Генераль-Губернаторомъ Капцевичемъ устава и прокламаціи. Выборъ сей народъ проситъ произвести въ кочевьяхъ отца нашего султана Бопы Абулфеизова, но не входили бы въ тотъ выборъ султаны Ханхожины, по причинѣ той, что прошлаго лѣта, по повелѣнію Г. Генераль-Губернатора, командированъ былъ съ 100 человекъ казаковъ есаулъ Ивановъ для разбирательства объ убійствѣ Сиванкуломъ 3 человекъ мурунскихъ киргизъ, который въ убійствѣ 2 призналъ виновнымъ, а послѣдній, по убѣжденію почетныхъ биевъ и мурзъ, прощенъ. И сверхъ того, онъ же убилъ семипалатинскаго торговца татарина Тагъира, за коего заплатилъ кунъ 100 лошадей и 6 лучшихъ штукъ (?). По симъ важнымъ причинамъ таковой султанъ, по нашему магометанскому закону, не только избранъ быть не можетъ султаномъ, но даже свидѣтелемъ ни въ какомъ дѣлѣ принять быть не можетъ. О семъ также я, по просьбѣ народа нашего, доводилъ до свѣдѣнія Г. Генераль-Губернатора Ивана Александровича Вельямина. Если же обнародованный Г. Генераломъ Капцевичемъ уставъ не будетъ нарушенъ, то по древности фамиліи первенство султанское должно быть

предоставлено намъ, ибо по всей справедливости старшій султанъ долженъ быть избранъ изъ фамиліи нашей, поелику отца нашего отецъ Абулфеизъ былъ уважаемъ Россійскимъ Правительствомъ, онъ показалъ мѣсто для построенія г. Семипалатинска, а также открылъ пути въ иностранныя азіатскія владѣнія руссійскому купечеству, препровождавъ для торговли туда, а оттоль въ Россію иностранныхъ торговцевъ, за каковыя его услуги отъ Россійскаго Правительства данъ ему по смерти пенсіонъ. А когда онъ померъ, то оный предоставленъ былъ отцу нашему, въ нынѣшнихъ же годахъ оный дачею ему прекращенъ, но по какому случаю, неизвѣстно. А что фамилія наша противъ прочихъ значительнѣе, то не благоугодно ли о томъ выправиться по дѣламъ бывшихъ здѣсь г.г. Генераловъ. Нынѣ жъ состоитъ у насъ въ живыхъ рожденныхъ отъ отца нашего Боны и въ совершенномъ возрастѣ 11 сыновъ, а всего рожденныхъ отъ дѣтей и братьевъ состоитъ нынѣ насъ слишвимъ 50 султановъ, изъ числа коихъ нѣкоторые обучены татарской грамотѣ и каждый изъ насъ завѣдываетъ родами въ волостяхъ Каракирейской и Матаевской“.

8.

Между прочимъ, Омскій областной начальникъ (вѣроятно по распоряженію Генераль-Губернатора) въ апрѣлѣ 1830 г. предложилъ Устькаменогорскому окружному начальнику „собрать подробнѣйшія и вѣрнѣйшія свѣдѣнія отъ свѣдущихъ и опытныхъ людей: 1) съ котораго времени китайцы начали имѣть вліяніе на сію фамилію (султана Абулфеиза) и на подвластныя имъ волости и по какому случаю; 2) несутъ ли какую обязанность они, т. е. вносятъ ли ясакъ или подати какія китайцамъ, или не обязаны ли какою личною

службою; 3) поелику извѣстно, что изъ сей фамиліи султановъ отправляются по временнамъ въ Пекинъ, то какой соблюдается порядокъ въ назначеніи лицъ и времени къ отправленію. А какъ извѣстно также, что китайцы имѣютъ сношенія и съ другими султанами тѣхъ волостей, которыя кочуютъ въ сопредѣльности ихъ границъ, то полезно было бы и о сихъ узнать основательнѣе, исключая сношеній съ домомъ Хана Аблая, о коихъ здѣсь имѣются свѣдѣнія“.

Требуемыя свѣдѣнія Устькаменогорскій окружный начальникъ собралъ чрезъ херунжаго Нюхалова. Къ сожалѣнію, донесеніе названнаго начальника (23 октября 1830 г. за № 1775) написано такъ неразборчиво и безграмотно, что иногда трудно судить, о какихъ султанахъ идетъ рѣчь. Привожу это донесеніе(*) дословно: „1. Китайцы имѣли съ киргизскимъ народомъ большія вражды и какъ въ числѣ послѣдняго значительный былъ султанъ Аблай Ханъ, который почитался первымъ, пойманъ калмыкомъ ханомъ Колуаномъ(?), за которымъ ѣздили для выручки султаны Апелъпеисъ Аба Имамбетевъ (Абулфеизъ Абульмагметевъ) и Сыгай Баракъ (Шигай Баракъ) и чрезъ три года возвратились въ киргизскую степь, сдѣлали условіе съ заключеніемъ мира на урочищахъ возлѣ горъ Чингиса (не разобрано) и Мамыръ-су съ тѣмъ, чтобы киргизцамъ дать спокойство и заниматься торговлею, назадъ тому 61 годъ(**) и съ того времени Китайское правительство выстроило городъ Чугучакъ и учредило пикеты, лѣтніе: 1-й при горахъ Тарбагатаѣ—Котаначи, 2-й Кызылъ-Айнъ, 3-й Чорга-акъ-узяръ, 4-й на Ба-

(*) Въ скобкахъ дѣлаю, гдѣ могу, поправки.

(**) Годъ показанъ не вѣрно, такъ какъ Зюнгарское царство пало въ 50-хъ годахъ XVIII ст.

зарѣ, 5-й Кыль, 6-й Воконь, 7-й Айлы-Кулучунъ и 8-й Костюбе. Второе. Волости тѣ, которыя сначала находились за означенными пикетами, платятъ ремонтъ такимъ образомъ: съ волости 3 или 4 лошади, а именно: Байджигитской волости султанъ Канбаръ Саніязовъ, Кызай и Бегимбетевской Апелпеисъ Саминъ, Тертоульской Токтаучукъ Саніязовъ, Киреевской Саменъ Апельпеисовъ, Акъ-Найманской Адень Агадаевъ, Кожембетевской Айхожа Чингизовъ, а прочіе Каракиреевской Апельпеисовой (Абулфеизовой) фамиліи нынѣ ремонта не платятъ и лично Китайскому Двору службы никакой не отправляютъ. Третье. Поколѣнія Апельпеисова (Абулфеизова) къ Китайскому Двору были посланниками: 1-й разъ султаны Бопень Калгеженъ (и) Алгожа Джечинъ (вѣроятно К. сынъ Бопы и А. сынъ Джучи или Ючи) назадъ тому 40 лѣтъ, которые нынѣ уже умерли; во 2-й разъ Урустемъ Дзякбобаевъ (и) Джамонтай Бопинъ, (изъ нихъ) первый имѣетъ чинъ гунъ, второй тоже. 22 годъ (тому назадъ); 3-й разъ Турсунъ Джлюжинъ, Бигалы Джанбубековъ (и) Умаръ Бопинъ, чинъ имѣетъ тажи. А Джанбубекъ Ханхожинъ чинъ имѣетъ по наслѣдству ванъ, Сартъ Ючинъ имѣетъ чинъ гунъ и прочихъ волостей были въ посланникахъ таковыя жъ султаны, а чрезъ семь лѣтъ Китайское Правительство просить депутацію, однако жъ чрезъ вана, которые на таковой вызовъ султаны въ точности мало исполняютъ, а когда вздумаютъ, тогда и отправляются. Султаны, имѣвшіе чины отъ Китайскаго Двора, всегда передаютъ по наслѣдству дѣтямъ по старшинству своего рода“.

9.

Не задолго до открытія Аягузскаго округа китайцы намѣревались провозгласить ханомъ Алтынсару Тогумова. При-

вою здѣсь тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось извлечь изъ архивныхъ дѣлъ объ этомъ избраніи.

Въ концѣ 1827 г. Омскій областной начальникъ де-Севтъ-Лоранъ получилъ „частныя извѣстія чрезъ татарина Файзуллу Сейфуллина, что по повелѣнію китайскаго богдохана предназначено возвести въ киргизской ордѣ въ ханы султана Алтынъ-сары (кочующаго при Дарьѣ), что сего султана давно уже отыскъ вали въ степи китайцы и что велѣдствіе того онъ прибылъ съ небольшою свитою въ кочевье своего родственника султана Сарта Ючина на рѣчку Аягузь, давъ знать о себѣ и въ китайскій городъ Чугучакъ амбаню“. Въ виду этого областной начальникъ предписалъ Семипалатинскому окружному начальнику „безъ малѣйшаго упущенія времени распорядиться, секретнымъ образомъ, развѣданіемъ по сему обстоятельству..... пославъ для сего, если нужно будетъ, нынѣ же на счетъ казны особаго конфидента изъ татаръ, на благоразуміе и вѣрность котораго можно было бы положиться, съ тѣмъ, чтобы онъ, подъ видомъ торговли и съ крайнею осторожностью, старался лично удостовѣриться и, если можно, дождаться тамъ и самой развязки предпринятаго китайцами намѣренія“.

Въ отвѣтъ на это предписаніе Семипалатинскій окружный начальникъ донесъ (23 декабря 1827 г.), что проѣзжавшій чрезъ Семипалатинскъ султанъ С. Ючинъ для слѣдованія въ С.-Петербургъ къ Высочайшему Двору „о такихъ слухахъ дѣйствительно подтвердилъ, что султанъ Алтынсары Тогумовъ назадъ тому слишкомъ мѣсяцъ пріѣхалъ къ нему по увѣдомленію Китайскаго Правительства по поводу тому, что отецъ его Тогумъ ханъ возведенъ по наследству отца его Пулатъ хана на таковое жъ (т. е. въ

ханы), который (Тогумъ) назадъ тому 3-й годъ померъ, и какъ по обрядамъ китайскимъ слѣдуетъ и сего Алтынсару возвести на ханство и сдѣлать по немъ (Тогумъ) приличную азу, т. е. поминокъ изъ разныхъ вещей“. Кромѣ того Сартъ сообщилъ, „что сей султанъ по прїѣздѣ къ Сарту черезъ тюленгута своего давалъ знать джанжуну г. Чугучака, отъ котораго тоже, при выѣздѣ Сарта изъ ауловъ, получено извѣстіе, чтобъ сей Алтынсара сего мѣсяца (въ декабрѣ 1827 г.) прибылъ ближе къ Чугучаку за гору Тарбагатай, куда китайскіе чиновники по сему случаю явятся, гдѣ и слѣдующая прокламація учинена будетъ, т. е. возведеніе на ханство, или только доставятъ ему, для должнаго поминовенія отца его Тогума, разныхъ вещей, какъ то изъ серебра, канфъ, сорочинское пшено и проч.“. Въ заключеніе Семипалатинскій окружный начальникъ привелъ слѣдующія извѣстія объ Алтынсарѣ: „Султанъ же сей Алтынсара Тогумовъ находится Алтай въ Аргынской волости и въ лѣтнее время приходитъ къ горамъ Улу-тау и Кичи-тау, а на зимнія кочевки уходитъ и кочуетъ по р. Дарьѣ. Онъ не очень славенъ и отъ прочихъ ордъ тоже мало имѣетъ уваженія. Какъ по слухамъ извѣстно, онъ и на волость свою мало имѣетъ вліянія, да и волость сія почти выходитъ изъ повиновенія его. Впрочемъ, въ поведеніи хорошъ, и за нимъ, какъ прежде, равно и нынѣ, никакихъ шалостей не слыхать“.

Въ томъ же декабрѣ 1827 г. Семипалатинскимъ окружнымъ начальникомъ былъ командированъ въ степь „на счетъ казны съ рядкою за поѣздку на собственныхъ лошадяхъ, съ двумя работниками и на своемъ содержаніи, цѣною за 170 руб. опытный по заграничнымъ дѣламъ казанскій татаринъ Мухамедъ-Рахимъ Губайдуллинъ“.

12 января 1828 года Губайдуллинъ возвратился въ Семипалатинскъ и показалъ, что у султана Сарта онъ не засталъ Алтынсары, который переѣхалъ къ султану жъ родственнику своему Бопъ Абулфеизову, кочующему по сю сторону Тарбагатая при ур. Мамыр-су, у котораго Аылтынсара и по нынѣ находится. Гдѣ, подъ непримѣтнымъ видомъ, дѣйствительно развѣдано мною, что султанъ Алтынсара пріѣхалъ начально по зову китайскаго начальника для возведенія отъ Китайскаго владѣнія въ ханское достоинство и сдѣлать по отцѣ его Тогумъ ханъ приличное поминовеніе“. Посланный къ Алтынсарѣ изъ Чугучака китайскій отрядъ съ подарками, дойдя до Тарбагатая, вернулся обратно вслѣдствіе большого снѣга, а султану дали знать, что сіе возведеніе его на ханство непремѣнно учинено будетъ будущаго февраля (1828 г.) мѣсяца въ послѣднихъ числахъ“.

Показаніе Габайдулина было признано не достаточнымъ и въ февралѣ 1828 г. „быть очевидцемъ до окончанія сего дѣла китайцами (былъ) посланъ семипалатинскій изъ татаръ мѣщанинъ Насыръ-Мулла Гайсикеевъ, съ небольшимъ количествомъ товаровъ, съ тѣмъ, чтобъ быть подъ видомъ торговца и на казенный счетъ, съ однимъ при немъ работникомъ, на своихъ лошадяхъ и на всемъ ихъ же содержаніи, съ условіемъ выдать ему за все оное 150 руб.“

Гайсикеевъ вернулся въ Семипалатинскъ въ концѣ мая 1828 года и показалъ, что Алтынсару онъ засталъ у султана Сиванъ-Найманской волости Бопы Абулфеизова: „хотя и положено было въ февралѣ мѣсяцъ окончить возведеніе на ханство, но за глубокостью снѣговъ пріостановилось, а сего мая въ 5 день китайскій чиновникъ Амбу, т. е. полковничьяго чина, прибывъ изъ г. Чугучака во ста человекъ

войска, изъ калмыкъ собранныхъ, въ аулъ султана Бопы, который находится кочевкою по рѣкѣ Караколъ, остановились по близости оныхъ ауловъ, разбили 15 бѣлыхъ и синихъ китайскихъ палатокъ и дали знать султану Алтынсарѣ, который немедленно явился къ чиновнику и въ подарокъ представилъ 3 лошадей. Но только по очевидному моему замѣчанію усмотрѣлъ я, что китайцы приняли его не такъ, какъ должно, и даже мало съ нимъ разговаривали, однако жъ объявили ему, что умершій его отецъ при жизни отъ китайскаго двора утвержденъ былъ ханомъ, то по смерти его и онъ, Алтын-сара, долженъ быть таковымъ же, каковое изрѣченіе объявлено ему, какъ примѣтно мнѣ было, слегка. Сіе свиданіе было по утру, а послѣ полдень китайскій чиновникъ прислалъ и ему въ подарокъ сто концовъ разныхъ бязей маломѣрныхъ, двѣ китайскія матеріи манлыкъ(?) шелковыя съ цвѣтами, 8 канфъ простыхъ разнаго цвѣту, русскаго верверету 14 аршинъ. На другой день сдѣлали тоже подарокъ и Бопѣ султану 50 концовъ бязей, два манлыка и 5 канфъ. Вскорѣ потомъ отъ Алтынсары начали требовать къ ихъ начальству писемъ о полученіи подарковъ. Болѣе жъ никакой церемоніи не было. И послѣ сего китайцы ничего о возведеніи Алтынсары на ханство не упоминали, а только настоятельно просили, чтобъ онъ далъ отвѣтъ на бумагѣ. Но Алтынсара, не давая онаго, требовалъ, по прежде бывшимъ китайскимъ обыкновеніямъ, что слѣдуетъ по смерти отца его для поминокъ получить 12 ямбъ серебра, 4 манлыка, 8 канфъ, и тоже настоятельно требовалъ вмѣсто отца ханскаго достоинства, причемъ также слѣдуетъ получить 12 ямбъ, 8 манлыковъ шелковыхъ матерій и 12 канфъ, при каковомъ обрядѣ показываемы бывають разные китайскіе маневры, чего совсѣмъ нынѣ не

было. Но китайскій чиновникъ на сіе требованіе никакъ не могъ рѣшиться, а на другой день, увидясь съ Алтынсарою, уговорилъ его, что онъ ему изъ Чугучака пришлетъ 5 ямбъ, а въ будущемъ году отправитъ его въ Пекинъ къ самому ихъ богдохану. Султанъ, повѣря сему, далъ чиновнику во всемъ свой отзывъ, что онъ доволенъ, и тѣмъ кончена вся сія прокламація. Не утвердя его ханомъ и не дѣлая ему болѣе никакихъ почестей, возвратились обратно, а султанъ Алтынсара, тоже сего (мая) мѣсяца 23 числа, уѣхалъ въ свои аулы. По развѣдыванію жъ моему о его родопроисхожденіи, извѣстился я, что онъ происходитъ изъ роду хана Абульмаметя, отъ него былъ сынъ Булатъ ханъ, отъ Булата Тогумъ ханъ, отъ Тогума хана вышеписанный султанъ Алтынсара. Онъ находится въ Средней Ордѣ волости Алтай Карпыкъ въ Сайдалинскомъ родѣ..... Самъ Алтынсара 34 лѣтъ, росту средняго, лицомъ смугловатъ, видъ имѣетъ не очень остраго человѣка, въ разговорахъ простъ. Зимнія кочевки съ волостью своею занимаетъ при горахъ Актау и Ортау, въ лѣтнее время приходитъ на рѣки Ишимъ и Нуру, во съ киргизцами Средней же Орды, обитающими по сю сторону прописанныхъ рѣкъ, также поведалеку Каркаралинскаго приказа, соединенія не имѣетъ. Въ своей онъ Ордѣ не такъ слишкомъ славенъ, но киргизцы по обыкновеніямъ своимъ его уважаютъ. Россійскимъ же купеческимъ караванамъ, иногда какъ онъ бываетъ на трактѣ кокандскомъ, обидъ и притѣсненій чинимо имъ не было. Съ прочими киргизцами Средней Орды онъ и волость его очень рѣдко имѣютъ соединеніе и то въ лѣтнее время, когда приходятъ къ рѣкамъ Нуръ и Ишиму. Самъ же Алтынсара, кромѣ вышеписанныхъ волостей, въ Средней Ордѣ ни на какія волости вліянія не имѣетъ“.

О собранныхъ Гайсикеевымъ свѣдѣніяхъ И. д. Омскаго областного начальника полков. Маркевичъ, въ августъ того же года, донесъ Генераль-Губернатору съ слѣдующимъ объясненіемъ: „обстоятельство сіе хотя впрочемъ довольно обыкновенное въ порядкѣ принятыхъ китайцами отношеній къ киргизскимъ султанамъ, а при томъ неоднократно примѣры подобнаго возведенія ихъ на разныя степени чиновъ и званій не обнаруживали ничего, кромѣ одного желанія китайцевъ удерживать киргизовъ, кочующихъ въ смежности съ ихъ владѣніями, въ мнимой зависимости своей. Однако жъ, какъ изъ дѣлъ прежняго времени замѣчено, что ханское достоинство исключительно предоставлялось китайцами поколѣнію Аблая, съ котораго они начинаютъ свое вліяніе на Среднюю Киргизскую Орду, то настоящее извѣстіе объ Алтынъ-Сарѣ, какъ о султанѣ, происходящемъ изъ другого поколѣнія, по новости своей требовало достовѣрнаго изысканія“.

10.

Между прочимъ, въ октябрѣ 1830 г. начальнику Омской области было послано слѣдующее прошеніе султанѣми Садыръ-Найманской волости Шанхаемъ Кучуковымъ, Джабаемъ Шанхаевымъ и Ибакомъ Джабаевымъ и старшинами поручиками Сабекомъ Кунгуровымъ и Сугуромъ Сайбулаковымъ: „Въ прошедшемъ 1824 году имѣли счастье изъ среды насъ султанъ Ибакъ Джабаевъ, старшины Сабекъ Кунгуровъ и Сугуръ Сайбулаковъ быть у Высочайшаго Его Императорскаго Величества блаженной памяти Государя Александра Павловича Двора, для поднесенія вѣрноподданнической должности. Въ сіе время всѣ наши просьбы благосклонно были приняты и уважены, (мы) награждены разными подарками,

а также нѣкоторые изъ насъ медалями и печатями, каковыя щедрія монаршія милости остаются навсегда въ нашей памяти. А какъ въ нашей киргизской Ордѣ открыты округа, какъ то при Каркаралахъ и Букавъ-Чигадекъ, между коихъ обитали наша Садыръ-Найманская, а также Чаржытымская, Матаевская, Каптагаевская, Кунгратская и прочія волости, занимая урочища Кызыль-Арай, Токрау, Баканасъ, Мажанъ, Чингисъ, Акпатау и Аягузъ, гдѣ прежде занимали кочевками мы и отцы наши. но отъ причиненія намъ другихъ волостей киргизами разорительныхъ барантовъ, принуждены были сіи мѣста оставить и перекочевать на Семь рѣкъ. Нынѣ жъ, коль скоро узнали мы объ открывшемся новомъ округѣ, то по прибытіи нашемъ мѣста наши уже заняты волостями Кирейскою, Табуклинскою, Сиванскою, Джаныгульскою и Каракирейскою, но дабы намъ не упустить случая считаться въ открывшемся при Букавъ-Чигадекъ округѣ, то мы къ оному причислились, приложивъ свои тамги и печати, но за всѣмъ тѣмъ имѣемъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство, поелику округъ сей отъ кочевьевъ нашихъ отстоитъ въ весьма дальнемъ разстояніи, по каковому случаю сношеніе имѣть съ онымъ о нужныхъ дѣлахъ нашихъ весьма будетъ затруднительно, то не оставить учредить таковой новый при рѣкѣ Аягузъ, дабы мы могли считаться въ ономъ. Мѣста же тамъ какъ для хлѣбопашества, а также и построенія селенія весьма удобны, при томъ же самый трактъ проходящихъ изъ всѣхъ мѣстъ каравановъ. При семъ удостовѣряемъ, что подвѣдомственныхъ намъ волостей народъ, находящійся нынѣ на Семи рѣкахъ, прикочуетъ сюда же, какового, если соберется совокупно, то достаточно будетъ для одного округа. Повторяя нашу нижайшую просьбу, не оставьте Ваше Пр — во удовлетво-

рить оную открытіемъ при Аягузѣ окружнаго приказа и доставить намъ прежнія наши мѣста, завладѣнные кирейцами, табуклинцами, сиванцами, джалгулинцами и каракирейцами, для охраненія жъ насъ отъ набѣговъ сосѣдственныхъ волостей киргизъ, а также возвращенія угнатаго отъ насъ разными киргизами скота командировать къ намъ одного благонадежнаго чиновника и до 10 человѣкъ казаковъ.“

Прошеніе это было оставлено безъ послѣдствій. Кстате приведу, что въ сентябрѣ 1833 года „султанъ Садыровской волости маіоръ Джабай Шанхаевъ“ жаловался въ Аягузскій приказъ, что китайцы ежегодно требуютъ съ садыровцевъ „алымъ за землю, занимаемую зимними и лѣтними кочевками, якобы принадлежащую имъ.“ Аягузскій приказъ выслалъ, было, казаковъ для противодѣйствія китайцамъ, но Генераль-Губернаторъ, которому было сообщено объ этомъ дѣлѣ, далъ звать Омскому областному начальнику, что такъ какъ кочевья Д. Шанхаева (лѣтнія по р.р. Аксу, Саркану, Баскану, Ленѣ и по хребту Алатау, а зимнія при Аксу, Ленѣ и оз. Балхашъ) входятъ въ составъ Большой Орды, „которую Китайская Имперія почитаетъ въ своей зависимости“, то нельзя „препятствовать китайцамъ въ полученіи ремонта съ киргизовъ Садыровской волости, кочующихъ на чужихъ земляхъ, ибо отъ сего могутъ возникнуть неудовольствія, которыхъ Россійское Правительство всемѣрно избѣгаетъ. И при томъ взятый у нихъ ремонтъ или алымъ, состоящій въ четырехъ лошадяхъ, столь незначителенъ, что садыровцы могутъ имъ жертвовать миролюбивымъ китайцамъ изъ благодарности, пользуясь хорошей пастбою для своего скота“. Въ виду этого Генераль-Губернаторъ предписалъ распорядиться. „чтобъ Аягузскій внѣшній приказъ старался

только благоразумными мѣрами отклонять увеличеніе сего ремонта и внушалъ киргизамъ о ничтожности такового сбора и что сіе отнюдь не подчиняетъ ихъ вѣдѣнію Китая“.

11.

Привожу изъ донесенія Вѣленицына нѣкоторыя свѣдѣнія о Матаевской и Назаровской волостяхъ.

„Назаровская волость, знаменитая древностью происхожденія и богатствомъ, ея положеніе и отношеніе къ Аягузскому приказу, особенное обращаютъ вниманіе. „Взгляните, говорятъ почегнѣйшій бій Тлемись, сынъ славнаго Базара, вѣрная подпора и наперсникъ Сиванкула, одинъ иногда послѣднему осмѣливающійся противорѣчить, Кыркбай Кегенбаевъ и другіе—на мѣстоположеніе, нами занимаемое, перенесите наше хлѣбопашество отъ Тарбагатая къ отдаленному Аягузу, Кокъ-терекъ, Вуконъ и Кокпекту, тогда пойдемъ и мы; пусть не будетъ Джанбубека (вана), Сиванкула, Чалгынбая и Кучука Ханхожиныхъ—тогда признаемъ власть Сарта. Мы поступили, правда, на вѣрноподданство, но прислунули полковнику Костюрину съ тѣмъ, чтобы остаться на своихъ мѣстахъ въ чертѣ округа (Кокъ-Терекъ) Кокпектинскаго, зачѣмъ же противъ желанія нашего перевели насъ въ вѣдѣніе Аягузскаго приказа, гдѣ мы никогда не бывали добровольно“.

„И дѣйствительно, Назаровская волость зимуетъ въ ближайшихъ отрасляхъ хребта Тарбагатайскаго, по рѣкамъ Карбагъ, Базару и Кокпектѣ (при урочищѣ Кокъ-Терекъ въ 40 верстахъ отъ селенія Кокпектинскаго) и по степямъ въ чіѣ (родъ тростника) около Зайсана на юго-востокъ, не далѣе 150 верстъ отъ мѣста водворенія отряда г. сотника

Нюхалова. Весною, тронувшись съ мѣстъ, идутъ вдоль по китайской границѣ къ сѣверу по Иртышу, по Букови и далѣе къ вершинамъ Чарь-Гурбана и Кызылъ-су, потомъ вокругъ мѣста самаго селенія, разными отдѣленіями идутъ просто въ самые китайскіе предѣлы, только по сую сторону линіи и карауловъ, по оной расположенныхъ, къ мѣстамъ, на которыхъ китайцы имѣютъ надъ ними полное вліяніе. Султаны и бѣи справедливо изъясняли, что они не имѣли намѣренія бѣжать, а были на обыкновенныхъ своихъ мѣстахъ, присовокупляя къ тому, что весною, ежели бы они желали удалиться и нарушить присягу, то стоило бы имъ только перебраться черезъ Тарбагатай, тогда бы они были совершенно свободны отъ всякаго вліянія и мѣстнаго начальства, и султана Сарта. Смѣло можно быть увѣрену, и они сами въ томъ сознаются, что они ни за что не лишатся сами собою тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они въ настоящее время кочуютъ. Желаніе ихъ не безъ выгоды и основанія, ибо кто захочетъ добровольно лишиться прекрасныхъ мѣстъ при Базарѣ, Карбагѣ, бѣгущихъ изъ подъ Тарбагатая въ Зайсанъ, и благодѣтельныхъ ключей Аксу-адъ, истекающихъ между двумя первыми рѣчками по низменной долинѣ и съ избыткомъ напояющихъ поля, засѣянные разнаго рода хлѣбомъ. На иныхъ мѣстахъ, земля сколько бы ни казалась не способною къ воздѣлыванію, но вершины Тарбагатая щедро износятъ съ себя тучи и производятъ постоянные благотворные дожди. Урочище Карбага-Базаръ осенью посѣщается многими тысячами людей для промѣны пригоняемаго скота на хлѣбъ. Многія сотни верблюдовъ въ разныя стороны несутъ на себѣ произведенія трудолюбія и даже въ 1831 году въ одинъ городъ Семипалатинскъ ввезено отъ 8 до 10 т. пудовъ пшеницы. Несомнѣнно, что съ прочнымъ

пріобрѣтеніемъ киргизъ Назаровскихъ, Правительство обратитъ вниманіе на сіе мѣсто и усилить то, что еще не довольно совершенно. Кромѣ Назаровцевъ занимаютъ здѣсь пространныя поля Буринцы, Муруновцы, Найманцы и даже разнаго рода люди, привлеченные вѣрными выгодами. Странно было слышать, во время обозрѣнія моего положенія сихъ мѣстъ, что китайцы, услыхавъ, что ташкентцы (именно Чауча) построили на Аксу-адѣ мельницу и каменные изъ кирпичей обыкновенные дома, приказали ихъ разрушить, равно и мельницу, боясь потерять выгоды, получаемыя ими отъ смолотія хлѣба, привозимаго киргизами въ городъ Чугучакъ. Приласкавъ сихъ киргизъ, нельзя допустить, чтобы китайцы вздумали противиться какимъ либо предпріятіямъ Правительства къ пользѣ новыхъ вѣрноподданныхъ. Но и китайцы умѣютъ почитать Назаровцевъ. Отъ покойнаго Ханхожи, достоинство увава передано старшему брату Сиванкула султану Джанбубеку, и сей весьма почтенъ въ Ордѣ, какъ по важности носимаго имъ званія, такъ и по необыкновенной скромности, вѣроятно отъ старости проистекающей. Въ сихъ то отношеніяхъ важны Назаровцы, нынѣ съ вѣтерпѣніемъ ожидающіе утвердительнаго ихъ перечисленія вслѣдъ за Сиванкуломъ въ округъ Кокпектинскій“.

„О султанѣ Матаевской волости Даутъ Мамырхановъ. а равно и о другихъ Матаевцахъ, также подозрѣваемыхъ въ бѣгствѣ къ предѣламъ Китая, ничего иного сказать нельзя, какъ только то, что сей родъ искони отличался хищничествомъ и грабежами; разбѣянный, раздѣленный на отдѣленія, родъ сей ничего не имѣетъ между собою общаго, единогодушнаго. Тѣснимые отовсюду входящимъ мало-по малу порядкомъ, нещадимые слѣдуемыми съ нихъ взысканіями по

многочисленнымъ прстензіямъ, они рѣшительно хотѣли бѣжать отъ правосудія и теперь стремятся туда, гдѣ надѣются получить большую защиту, менѣе заплатить за баранты свои. Одна часть изъ нихъ подчинилась султану Клычу Досанову, другая Сиваякулу, послѣдняя осталась въ Аягузѣ при Мамырхановѣ, играющемъ въ степномъ свѣтѣ самую жалкую роль. Подобное раздѣленіе производитъ важныя междоусобія и безпокойства между киргизами. Каждый султанъ старается переманить ихъ на свою сторону и ласкаетъ обѣщаніями покровительства. Однимъ словомъ, Матаевская волость служитъ предметомъ раздоровъ и отдѣльныя части оной въ безначаліи кочуютъ безъ цѣли по разнымъ направленіямъ. При семъ необходимо замѣтить, что они почти всѣ находятся въ предѣлахъ также Кокпектинскаго округа, и при всей бдительности Аягузскаго приказа за отдаленностью нѣтъ способовъ изъ нихъ что нибудь составить цѣлое.

II. Каракиргизская депутація 1824 года.

Въ ноябрѣ 1824 года И. д. начальника Омскѣй области полковникъ Броневскій донесъ Генераль-Губернатору Западной Сибири, что судя по свѣдѣніямъ, отобраннымъ „о заграничныхъ обстоятельствахъ“ у прѣѣхавшаго въ Семипалатинскъ прикащика семипалатинскаго купца С. Попова, казанскаго татарина Файзуллы Сейфуллина, дикокаменные киргизы „новое управленіе въ степи, вводимое Россійскомъ Правительствомъ, почитаютъ и для себя весьма любезнымъ. По таковому отзыву сихъ киргизовъ, татаринъ Сейфуллинъ соглашалъ ихъ вступить въ подданство Россіи и принять учрежденіе округа, на что они изъявивъ желаніе и избравъ по сему случаю почетныхъ и уважаемыхъ въ родѣ ихъ біевъ посылаютъ ихъ нынѣ же въ Семипалатинскъ. Депутаты сіи находятся уже на пути и остались отъ него въ Юсунской волости“.

Вскорѣ послѣ этого полковникъ Броневскій получилъ письмо отъ торговавшаго среди каракиргизъ купца Петра Пиленкова съ подтвержденіемъ сообщенныхъ Сейфуллинымъ извѣстій и потому предложилъ Семипалатинскому окружному начальнику подполковнику Кемпену „въ случаѣ

въѣзда депутатовъ въ Семипалатинскъ, принять ихъ сколько можно лучше, угостить и отправить въ Омскъ при одномъ урядникѣ, знающемъ обыкновенія ихъ“.

Въ концѣ того же года въ Семипалатинскъ дѣйствительно прибыли три депутата: Алимбекъ Япалаковъ (отъ восьми биевъ Джилданскаго рода), Алгаза Ширалинъ (отъ трехъ биевъ Биляковского рода) и Акимбекъ Ульджебаевъ (отъ двѣнадцати биевъ Арыкъ-Тукумскаго рода), съ четырьмя старшинами, въ видѣ спутниковъ(*). Отправившіе этихъ депутатовъ бии послали съ ними письма на имя полковника Броневскаго. Для образца, приводится письмо Джилданскихъ биевъ:

„Пребывающему въ г. Омскѣ Его Высокоблагородію Се-
„мену Богдановичу“.

„Свидѣтельствуемъ ваше почтеніе. Въ прошедшихъ го-
„дахъ, по приглашенію торговцевъ, мы не могли послать
„къ Вамъ отъ себя депутатовъ, потому что не имѣли съ
„Вами никакого сношенія; назадъ же тому три года по-
„сланное отъ Васъ черезъ слѣдовавшаго въ Кашгарію съ
„караваномъ купца Файзуллу Сейфуллина письмо мы полу-
„чили, но того года отправъ къ Вамъ депутатовъ време-
„ни не было. Сего жъ года, по приглашенію прибывшихъ
„къ намъ султана Галия Адилева теленгута Уйсунбая Шу-
„курова и того жъ Ф. Сейфуллина, а равно и Петра Андре-
„евича (Пиленкова?) препроводили мы отъ себя депутатовъ;
„увѣрены, что Вы не оставите препроводить ихъ Высочай-

(*) Джилданъ (джильденъ, ельденъ), арыкъ-тукумъ и билякъ (белекъ)—подраздѣленія („кости“ по Радлову и Аристову) каракиргизскаго поколѣнія или племени Бугу (Богу) изъ отдѣла Тагай крыла Онь.

„шему Двору для лицезрѣнія Государя Императора. Наша „покорнѣйшая просьба состоитъ въ слѣдующемъ. Желаніе „наше есть препровождать караваны ващи въ Кашгарію и „Аксу, но какъ есть въ Ордѣ нашей шалуны киргизы, съ „которыми управиться нѣтъ возможности, то къ усмиренію „ихъ не оставьте употребить Вашу власть..... за намъ под- „вѣдомственныхъ мы ручаемся, другихъ же родовъ киргизы „насъ не слушаютъ, потому что у насъ султановъ нѣтъ. Мы „же извѣстились, что подданные Государя Императора кир- „гизы, пользуясь покровительствомъ, живутъ спокойно, а по- „тому и мы изъявляемъ свое желаніе быть подданными Го- „сударя, для чего и посылаемъ отъ себя сына бія Япалака „Алимбека съ товарищемъ при немъ Айтъ Назаромъ, въ „удовольствіе чего, по общему согласію, бія Япалака Кут- „лина печать приложили“.

Въ письмѣ біевъ Биляковскаго рода есть указаніе, что эти біи просили о принятіи ихъ въ русское подданство еще раньше и посылали съ этой дѣлюю депутата. Для усмиренія грабящихъ караваны, Биляковцы просили прислать гоинскій отрядъ. Письмо біевъ Арыкъ-Тукумскаго рода совершенно одинаковаго содержанія съ письмомъ Джилданскихъ біевъ.

Полковникъ Броневскій придалъ большое значеніе этой депутации, какъ видно изъ его донесенія Генераль-Губернатору: „посѣщеніе сихъ депутатовъ есть новое доказатель- „ства, что уставъ объ управленіи киргизовъ принять будетъ „и въ отдаленной степи и что торговля караванныя сооб- „щенія съ азіатскими владѣніями черезъ кочевья дикокамен- „ныхъ киргизовъ, служившихъ доселѣ преградою, могутъ въ „скоромъ времени возстановиться въ прочное состояніе, если

Правительство не откажетъ покровительствовать здѣшней торговлѣ и преподастъ зависящія отъ него средства“.

Въ Семипалатинскѣ депутаты были „надлежащимъ порядкомъ“ приняты начальникомъ Семипалатинскаго округа. „На счетъ же угощенія — донесъ Кемпенъ Броневскому — тѣхъ депутатовъ и содержанія квартирою приглашены мною здѣшніе семипалатинскіе торговцы Файзулла Сейфуллинъ и мѣщанинъ Андрей Пиленковъ, что и производимо было въ хорошемъ порядкѣ, а потому на содержаніе оныхъ изъ казны ничего не израсходовано“.

Депутаты были отправлены изъ Семипалатинской крѣпости въ Омскую 31 декабря 1824 года „при одномъ урядникѣ, знающемъ ихъ разговоръ“. На прогоны депутатамъ отъ Семипалатинска до Омска Кемпенъ употребилъ 207 р. 30 к. (на шесть лошадей по числу 691 вер.), кормовыхъ 20 р. и на покупку саней 5 р., всего 232 р. 30 к.

Въ Омскѣ депутаты прибыли 5 января 1825 года. Здѣсь ими была подана Генераль-Губернатору „докладная записка“, въ которой, послѣ перечисленія депутатовъ и пославшихъ депутацію бѣевъ, было сказано слѣдующее:

„Всѣхъ ихъ желаніе состоитъ бытъ подъ покровительствомъ Россіи; обязываются препровождать проходящіе „какъ изъ Россіи въ Кашгарію, а равно и оттоль купеческіе караваны, прикрывая оныя отъ неблагонамѣренныхъ хищниковъ. Сверхъ того, просятъ прописаннымъ выше „сего біямъ, изъ среды коихъ они (т. е. депутаты) посланы, „не оставить дать награды, состоящія изъ чиновъ или „одеждъ, въ особенности отличить отъ прочихъ бѣевъ Аджибая Ширалина (брата Алгазы), Япалака Кутлина и

„Ульджебая Тлеубердина (отцовъ другихъ депутатовъ), а „прочимъ равное. Что же касается до наградъ самихъ ихъ, „депутатовъ, то они предають (это) на благоусмотрѣніе вачальства. При чемъ нужнымъ считаютъ довести до свѣдѣнія отличное усердіе живущихъ въ Семипалатинскѣ ишимскаго мѣщанина Петра Пиленкова и казанскаго татарина „Ф. Сейфуллина, которые частовременно бывають по торговымъ дѣламъ въ кочевьяхъ ихъ и оказывая ласки всѣмъ „закаменнымъ киргизамъ, склонили родоначальниковъ трехъ „родовъ послать къ Россійскому Двору депутатовъ, почему „имѣють смѣлость просить сдѣлать и симъ людямъ, по заслугамъ ихъ, приличныя награды“.

Почему не было исполнено выраженное раньше біями желаніе, чтобы посланная ими депутація была отправлена „къ Высочайшему Двору для лицезрѣнія Государя Императора“, —изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи архивныхъ матеріаловъ не видно; нѣтъ въ нихъ и указаній, какіе переговоры велись съ депутатами въ Омскѣ и т. д. Въ концѣ концовъ, депутаты получили отъ Генераль-Губернатора, для врученія пославшимъ ихъ біямъ, слѣдующія „отвѣтныя письма“:

„Сынъ Вашъ NN съ товарищами NN были у насъ въ областномъ городѣ Омскѣ, доставили отъ Васъ пріятное письмо, получили отъ насъ въ знакъ дружбы и благопріязни „подарки и нынѣ, по желанію ихъ, возвращаются благополучно въ свои кочевья, въ сопровожденіи почетнаго военного отряда“.

„Похвальный Вашъ, почтеннѣйшіе біи, вызовъ сопровождаютъ наши купеческіе караваны въ Кашгарію и Аксу до-

„веденъ до свѣдѣнія Верховнаго Россійскаго Правитель-
„ства и принять съ величайшею благосклонностію и приз-
„нательностію“.

„Для утвержденія же на всегдашнія времена дружбы на-
шей съ Вами, Россія предлагаетъ Вамъ свое могуществен-
ное покровительство и защиту съ тою увѣренностію, что
„Вы постоянно и неизмѣнно будете благопріятствовать на-
„шей торговлѣ, препровождать и охранять купеческіе ка-
„раваны, усмирать толпы хищныхъ людей и прекращать
„грабежи“.

„Сею святою дружескою связью да утвердится миръ и
„спокойствіе и водворится счастье и благополучіе, которыхъ
„желаю Вамъ на многіе вѣки“.

„Но буде потребна будетъ Вамъ отъ Россіи защита, то
„присылайте къ намъ Вашихъ людей, объясняйте откровен-
„но о народныхъ нуждахъ и не останетесь безъ удовлет-
„воренія“.

Въ Омскѣ депутаты пробыли до 25 мая 1825 года. Для
пребыванія, имъ была отведена въ домѣ „вдовы Ярослав-
чихи“ квартира, гдѣ были сдѣланы соотвѣтствующія прис-
пособленія, напр., устроенъ очагъ. На кормовое довольствіе
депутатовъ и бывшихъ при нихъ старшинъ израсходовано
въ теченіи 140 дней 1045 р. 10 к. (немного болѣе 1 р.
въ день на человѣка), за квартиру 15 р. (!). за перебитыя
окна 4 р. 75 к. и проч. Всего въ Омскѣ на депутатовъ
было израсходовано 1087 р. 45 к. (*).

(*) На обратный путь депутатовъ отъ Омска до Семипалагинска израсходовано:
прогонныхъ денегъ (на 6 лошадей) 207 р. 45 к., на продовольствіе 50 р. и покупку
двухъ телѣгъ 56 р.

Депутаты получили въ награду перстни и 25 мая 1825 года были отправлены обратно съ казачьимъ отрядомъ, который, подъ начальствомъ подполковника Шубина, былъ посланъ въ Большую Орду. Въ особой инструкціи Шубину было, между прочимъ, предписано „во время пути привѣтствовать и оказывать особенное объ нихъ (т. е. депутатахъ) попеченіе, давъ имъ замѣтить, что во уваженіе только просьбъ ихъ Россійское Правительство опредѣлило послать отрядъ для препровожденія ихъ и примиренія въ междоусобныхъ распряхъ. Между тѣмъ, строго воспретить казакамъ дѣлать какія либо насмѣшки депутатамъ и вступать въ сужденія съ ними о такихъ предметахъ по устройству въ степи, о которыхъ по невѣдѣнію могутъ дать толкъ въ превратномъ видѣ“. Семипалатинскому окружному начальнику было предложено по прибытіи депутатовъ въ Семипалатинскъ „до выѣзда ихъ за границу отвести имъ пристойную квартиру съ прислугой, оказывать объ нихъ попеченіе и приглашать купечество наше доставить имъ угощеніе и пріязнь“.

Дойдя до урочища Караталь, подполковникъ Шубинъ, встрѣтивъ здѣсь заранѣе извѣщеннаго о прибытіи отряда султана Сюка Аблайханова, отправилъ 15 іюля депутатовъ въ ихъ кочевья у оз. Иссыкъ-Куля, въ сопровожденіи почетнаго отряда изъ 60 казаковъ, подъ командой хорунжаго Нюхалова(*).

По возвращеніи депутатовъ на родину, тѣже бѣ послали письма Генераль-Губернатору и полковнику Броневскому. Въ письмахъ къ послѣднему („Изъ дальнихъ странъ съ бли-

(*) Кромѣ того, при отрядѣ былъ лекарь Зиберштейнъ, представившій потомъ „описаніе о дикокаменныхъ киргизахъ“.

жайшимъ расположеніемъ сердець“) бѣи благодарили за оказанный депутатамъ „ласки“ и „хорошее представленіе ихъ генералу“. Копій писемъ къ Генераль-Губернатору не оказалось. Въ отвѣтныхъ письмахъ, Генераль-Губернаторъ, благодаря за „ласковый пріемъ отряда“, просилъ бѣевъ „продолжать добрыя намѣренія въ вѣрнопопданствѣ къ Нашему Государю Императору. Онъ знаетъ похвальныя желанія Ваши къ достиженію благоденствія въ народѣ киргизскомъ и законами твердыми возстановитъ вамъ миръ и спокойствіе“. Письма были отправлены „по случившейся оказіи“ черезъ Ф. Сейфуллина. Какъ видно изъ другого письма Генераль-Губернатора на имя Койчибека Ширалина, послѣдній жаловался, что братъ его Алгаза былъ „сравненъ подарками“ съ прочими депутатами. Генераль-Губернаторъ обѣщалъ одарить Алгазу „лучшими подарками“.

По ходатайству Генераль-Губернатора, депутаты были Высочайше пожалованы: Алимбекъ Япалаковъ—золотой медалью на андреевской лентѣ и саблей съ надписью его имени, Акимбекъ Ульджебаевъ и Алгаза Ширалинъ—золотыми медалями на александровской лентѣ; такая же медаль была пожалована и не бывшему въ числѣ депутатовъ бѣю Япалаку Кутлину (отцу депутата).

Братья Алгазы: Койчибекъ, Аджибай и Юнусъ Ширалины оцѣль остались недовольны такимъ назначеніемъ наградъ и просили Генераль-Губернатора (Капцевича) ходатайствовать о пожалованіи Койчибеку(*) сабли („какая прислана сыну Япалака“), а Юнусу и Аджибаю по золотой медали. Просьбы эти не были уважены.

(*) Въ письмѣ Ширалиныхъ есть указаніе, что Койчибекъ, при жизни своего отца, былъ у Генераль-Губернатора Глазенапа и получилъ въ 1814 году чинъ капитана, золотую медаль и саблю за содѣйствіе при проходѣ каравановъ.

III. „О заграничныхъ обстоятельствахъ“.

1) *Показаніе ташкентца Базыхана Касимова, отобранное въ Каркаралинскомъ Окружномъ Приказѣ 10 августа 1824 года.*

«Назадъ тому болѣе двухъ мѣсяцевъ выѣхалъ я для промѣна товаровъ (изъ Ташкента) въ киргизскую степь, съ товарищами NN..... Въ бытность мою въ Ташкентѣ, слышалъ я, что въ началѣ зимы, т. е. въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Кокандскомъ владѣніи было страшное землетрясеніе», которымъ совершенно разрушены два селенія въ принадлежащей Коканду Маргеланской области. «И въ г. Кокандѣ обрушились многіе дома, причемъ изъ жителей погибло до 1000 человекъ; въ первые семь дней землетрясеніе, по временамъ, было столь сильное, что люди и скотъ не могли стоять, падали на землю, да и рѣка Сыръ-Дарья..... отъ расколотья земли высохла и послѣ шести сутокъ, при сильномъ землетрясеніи, по прежнему приняла свое теченіе.

«А по выходѣ изъ города (т. е. Ташкента) на пути тожъ слышали, что кокандцы съ киргизцами рода Кувандыковского имѣютъ вражду. Именно, кувандыковцы шли для размѣна своего скота, а кокандцы приглашали производить

торговлю въ ихъ городѣ, но кувандыковцы отъ того отказались, говоря, что они торговлю производить будутъ съ бухарцами. А какъ въ Бухару надо проходить черезъ кокандскій караулъ и для того кокандцы требовали съ нихъ пошлину, киргизцы же, будто согласясь, предлагали кокандцамъ послать къ нимъ для полученія оной людей, почему и посланы были 30 человекъ. Кувандыковцы же изъ числа тѣхъ людей оставили живого только одного, а прочимъ всѣмъ срезали головы и, навьючивъ оныя съ трупами на лошадей, отправили обще съ живымъ человекомъ на кокандскій караулъ. Кокандцы, видя сіе, тотчасъ послали нарочнаго въ городъ Азредъ(?), а киргизцы, напавъ на караулъ, еще убили 30 человекъ. Изъ Кокандскаго же владѣнія отряжено было къ кувандыковцамъ 500 человекъ, и по прибытіи ихъ туда учинена была ссора, потомъ драка, въ коей и убито кокандцевъ 150, а киргизцевъ 200 человекъ. При возвращеніи кокандцевъ на родину, на нихъ напали хивинцы и отняли похищенные у киргизъ скотъ и товары.

2) *Показаніе прикащика семипалатинскаго 1-ой гильдіи купца Ив. Самсонова, семип. мѣщ. К. Васильева, избранное въ Каркаралинскомъ Окружномъ Приказѣ 6-го ноября 1824 года.*

«Прѣшлаго 1823 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ отправился я черезъ Семипалатинскую пограничную таможенную за границу съ товаромъ для торгу въ Кокандское владѣніе, съ караваномъ туда слѣдующимъ отъ прочихъ торговцевъ. Слѣдуя киргизскою степью и не достигнувъ половиннаго пути, по случаю безпокойной зимы, за сильными буранами и случившейся отъ дождей гололедицей, стояли на мѣстѣ 3 мѣсяца, и какъ кормъ для скота былъ затруднителенъ, то пало у

меня барановъ до 800, верблюдовъ 2 и лошадей до 30, да и у прочихъ торговцевъ, какъ на семь мѣстѣ, равно и въ пути къ Ташкенту погибло такового жъ скота значительное число». Далѣе Васильевъ рассказываетъ о стычкахъ киргизъ съ кокандцами изъ за проходныхъ пошлинъ и о землетрясеніи, бывшемъ въ Кокандѣ, но относить это землетрясеніе къ лѣту, а не зимѣ 1823 года (см. показаніе Казыхана Касимова). «Сверхъ того, въ Кокандѣ и Ташкентѣ правительство оныхъ, равно и купечество отзываются весьма довольными о принятомъ нынѣ российскимъ начальствомъ распоряженіи объ открытіи внѣшнихъ округовъ, въ разсужденіи киргизцовъ, что оные будутъ зависѣть отъ Россіи, и имъ во время прохожденія для торговъ не будетъ никакихъ грабительствъ, да и киргизцы почетные между разговорами нѣкоторые также почитаются довольными тѣмъ, что прекратятся ихъ междоусобныя баранты».

3) *Показаніе прожив. въ г. Семипалатинскѣ ташкентца Бедея Нагматова, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи 18 декабря 1824 года.*

„Въ прошлѣмъ 1822 году, въ осеннее время, вышелъ я за границу съ прочими караванами для торгу въ китайскій городъ Кульджу, но того года зимою, не доходя снаго по глубокости снѣговъ, зимовалъ по р. Аягузу у султана Солтабая Бопина, а весной 1823 года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправился въ городъ Кульджу, до котораго дошелъ благополучно, обидъ и притѣсненій ни отъ какихъ киргизцовъ не видалъ“. Въ Кульджу, во время пребыванія тамъ Нагматова, пріѣхали девять киргизскихъ султановъ для слѣдованія, въ видѣ депутаціи, въ Пекинъ къ китайскому богдохану. По приглашенію одного изъ султановъ, Тауке Агадаева,

Нагматовъ согласился „вмѣсто старшины быть вмѣстѣ съ ними при депутаціи“. „Почему мы и отъѣхали при приставахъ китайскихъ, чиновникахъ и нѣсколькихъ чело-вѣкахъ изъ ихъ служащихъ людей.... Ъхали на перемѣнныхъ верховыхъ лошадахъ, получая порцію серебромъ по китайскому курсу на 20 руб., по 30 фунтовъ сарочинскаго пшена и муки, равно и чаю по 40 золотниковъ, каковая порція производилась всеѣмъ султанамъ съ принадлежащими имъ людьми. И на послѣдокъ прибыли въ Пекинъ черезъ сто дней, гдѣ находились 43 дня, также получая порцію на каждыя сутки по два барана, нѣсколько сарочинской крупы и чаю“. Депутаты были представлены богдохану семь разъ, „причемъ каждый разъ онъ приказывалъ султановъ и насъ дарить одеждою, верхнею и нижнею, пищею изъ разныхъ канфъ(*), сверхъ того довольно и нешитыхъ канфъ (подарилъ), да серебромъ по ихъ курсу на 400 руб., султанамъ же сверхъ того отъ 4 и до 6 ямбъ серебра каждому, также жаловалъ ихъ чинами и красными камнями, а насъ (т. е. старшинъ?) таковыми жъ бѣлыми; всеѣхъ же подарковъ досталось намъ по три ямбы, а султанамъ отъ 8 и до 10 ямбъ. И въ обратный путь отъѣхали были на казенномъ китайскомъ коштѣ, получая ту же препорцію. И прибыли на Семь рѣкъ въ 90 дней. По нахожденіи нашемъ въ Пекинѣ видѣлъ я русскихъ чиновниковъ 12 чело-вѣкъ, которые сказывали, что они изъ С.-Петербурга, находятся (въ Пекинѣ) для изученія китайской грамоты“.

И. д. Начальника Омской области Броневскій нашель необходимымъ вытребовать Нагматова изъ Семипалатинска въ Омскъ, для личныхъ объясненій. Въ Омскѣ Нагматовъ

(*) Канфа-китайская матерія въ родѣ атласа.

показалъ, что въ составъ ѣздившей въ Пекинъ депутаціи входили девять молодыхъ султановъ: Алтайской волости сынъ Тогума Булатханова Ишимъ, Мурунъ Найманской в. сынъ Джанбубека Ханхожина Бигалы и Джоши Абулфеизова—Турсунъ, Сиванъ-Найманской в. сынъ Бопы Абулфеизова Умаръ, Чанчаръ-Каракисякской в. сынъ? Аблайханова Вали, Семизъ-Найманской в. сынъ Агадая Абулфеизова Тауке, Тума-Найманской в. сынъ Джаная Бопина Али и сыновья султановъ Большой Орды Ибака и Джаныбека. Свита султановъ состояла изъ „43 старшинъ и киргизовъ“. „Въ Пекинѣ помѣщалась депутація въ одномъ особомъ домѣ и ей доставлялась пища отъ казны. Вскорѣ по прибытіи въ сей городъ всѣ султаны и старшины представлены были предъ дворцомъ къ богдохану, который находился на возвышенномъ мѣстѣ той же площади и котораго окружали разные чины. Замѣчено также ташкентцемъ Нагматовымъ, что и подъ трономъ императора сидѣли чиновники, чрезъ коихъ спрашивалъ богдоханъ о здоровьѣ депутатовъ. Впрочемъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны кромѣ подобныхъ вопросовъ никакихъ объясненій во все время пребыванія въ Пекинѣ не происходило. Въ слѣдующія числа съ полуночи привозили депутатовъ ко дворцу, предъ которымъ и удерживаемы были до разсвѣта. Сіе повторялось разъ 20, но по какому случаю или съ какимъ намѣреніемъ неизвѣстно; при возвращеніи же въ квартиру всегда выдавались подарки, какъ то фрукты и мелочныя вещи.... По возвращеніи въ Кульджу Нагматовъ, производя въ семъ городѣ торговлю, осенью прошлаго 1824 года узналъ отъ чиновника, сопровождавшаго депутацію изъ Пекина, что англичане, завладѣвъ Кашемиромъ, посылали своихъ шпионовъ, въ званіи купцовъ, и въ китайскій городъ Яркендъ, въ ко-

оромъ ихъ, однако жъ, узнали и выгнали, и что правительство китайское, опасаясь нападенія отъ англичанъ, собираетъ въ Яркендъ войска“.

4) *Показаніе бухарца Асанжана Амирова, отобранное съ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи 16-го ноября 1825 года.*

„Я уроженецъ г. Бухары, назади тому 5 годъ вышелъ изъ своего отечества по торговой части и выѣхалъ съ прочими своими товарищами при караванѣ въ г. Троицкъ, изъ онаго съ дозволенія російскаго начальства уѣздивъ къ макаръевской ярмаркѣ, а оттоль на другой годъ черезъ гор. Казань въ Семипалатинскъ, гдѣ вышелъ чрезъ пограничную таможенную заграницу для слѣдованія въ разные китайскіе города, по той причинѣ, что изъ Троицка проходитъ въ Бухару стать для купечества очень труденъ, ибо хивинцы, соединяясь съ киргизцами, нерѣдко грабятъ караваны. Изъ Семипалатинска съ прочими ташкентцами отправился въ Кульджу, куда дошли благополучно, отъ кочующихъ на пути киргизцовъ обидъ и притѣсненій не видали. Изъ Кульджи, получивъ отъ Китайскаго правительства пропускъ, отправился черезъ г. Аксу(*) въ г. Яркендъ, гдѣ російскій товаръ промѣнялъ на серебро и послѣ закупилъ кашгарскихъ бязей. Также отправился обратно съ караваномъ, идущимъ изъ Аксу, для торгу въ Кульджу, куда прибыли наши уроженцы г. Бухары и ташкентцы, идущіе изъ Кашемира съ шальями, съ намѣреніемъ, чтобъ чрезъ Кульджу пройти въ російскія границы. Въ Кульджѣ хотя и требовали пропускъ, но насъ, неизвѣстно по какимъ случаямъ, правительство не выпуска-

(*) Аксу („Бѣлая вода“) — важный торговый пунктъ въ Восточ. Туркестанѣ, въ 408 км. на с. в. отъ Яркенда.

ло, требуя съ насъ 40 ямбъ серебра, по какому случаю находились въ Кульджѣ семь мѣсяцевъ. Не сдѣлавъ имъ никакой дачи, вышли обратно въ г. Аксу, гдѣ были три мѣсяца. Испрося о пропускѣ позволеніе и пройдя черезъ г. Турпанъ (прибыли) въ дикокаменные киргизцы. По прибытіи жъ туда не застали бывший російскій отрядъ только за три дня. Гдѣ кочующіе въ горахъ дикокаменные киргизцы, называемые мугуль, состоящіе подъ вѣдѣніемъ бія (т. е. мавана) Кучука и сына его Карагозы, дѣлали намъ разныя обиды, не пропуская держали насъ 25 дней; на послѣдокъ черезъ большіе подарки пропущены. Потомъ роду Кадыковского бій Исенъ и сынъ его Кедей также остановили (насъ и) отняли насильно разныхъ вещей и лошадей на 3000 рублей; продержавъ 35 дней, отпустили въ слѣдующій путь. Проходили Большой Орды Уйсунскую волость, черезъ р. Или и Семь рѣкъ; обидъ и притѣсненій не имѣли, кромѣ султана Мамырхана Адилева, который насильно отнялъ отъ насъ довольно разныхъ вещей“. Затѣмъ, по переходѣ каравана черезъ р. Лепсу. на него напалъ султанъ Средней орды Матаевской волости Сергазы и, подъ видомъ пошлннѣ, отнялъ разныхъ вещей на 500 р. Нѣсколько лошадей и товара было отнято потомъ біями семизъ-найманской и сиванской волостей.

5) *Показаніе казанскаго татарина Файзуллы Сейфуллина(*)*, *отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи 25 ноября 1825 года.*

„Сего года апрѣля въ первыхъ числахъ вышелъ я съ доз

(*) Файзулла Сейфуллинъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ агентовъ Омскаго областного начальства и ему не разъ давались очень важныя порученія. О Сейфуллинѣ мы помѣстимъ особую замѣтку.

волеція начальства для собранія долговъ загравицу къ раз-
нымъ киргизцамъ, кочующимъ на Семи рѣкахъ, гдѣ, зани-
маясь онымъ, находился по сентябрь мѣсяцъ, а въ послѣд-
нихъ числахъ, по собраніи долговъ, съ баранами, для про-
мѣна оныхъ, входилъ въ китайскій городъ Кульджу, гдѣ
имѣвшіеся при мнѣ товары и барановъ промѣнялъ на ки-
тайскія дабы. По нахожденію жъ моему въ г. Кульджѣ из-
вѣстился между разговорами отъ случившихся быть тутъ
торговыхъ кашгарцевъ, что потомокъ бывшихъ владѣтелей
Кашгаріи, повѣщенныхъ китайцами при взятіи Кашгара, —
Джангырь-хожа, „нынѣ желая отмстить за дѣдовъ своихъ,
выпросилъ города Бадахшана(*) у владѣльца лучшихъ стрѣл-
ковъ до 2000 человѣкъ“ и напалъ на одинъ кашгарскій го-
родъ. „Когда (это) дошло до свѣдѣнія китайскаго началь-
ства въ Кашгаріи, то для защиты города выслана была во-
оруженная команда до 300 человѣкъ, о чемъ услыхалъ за-
воеватель Джангырь-хожа, вышелъ со своимъ войскомъ на
встрѣчу, разбилъ китайскій отрядъ и побилъ всѣхъ людей и
чиновника, отъ которыхъ досталось ему въ добычу 500 лоша-
дей. А въ доказательство сего (привожу) когда при выходѣ
моемъ изъ Кульджи явился нарочно посланный изъ Кашга-
ріи съ требованіемъ на защиту войска, почему кульджинскій
губернаторъ немедленно командировалъ войско, 6000 чело-
вѣкъ вооруженныхъ, съ таковымъ подтвержденіемъ, чтобъ
оно непременно достигло Кашгара въ 12 дней, а дабы не
было остановки, отпустилъ изъ числа казенныхъ лошадей на
каждаго по пяти и снабдилъ въ довольномъ количествѣ про-
віантомъ; а послѣ сего войска въ скоромъ времени и самъ

(*) Бадахшанъ—горная страна на р. Коксу, притокъ Амуръ-Дарьи. Населеніе—
таджики.

губернаторъ хотѣлъ выѣхать въ числѣ 3000 человекъ. — По прибытіи жъ моемъ на Семь рѣкъ, извѣстился я отъ пріѣхавшихъ изъ за рѣки Или киргизцовъ, что Кокандскій владѣлецъ выслалъ войска 4000 человекъ къ двокаменнымъ киргизцамъ съ тѣмъ, чтобъ ихъ покорить подъ свое владѣніе и съ требованіемъ съ нихъ подати. Киргизцы жъ сіи родовъ Султу (Солту) и сарбагашевского(*) кочуютъ по р. Чую (Чу). Почему киргизцы, убоясь кокандскаго войска, половина предались имъ и внесли требуемую пошлину, а другая половина, сарбагишцы дѣти бія Атеки, перекочевали къ таковымъ же бугунскаго рода, кочующимъ при озерѣ Иссыкъ-кулъ, къ тѣмъ біямъ, которыхъ въ недавнемъ времени дѣти были въ городѣ Омскѣ(**). Кокандское же войско послѣдовало для подкрѣпленія себя отъ идущей въ Кашгаръ прямой дороги чрезъ гору Каштакъ, обходя нижній конецъ горы, то отъ оной еще ниже, ходомъ три дня, по рѣкѣ Чую, для укрѣпленія, гдѣ, какъ по слухамъ носящимся, будетъ находиться навсегда. Сверхъ онаго, съ симъ же войскомъ особенно были командированы отъ Кокандскаго владѣльца депутаты въ Большую Орду Уйсунъ—Дулатовскую(***) волость, къ кочующимъ за р. Или, также для склоненія ихъ предаться подъ кокандское владѣніе, но успѣхъ ихъ, какъ слышно, не очень выгоденъ, ибо киргизцы отозвались тѣмъ, что они безъ согласія султановъ учинить

(*) Солту и Сары-багишъ племена такъ наз. праваго фланга каракиргизъ (онгъ).

(**) Въ Омскѣ, въ началѣ 1825 года, ѣздили къ Генераль-Губернатору депутаты отъ трехъ родовъ каракиргизскаго племени Бугу (или Бугу). Сейфуллинъ принималъ въ этой депутаціи большое участіе.

(***) По Аристову („Замѣтки объ этническомъ составѣ тюрк. племенъ“), Большая Орда составила, глав. обр., изъ древнихъ племенъ *Канлы* и *дулатъ*, образовавшихъ сложные роды съ частями степныхъ родовъ *усуней* или каракиргизовъ. Радловъ племени *дулатъ* не упоминаетъ.

сего не могутъ, по каковому предмету на спросъ ихъ и султаны Аблай и Алій также отозвались, что они находятся уже подъ зависимостью Россіи“.

6) *Письмо(*) наход. у султана Сюка Аблайханова письмоводителя 14-го класса Мусажита Мукминова, 19 января 1826 г., на имя И. д. Омскаго Областнаго Начальника С. Б. Броневскаго.*

„Свидѣтельствую мое должное высокопочитаніе. — Имѣю честь увѣдомить Ваше Высокоблагородіе о новостяхъ китайскихъ. Апкакъ-хожа прибылъ въ Кашгаръ съ войскомъ и, по слухамъ, дошедшимъ сюда, взялъ два или три города, почему изъ Кульджи послано было туда до (цифра написана неразборчиво) войска, которое, находясь тамъ, и до нынѣ продолжаетъ междуусобіе“.

„Находящіеся съ прежнихъ временъ на верхнемъ концѣ рѣчки Кокъ-су, по 30 человекъ, пограничные китайскіе каравулы, усмотрѣвъ, что русскимъ отрядомъ при Караталѣ выстроены избушки, увеличили на оныхъ число людей, а именно на каждомъ находится нынѣ по 100 человекъ, опасаясь весьма, дабы не прибыли къ нимъ, съ одной стороны, русскіе, съ другой же вышесказанный хожа. При каковомъ ихъ нынѣшнемъ страхѣ мы думаемъ, весьма хорошо бы было, еслибъ въ скоромъ времени построено (было) при Караталѣ селеніе(**). По отбыти отсюда съ отрядомъ госпо-

(*) Мукминовъ-татаринъ. Помимо него, въ сношеніяхъ съ областнымъ начальствомъ находились нѣкоторые письмоводители и другихъ султановъ, также татары.

(**) Султанъ Сюкъ Аблайхановъ неоднократно просилъ объ открытіи въ его кочевьяхъ (въ Большой ордѣ) округа. Въ 1825 г. посланный въ Семирѣчье отрядъ, съ подп. Шубиннымъ во главѣ, заходилъ къ Сюку и устроилъ тамъ стоянку, которая была потомъ покинута ввиду протеста со стороны Китайскаго Правительства.

дина подполковника Шубина мы не получили съ линіи никакого пріятнаго извѣстія.“

„Засимъ увѣдомить честь имѣю, что изъ числа подвѣдомственной Кулану волости половина откочевала въ Коканію (Кокандъ) по причинѣ будто бы той, что они надѣялись на покровительство бывшаго російскаго отряда, который по просьбамъ ихъ никакой пользы имъ не сдѣлалъ, изъ Коканіи же были у нихъ депутаты для понужденія ихъ къ таковой кочевкѣ, съ таковымъ при томъ подтвержденіемъ, что если они не откочуютъ къ нимъ, то присланъ будетъ въ 5000 человекъ отрядъ для раззоренія ихъ. Чего самаго устращася, они и откочевали. По прикочеваніи жъ ихъ въ предѣлы Коканіи собрана была съ нихъ пошлина съ 40 одна штука (?). По носящимся слухамъ, они уже говорятъ, что если бы на Караталъ пришелъ російскій отрядъ и возстановилась тишина, тогда бъ и они непременно прикочевали обратно“.

„Еще увѣдомляю Васъ, что послѣ отбытія отсель воинскаго отряда Найманцы(*) весьма сдѣлались не спокойны, ибо вѣднія султана Ширгазы киргизы (матаевцы?) угнали у султана Сюка 200 лошадей, изъ числа коихъ большое количество возвратили, а 40 самолучшихъ мериновъ и жеребцовъ не отдали, посланныхъ же для требованія людей жестоко били. А также и собственно у меня угнали Садыръ-Найманцы, вѣднія султана Джабая киргизы, 63 лошади, изъ числа коихъ 48 возвращены, а 15 лучшихъ лошадей не отдали. Еще вѣднія султана Сюка Джалаирскаго рода(**)

(*) Кочевья найманскихъ родовъ (Средней орды) граничили съ Большой ордой

(**) Джалаиръ—не родъ, а одно изъ племенъ Большой Орды

у киргизъ угнали вѣдѣнія султана Ширгазы Ногає-матаев-цы 2000 барановъ, 100 коровъ, 40 верблюдовъ и, сверхъ того, убили двухъ человекъ, женщинъ же и дѣвокъ изранили пиками и саблями.... Писать болѣе ничего не нахожу. Пребывая въ твердомъ намѣреніи продолжать службу до послѣдней капли крови, 14 класса Мусагитъ Мукминовъ".

7) *Показаніе бухарца Р. Мухаметлифова, отобранное въ Канцеляріи Бухтарминскаго Коменданта 8 февраля 1826 г.*

„Въ прошломъ 1825 году отправился я съ пятью товарищами.... изъ ташкентскаго города (названіе не разобрано), съ разными шелковыми и бумажными товарами и бухарскими мерлушками. Составивши караванъ для лучшей безопасности, проходили мы съ онымъ по китайской границѣ до города Кульджи, куда по прибытіи соединили свои товары съ караваномъ семипалат. купцовъ и отправили оные къ предѣламъ Россіи съ семипалат. ташкентцемъ М. М. Но какъ китайцы самихъ насъ не пропустили, то мы принуждены были съ частью товаровъ на необходимые расходы возвратиться въ городъ Аксу, откуда, слѣдуя черезъ Торпанію и дикихъ киргизцовъ, гдѣ имѣли мы отъ ихъ старшинъ и бѣевъ разныя притѣсненія. Нѣкоторые насъ по нѣсколько сутокъ задерживали и вымогательно брали тѣ вещи, какія имъ нравились, почему мы чрезъ дикихъ киргизъ съ трудомъ и убытками чрезъ сорокъ дней могли проѣхать. На всѣ же притѣснительные расходы у насъ вышло болѣе двухъ тысячъ рублей. Потомъ отъ дикихъ киргизъ проходя чрезъ разныя волости кочующихъ киргизъ кайсаковъ, равнымъ образомъ отъ султановъ, бѣевъ и старшинъ имѣли подобныя же первымъ притѣсненіямъ, на что также издержали до двухъ тысячъ рублей".

8) *Показаніе семипалатинскаго 3-ей гильдіи купца Агсаляма Абдикеева, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи 8 августа 1826 года.*

„Въ прошломъ 1825 году въ октябрѣ мѣсяцѣ по данному мнѣ охранительному листу отъ Омскаго г. областного начальника въ 18 день того мѣсяца за № 1180, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ вышелъ я за границу чрезъ Семипалатинскую пограничную таможенную съ товаромъ для размѣна въ городѣ Кокандѣ и проходилъ съ прочимъ караваномъ по киргизской степи, минуя Каркаралинскаго Приказа, чрезъ рѣзныя киргизскія волости. Во время оно обидѣ и притѣсненій не видали, кромѣ какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, по приходѣ къ пескамъ, называемымъ Бикбакъ-дала (Ведъ-пакъ-дала), при городѣ (названіе не разобрано) Меньшой орды Таминской волости киргизцы вѣдѣнія султана Исеньгильды Касимова, родного брата Сарджанъ — султана, въ ночное время нападъ на насъ угнали въ баранту 400 лошадей, причемъ ранили у насъ одного человѣка. На завтрее жъ бывшими нашими людьми захвачено изъ воровъ киргизцевъ 10 человѣкъ; но хищники, видя, что можетъ послѣдовать имъ непріятность чрезъ посылку отъ насъ кувратскихъ(*) киргизцовъ, угнанныхъ нашихъ лошадей возвратили 340, а 60 упалыхъ и загнанныхъ на дорогѣ и по сіе время остались за ними не заплаченными. По прибытіи жъ до рѣки Чую (Чу), гдѣ по глубокости снѣга зимовали благополучно, и въ началѣ апрѣля мѣсяца отправились въ городъ Ташкентъ, гдѣ размѣняли наши русскіе товары на таковыя жъ азіатскіе; мѣна была для русскаго купечества очень выгодна. Отколь по

(*) Конграць—племя Средней Орды, кочующее среди киргизъ Большой Орды, къ которой оно часто и причисляется.

окончаніи нашего торгу съ прочими торговцами въ Семипалатинскъ прибылъ обратно“.

9) *Показаніе ташкентца Султанъ-Муратинхова, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи 13 октября 1826 года.*

„Сего года въ маѣ мѣсяцѣ вышелъ я чрезъ Семипалатинскую пограничную таможену, съ позволенія начальства, въ китайскій городъ Кульджу съ прочими ташкентцами на 600 верблюдахъ. Проходили чрезъ киргизскую степь по разнымъ киргизскимъ волостямъ благополучно, обидъ и притѣсненій ни отъ кого не видали. По прибытіи жъ до города Чугучака и не доходя озера Алакуля находившуюся при насъ для охраненія каравана казачью команду, одного урядника и десять казаковъ, снабдя ихъ лошадьми и припасами, обратили на линію(*). Сами жъ для торгу въ Чугучакъ не заходили, а прошло прямо въ Кульджу, гдѣ были пропущены чрезъ пикеты, никакого препятствія не было. Въ Кульджѣ жъ торговали нынѣшній годъ очень не выгодно для русскаго купечества, по той причинѣ, что въ Кульджу всегда разныя товары ежегодно привозились изъ городовъ Кашгара, Аксу, Яркенда и прочихъ, а нынѣшній годъ въ привозѣ оттолъ не было. И какъ купечество не могло размѣнять всѣхъ товаровъ, нѣкоторые (купцы) вывезли обратно и для промѣна отправили на Семь рѣкъ.—По бытности жъ моей въ городѣ Кульджѣ, слышалъ я отъ пріѣхавшихъ ташкентцевъ, что нынѣшняго лѣта прежде бышихъ владѣльцевъ Айхожи и Куньхожи изъ шести городовъ: Кашгара, Яркенда, Аксу, Турпана, Кутана и Янсара, Жан-

(*) Казачья команда, по просьбамъ торговцевъ, давались, обыкновенно, до границы, на условіи содержанія команды на счетъ торговцевъ.

гырь-хожа изъ числа сихъ шести городовъ, кромѣ Аксу, всѣ взялъ подъ свое владѣніе, отколь прежде находившееся китайское войско много побито, а послѣднія (?) выгнаты вонъ. Хожины же дѣти воевали съ согласіемъ жителей тѣхъ городовъ магометанъ и брали въ помощь войска изъ городовъ Кундуза, Т. (названіе не разобрано) и Бадахшана до 12 тысячъ человѣкъ, которые (т. е. жители) давно уже желали свергнуть съ себя сіе иго и не быть подъ властію китайцевъ. Но сіи послѣдніе, какъ сказывали мнѣ въ Кульджѣ, находятся въ большой опасности, и о всемъ происшествіи донесено было ихъ хану (т. е. богдохану), который, якобы, изъ разныхъ мѣстъ приказалъ выступить въ значительномъ количествѣ войску, слѣдовать въ Кашгаръ и возвратить прописанные города паки подъ свое владѣніе. И мы полагаемъ, между ими должны произойти большія непріятности, а потому въ сихъ городахъ ни съ которой стороны купечество не пропускается и торгу нѣтъ. — Кромѣ сего, болѣе ничего я не слыхалъ. Въ Кульджѣ находились мы 46 дней, потомъ вышли съ караваномъ обратно. Изъ числа нашего нѣкоторые торговцы разошлись по степи киргизской для размѣна (товаровъ), а я въ числѣ 250 верблюдовъ прибылъ на линію благополучно. Въ киргизской степи заразительной болѣзни на скотъ разнаго званія не имѣется“.

10) Одинаково съ Муратшиховымъ показалъ ташкентецъ Бедель Нагматовъ. (*) „Бывшій при караванѣ караванъ-башемъ *ташкентецъ М. Миркурбановъ* показалъ также во всемъ сходно противъ объясненія Муратшихова, только прибавилъ, что по выходѣ его изъ Кульджи заходилъ онъ въ городъ Чугучакъ по своей надобности, гдѣ замѣтилъ онъ,

(*) Другое показаніе Беделя Нагматова помѣщено подъ номеромъ 3-имъ.

что и въ Чугучакѣ между китайцами большое замѣшательство и также находятся въ опасности. Гдѣ слышалъ, что послѣ ихъ выхода изъ Кульджи вышесказанныя Хожинны дѣти, совокупясь съ жителями города Кашгара, Яркенда, Турпана, Кутана и Янсара, также взяли и послѣдній городъ Аксу, и теперь уже въ сихъ городахъ войска китайскаго совѣмъ не находится и правительство учреждено магометанское, предоставлено большинство Маматъ-Муратъ-хожѣ“.

11) *Письмо наход. у султана Сюка Аблайханова писмоводителя Курбанкула Курбанбакиева, 26 ноября 1826 г., на имя Начальника Омской области С. Б. Броневского*

„Въ прошломъ 1824 году, по бытности моей съ султаномъ 8 класса Сюкомъ Аблайхановымъ въ Омскѣ, Ваше Высокоблагородіе изволили поручить мнѣ доставлять Вамъ свѣдѣнія о китайскихъ обстоятельствахъ“.

„Почему за долгъ себѣ вмѣняю донести Вамъ, что сего года 19 августа, по выѣздѣ хорунжаго Вяткина отъ султана Сюка Аблайханова, пріѣзжали въ кочевье его китайскіе ремонтеры для полученія отъ киргизъ съ лошадей пошлины. Остановясь при Карачатѣ, прислали отъ себя къ султану Сюку пять человѣкъ калмыкъ просить его къ себѣ, посему султанъ Сюкъ къ нимъ и ѣздилъ. По бытности жъ его у нихъ китайскіе чиновники спрашивали его, что справедливо ли, русскіе были въ кочевьяхъ его, по его просьбѣ, и выстроили при Караталѣ избышки? На что султанъ объявилъ имъ, что русскій отрядъ былъ у нихъ по волѣ Бѣлаго Царя для доставленія кочующимъ на Семи рѣкахъ почетнымъ султанамъ въ награду золотыхъ медалей и золотой парчи халатовъ, что русскіе, во время нахожденія ихъ

при Караталѣ, сдѣлали только въ трехъ мѣстахъ собственно для себя избышки, а потомъ, оставя ихъ, возвратились въ свое мѣсто. Болѣе жъ чиновники тѣ его, Сюка, ни о чемъ не спрашивали“.

„Послѣ чего въ началѣ сентября мѣсяца отправился я въ гор. Кульджу и, доѣхавъ до онаго того же мѣсяца 11 дня, а 12-го представилъ джанджуну письмо и въ подарокъ лошадь, посланную со мною отъ султана Шигая Аблайханова, а отъ джанджуна получа въ таковой же подарокъ Шигаю канфу, возвратился въ свой станъ“.

„Въ Кульджѣ находился я четыре дня. Въ сіе время слышалъ я о происходящей войнѣ Янгыръ хожи съ китайцами. Сей Янгыръ хожа по выходѣ, будто бы, изъ Коканіи пошелъ прямо на Бадахшанъ; набравъ тамъ небольшое число войска, продолжалъ путь до Кашгара; взявъ оный, побилъ какъ войско китайское, а равно и начальника ихъ амбана; въ Кашгарѣ набравъ войска, слѣдовалъ въ Яркендъ; взявъ сей, истребилъ войско и убилъ амбана; тутъ еще усиливъ войско, пошелъ на Хотанъ, гдѣ также побивъ китайцевъ и самого амбана, завладѣлъ городомъ. Когда же дошло извѣстіе о покореніи толикаго числа городовъ до кульджинскаго джанджуна, то онъ съ значительною силою выступилъ противъ Янгыра хожи, но только и онъ съ войскомъ былъ побить; Янгыръ же хожа достигъ до Аксу, продолжаетъ тамъ и по нынѣ войну. О каковомъ происшествіи доведено было китайскому богдохану. по распоряженію коего выслано войска 150 т. подъ командою его двухъ вельможъ и нѣкотораго числа амбаней и джанджуновъ. Войско сіе, говорятъ, будто-бы на сихъ дняхъ достигло уже до города Аксу; за день до прибытія моего въ г. Кульджу якобы выступило от-

туда 7 т. человекъ. Нынѣ изъ Кульджи торговыхъ людей не пропускаютъ во внутрь китайскаго владѣнія, кромѣ почты Россійскаго Бѣлаго Царя, для того, будто бы, чтобъ не распространился слухъ о покореніи большого числа ихъ войска. Впрочемъ, что еще послѣдуетъ впередъ, Богу извѣстно“.

„По признаніи моемъ сего выше изъясненнаго происшествія, сентября 15 дня выѣхалъ я изъ Кульджи и прибылъ на Караталь въ кочевье того же мѣсяца 25 дня. Покорнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе извинить меня, что я о сихъ происшествіяхъ Вамъ доношу, поелику я имѣлъ на сіе личное отъ Васъ порученіе“.

12) *Репортъ переводчика коллегіи иностранныхъ дѣлъ Лобанова, отъ 26 октября 1826 г. за № 42, И. д. Омскаго областного начальника полков. Броневскому(*)*.

„Хотя при свиданіи прежде сего съ китайскими чиновниками, которые между прочими разговорами сказывали мнѣ о имѣющейся у нихъ съ ташкентцами войнѣ, но я удерживался донесеніемъ Вашему Высокоблагородію до совершеннаго о семъ разузнанія, нынѣ какъ отъ китайцевъ. равно и ихъ чиновниковъ и торговцевъ, бывшихъ въ городахъ Кульджѣ и Чугучакѣ для торга, подтвержденіямъ, что дѣйствительно война сія продолжается довольно кровопролитная и что ташкентцы совершенно овладѣли принадлежащими владѣнію китайцевъ городами Яркендомъ, Кашгаромъ, Кашемиромъ и прочими, а теперь стремятся единственно къ овладѣнію еще городомъ Кульджей и далѣе не простираютъ своихъ завоеваній, ибо какъ полагаютъ сей городъ осно-

(*) Лобановъ находился въ Бухтарминской крѣпости.

ваннымъ съ издревлѣ на мѣстѣ имѣ принадлежащемъ, во за всѣмъ тѣмъ городъ Чугучакъ при всемъ возможномъ тщаніи укрѣплень прорытіемъ вокругъ онаго рвовъ, въ кои, якобы, пропущена вода. О людяхъ же, дѣйствующихъ со стороны ташкентцевъ, судя по одеждѣ убитыхъ, есть частію европейской, но котораго государства утвердить не могутъ, о чемъ, въ силу повелѣнія Вашего отъ 26 марта с. г. за № 418, Вашему Высокоблагородію донести честь имѣю“.

Препровождая этотъ рапортъ (какъ и другія свѣдѣнія) Генераль-Губернатору Западной Сибири, Броневскій добавилъ, что „другое доставленное на сихъ же дняхъ въ частномъ видѣ свѣдѣніе отъ чиновника, имѣющаго право на довѣріе, показываетъ, что и городъ Чугучакъ, ближайшій къ здѣшней границѣ, уже запертъ для иностранцевъ, кругомъ окопанъ рвомъ съ напускомъ въ оный воды и на валу выставлены пушки въ значительномъ числѣ; что минувшаго лѣта большой корпусъ китайскаго войска, подъ начальствомъ кульджинскаго губернатора, бывъ завлеченъ хитростью воюющихъ съ ними въ узкій проходъ горъ, въ мѣстахъ, обитаемыхъ дикокаменными киргизами, и тамъ разбитъ зашедшими съ тылу непріятелями, соединившимися съ киргизами; и что, по показанію китайцевъ, дѣйствительно находятся, въ числѣ воюющихъ съ китайцами, люди въ европейской одеждѣ“.

13) *Показаніе семипалатинскаго торговца ташкентскаго старшины Миралима Нязова, отобраннаго въ Омскъ въ январь 1827 года.*

„Нязовъ объяснилъ, что, не будучи самъ очевидцемъ происходящаго замѣшательства въ Кашгаріи, не можетъ сказать ничего утвердительно о томъ, а по слухамъ знаетъ,

что Кашгарія состоитъ изъ 6 городовъ; она была прежде независимымъ владѣніемъ, но не извѣстно сколько назадъ тому лѣтъ, какъ покорена Китаемъ. Наслѣдникъ бывшихъ владѣльцевъ Кашгаріи Хожа Джангырь изъ фамиліи Акнаковъ, скрываясь по разнымъ мѣстамъ, жилъ у коканскаго хана и, имѣя намѣреніе отложить отъ китайцевъ Кашгарію, которая и сама того желала, просилъ помощи у Коканіи, почему ханъ писалъ о томъ чрезъ Кульджинскаго губернатора къ китайскому императору. Послѣ чего Китай повидимому изъ опасенія платилъ ежегодно Коканскому хану 250 ямбъ серебра, съ тѣмъ, дабы Хожа не былъ допущенъ къ войнѣ, но когда коканскій ханъ умеръ въ 1823 году, то Хожа Джангырь бѣжалъ изъ Коканіи, пригласивъ съ собою нѣсколько молодыхъ людей, составлявшихъ его свиту. Пришедши же къ дикокаменнымъ киргизамъ и желая привести намѣреніе свое въ дѣйствіе, просилъ у нихъ помощи на войну съ Китаемъ. Въ семъ ему не было отказано, и онъ, набравъ не слишкомъ большое число киргизъ, отправился на китайскую границу. Тамъ побивъ два пикета, воротился назадъ, потому болѣе, что не получилъ еще извѣстія отъ кашгарцевъ, съ коими имѣлъ переписку чрезъ торговцевъ. Китайцы же, узнавъ о семъ, наказали дикокаменныхъ киргизъ. Послѣ сего Хожа, находясь около тѣхъ же мѣстъ и собравъ опять въ значительномъ количествѣ войско свое, отправился къ Кашгаріи и на пути посылалъ въ городъ Кундузъ, ни отъ кого независимый, къ родственнику своему. Здѣсь, какъ сказываютъ, получивъ подкрѣпленіе къ своимъ силамъ, пошелъ далѣе. Не доходя же до Кашгаріи, писалъ къ тамошнему начальнику, чтобы всѣ города оной возвращены ему были, какъ законному владѣльцу. На сіе домогательство послѣдовало отъ кульджинскаго губернатора раз-

рѣшеніе, что китайское правительство согласно возвратить Хожѣ Кашгарію, лишь бы онъ самъ пришелъ туда безъ дальнѣйшихъ непріятностей. По сему Хожа, хотя приглашаемъ былъ въ Кашгарію, но онъ, предвидя хитрость китайцевъ, отказался и не пошелъ. Между тѣмъ онъ не переставалъ имѣть переписку съ самими кашгарцами, желавшими свергнуть иго китайцевъ. Слѣдствіемъ сей переписки было то, что во время праздника, называемаго Айтъ-Майранъ, кашгарцы для поклоненія вышли на степь, взявъ съ собою по внушенію Хожи скрытно кинжалы и сабли; китайцы же, изъ любопытства, многіе послѣдовали туда. Въ сіе самое время пришелъ къ нимъ и Хожа. Ему не трудно было обратиться, ибо онъ вступилъ не военною рукою и даже, сказываютъ, что былъ тогда вовсе безъ войска. По отправленіи же богослуженія Хожа первый сдѣлалъ нападеніе на китайцевъ; ему послѣдовали и кашгарцы, имѣвшіе уже въ запасѣ оружіе. Къ сему, вѣроятно, подоспѣло и войско Хожи. Такимъ образомъ истребивши китайцевъ, Хожа овладѣлъ самою Кашгаріею. Здѣсь, безъ сомнѣнія, войско его значительно увеличилось. Начальникъ китайскій, бывшій въ самой крѣпости, узнавши о возмущеніи въ городѣ, отравилъ себя ядомъ, а по увѣреніи другихъ, и онъ сдѣлался жертвою войны. Затѣмъ всѣ кашгарскіе города, кромѣ Аксу, узнавши сіе и истребивъ всю стражу китайскую, предались добровольно Хожѣ, который, опредѣливъ въ оныя начальниковъ, набралъ войска столько, сколько для него нужно было, и истреблялъ китайцевъ. Хотя правительство китайское не оставалось въ бездѣйствіи, высылая свое войско противъ Хожи, но по неудачнымъ сраженіямъ оно собрало значительнѣйшія силы. Самое главное и кровопролитное сраженіе происходило по совершенномъ отложеніи кашгарскихъ го-

родовъ отъ китайцевъ. За всѣмъ тѣмъ Хожа остался побѣдителемъ. Нынѣ китайцы, усиливъ снова войско свое въ Кульджѣ, какъ пограничномъ городѣ въ Кашгаріи, пошли въ Аксу, ибо Хожа намѣревается непременно завладѣть и симъ городомъ, какъ принадлежащимъ Кашгаріи, и такимъ образомъ утвердить свое владычество, но что происходитъ нынѣ въ семъ городѣ — неизвѣстно.“

14) *Записка начальника отдѣленія омскаго общаго областного управленія Сушина, подъ загл. „Взглядъ на Кашгарію въ отношеніи происшествія въ оной“.*

„Общія замѣчанія“. „Кашгарія имѣетъ главные города Кашгаръ, Аксу, Яркендъ, Хотанъ и Турпанъ и составляетъ оконечность западной и юго-западной китайской границы. Жители магометанскаго исповѣданія. Они поступили подъ зависимость Китая въ одно время съ Зюнгаріей, во владѣніи коей до того состояли.“

„Область сія уважается въ Средней Азіи по производящемуся чрезъ оную китайскому торгѣ. Она составляетъ складочное мѣсто и почти единственный портъ, чрезъ который государство сіе (т. е. Китай) снабжаетъ чаемъ Малую и Большую Бухарію, Афганъ, Бодахшанъ, Малый Тибетъ, Кашемиръ, Хиву, нѣкоторыя провинціи Персіи и другіе обитающіе въ сей части Азіи народы, получая отъ нихъ разную рухлядь, какъ то лисицу, корсука и мерлушку. Кромѣ того вывозится на немаловажную сумму форфору, состоящаго въ чашкахъ и кувшинахъ, имѣющихъ большое употребленіе у магометанъ. По удостовѣренію нашихъ караванныхъ, отпущъ сихъ произведеній столь великъ, что въ теченіе лѣта приходитъ изъ внутренности Китая ежедневно отъ 100 до 300 выючныхъ купеческихъ верблюдовъ. Входитъ въ Кашга-

рію дозволенъ однимъ азіатцамъ, посредствомъ ихъ только участвовало здѣсь тогда російское купечество въ торговлѣ“.

„*Происшествіе послѣдняго времени*“. Въ такомъ положеніи находилась Кашгарія до 1825 года, когда наслѣдникъ прежнихъ владѣльцевъ сей земли, изъ рода Хожей, по имени Джангырь или Апкакъ, принявъ намѣреніе возвратити свое наслѣдіе, скрытно ушелъ изъ Коканіи, гдѣ онъ и предки его содержаны были со стороны китайскаго правительства подѣ надзоромъ. Можетъ быть, онъ давно имѣлъ тайныя сношенія съ своимъ народомъ; можетъ быть, его подвигнулъ къ сему предпріятію самъ владѣтель Коканіи, получавшій отъ китайцевъ ежегодно на содержаніе его до 200 ямбъ серебра, кромѣ другихъ подарковъ; можетъ быть даже, какъ доходили сюда свѣдѣнія, участвовали въ томъ англичане, проникшіе въ сію страну изъ индѣйскихъ колоній: но то достовѣрно, что онъ вступилъ въ Кашгарію съ помощію небольшого числа преданныхъ ему людей. Появленіе его и умерщвленіе нѣсколькихъ чиновниковъ было знакомъ къ народному возмущенію, которое мгновенно распространилось въ городахъ Кашгарѣ, Акеу, Яркендѣ и въ окрестностяхъ оныхъ. Китайскіе правители и внутренняя стража частію истреблены; нѣкоторые, забравъ всѣ сокровища собственныя и казенныя, заперлись въ крѣпости Гульбакѣ, а другіе принуждены искать своего спасенія въ бѣгствѣ. Посланное для усмиренія изъ ближайшихъ къ мѣсту происшествія провинцій войско не имѣло также успѣха въ возстановленіи спокойствія. И въ теченіе прошлаго 1826 г. происходившія битвы не рѣшили участи возставшихъ. Народъ поклялся предъ алкораномъ защищать свою независимость до послѣдней крайности.

„Къ нимъ присоединились называемые кара-калмыки, ко-
чующіе въ сопредѣльныхъ мѣстахъ, по ту сторону р. Или,
остававшіеся мирными жителями во всѣхъ переворотахъ
Зюнгари. Отсутствіе въ Кашгаріи находившагося въ Ил-
лійской провинціи войска и успѣхи Хожы поощрили кирги-
зовъ къ грабежамъ на китайской границѣ. Дикокаменные
киргизы особенное оказали Хожѣ вспомошествованіе, въ
завлеченіи въ узкій проходъ горъ и въ пораженіи тамъ зна-
чительнаго китайскаго корпуса, проходившаго чрезъ ихъ
землю.

„Коканскій ханъ, у коего содержался Хожа, не остался
также празднымъ зрителемъ сего происшествія. Онъ, наб-
равъ въ своихъ владѣніяхъ до 15 тысячъ войска, ходилъ
самъ въ прошедшее лѣто въ Кашгарію для взятія крѣпо-
сти Гульбака, въ коей, какъ выше сказано, заперлась ос-
тальная часть стражи. Оказаніемъ ли помщи движимъ онъ
былъ къ сему, или овладѣніемъ сокровищами, собранными
въ крѣпость, неизвѣстно. Но какъ бы то ни было, онъ безъ
успѣха и съ потерей, неожиданнымъ случаемъ, собственныхъ
людей возвратился въ свою землю въ концѣ августа мѣся-
ца. Отиѣнное укрѣпленіе Гульбака, который Хожа держалъ
уже въ осадѣ, и желаніе скорого завладѣнія и славы не
позволяло ему согласиться на продолжительныя дѣйствія съ
Хожой соединенными силами и рѣшило его приступить къ
приготовленію пороховыхъ подкоповъ; но не имѣя доста-
точного познанія объ устройствѣ оныхъ, и самые огнепро-
воды имъ измѣнили. Уже теряли надежду, когда пущенный
огонь не произвелъ въ свое время дѣйствія, и часть войска,
приблизившись къ крѣпости, заступила мѣсто подкоповъ,
какъ сверхъ чаянія оныя взорвало и учинило жертвою са-

михъ кокандцевъ до 1000 человекъ; крѣпость однако жъ осталась невредимою, ибо мины ея не достигали. Послѣ столь неудачнаго предпріятія ханъ не оставался болѣе въ Кашгаріи, и печальное его возвращеніе въ свою резиденцію сопровождалось трауромъ. Въ семъ походѣ онъ лишился изъ своего войска 3600 человекъ, изъ коихъ часть, какъ значить, погибла во время взрыва, а прочіе произвольно вступили подъ начальство Хожи“.

„Между тѣмъ послѣдній постоянно томилъ голодомъ сокровившихся въ крѣпости китайцевъ и терпѣливо ожидалъ сдачи. По послѣднимъ извѣстіямъ, требующимъ еще подтвержденій, они дѣйствительно сдались и многіе изъ нихъ приведены въ магометанскую вѣру. Въ ознаменованіе чего Хожа послалъ нѣсколько плѣнниковъ къ Коканскому хану и къ правителю Урятипинцевъ.

„Предстоящая перемѣна въ торговлю и открывающіеся виды для Россіи“. „Разсматривая настоящее происшествіе въ Кашгаріи въ послѣдствіяхъ его, съ вѣроятностью предполагать должно совершенное преобразование существовавшаго доселѣ порядка, въ отношеніи торговли, если только Хожа, предпринявшій освободить область сію отъ китайской власти, утвердитъ оную за собой не на мирныхъ какихъ либо постановленіяхъ съ симъ государствомъ, но силою самоотторженія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда китайское правительство отчуждитъ сей край отъ всякихъ сношеній съ своими владѣніями. Торговля связи прервутся въ самомъ источникѣ. Всѣ вышеупомянутые народы, получавшіе до сего изъ Кашгаріи произведенія Китая, лишатся способовъ вывозить оныя чрезъ сію землю. Торгъ въ состоящихъ на западной границѣ городахъ Кульджѣ и Чугучакѣ могъ бы,

повидимому, отъ сего усилиться и замѣнить происшедшую перемѣну; но такъ какъ входъ въ сіи мѣста дозволенъ однимъ киргизамъ, отъ имени которыхъ только пропускаются иноземные караваны, и какъ торгъ здѣсь по установленіямъ правительства допущенъ съ одной казной и то съ крайнимъ стѣсненіемъ, то, оставаясь на семъ положеніи, онъ никогда не достигнетъ такого состоянія, въ которомъ бы удовлетворялась потребность всѣхъ участвовавшихъ въ сей торговлѣ народовъ. Потаенная мѣна между купечествомъ, привлекавшая до нынѣ въ упомянутые города иноземцевъ, хотя гораздо выгоднѣе, но она непрочна, находится въ извѣстныхъ предѣлахъ, особенно въ Кульджѣ, и расширеніе ея легко можетъ послужить причиною конечнаго упадка, какъ скоро возбудитъ вниманіе правительства, толико строгаго къ своимъ формамъ. Не менѣе того затрудняетъ торговлю въ Кульджѣ и Чугучакѣ опасность пути чрезъ кочевья киргизовъ, кои въ сихъ мѣстахъ преимущественно беспокоятъ грабежами и притѣсненіями иноземные караваны, которые для избѣжанія сего стекались за произведеніями Китая въ одной Капгаріи.

„А какъ, кромѣ показанныхъ пунктовъ, вся юго-западная и западная китайская граница но только закрыта для торговли, во и для другихъ сношеній, то изъ сего слѣдуетъ, что происшедшій отъ сего недостатокъ въ чаѣ, какъ первѣйшей потребности азіатцевъ, заставитъ ихъ по необходимости, для покупки онаго и отвоза своихъ избытковъ, обратиться въ Россію.

„Непреложность сего послѣдствія подтверждается и уже вышедшимъ къ Петропавловской крѣпости въ минувшемъ декабрѣ мѣсяцѣ караваномъ. Прибытіе его въ необыкновен-

ное время и въ значительномъ числѣ съ произведеніями, предпочтительно отвозимыми къ китайцамъ, суть доказательство прекратившихся чрезъ Кашгарію сообщеній съ Китаемъ и начало ожидаемаго выгоднѣйшаго для Россіи торговаго.

15) Въ декабрѣ 1826 года Генераль-Губернаторъ Западной Сибири Капцевичъ предложилъ И. д. Омскаго областного начальника Броневскому, въ виду послѣдовавшаго о томъ Высочайшаго повелѣнія, „отправить, сколь можно послѣднѣе, вѣрнаго и благоразумнаго конфидента въ мѣста, сопредѣльныя Малой Бухаріи, если не удастся ему проникнуть въ область сію“, для развѣдыванія „самымъ основательнымъ образомъ, съ соблюденіемъ строжайшей осторожности“, какъ о возстаніи въ Кашгаріи, такъ и объ отношеніи къ этому возстанію сосѣднихъ киргизъ и калмыковъ.

Выборъ Броневского остановился на засѣдателѣ Каркаралинскаго приказа тит. сов. Бубенновѣ. Послѣднему 7 января 1827 года дано было соотвѣтствующее предписаніе, причемъ Броневскій, „не ограничивая“ Бубеннова „въ средствахъ къ достиженію настоящей цѣли“, изложилъ свои „соображенія“, которыми Бубенновъ долженъ былъ руководствоваться „при возможности только“. „Соображенія“ эти слѣдующія: „1) Извѣстно, что въ Малую Бухарію или такъ называемую Кашгарію нельзя ранѣе проникнуть, какъ по наступленіи лѣта, и потому по необходимости должно Вамъ оставаться до этого времени или въ Большой ордѣ, или въ сопредѣльныхъ оной мѣстахъ. Здѣсь Вы будете имѣть время и средства собрать уже нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до происшествія въ Малой Бухаріи и Туркестанѣ, особенно когда откроется Вамъ удобный случай войти и въ китайскій городъ Кульджу. 2) Прилагаемыя при семъ бу-

маги(*), заключающія извѣстія о семъ происшествіи, дадутъ Вамъ понятіе о главныхъ обстоятельствахъ возникшаго замѣшательства. Но они не могутъ быть признаны совершенно достовѣрными. Слѣдовательно, необходимо ихъ повѣрить по прибытіи Вашемъ въ выше означенныя мѣста и въ подробности описать съ должною вѣрностью все, что Вами открыто будетъ, и представить немедленно ко мнѣ съ нарочнымъ. Отсюда, т. е. изъ предѣловъ Большой Орды, ожидаются первыя Ваши донесенія, которыя тотчасъ имѣютъ быть представлены въ Петербургъ для доклада Государю Императору. 3) Если дѣйствительно, что Кашгарія съ городами Яркендомъ, Аксу, Кашемиромъ и др. отторгнулась отъ китайской власти, то входъ туда по наступленіи лѣта вѣроятно Васъ не затруднитъ. Въ противномъ же случаѣ Вамъ предоставляется для достиженія оной области искать особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ и съ крайнею осторожностью, чрезъ султановъ Сюка Аблайханова, Кулана и Мухамедъ Али Ибакова. Но, впрочемъ, Вамъ, какъ давно служащему здѣсь и какъ знающему политическія отношенія китайцевъ къ Россіи, слѣдуетъ весьма остерегаться и употреблять такую скрытность, дабы избѣжать малѣйшаго подозрѣнія отъ бдительности китайскаго вниманія на иностранцевъ. Бумаги при себѣ отнюдь не имѣть и все, что можетъ родить сомнѣніе, отдавать. Языкъ употреблять Вамъ и сопутствующимъ съ Вами неизмѣнно татарскій, а одежду или ташкентскую или киргизскую. Урядниковъ или казаковъ, коихъ вы съ собою выберете, назначайте съ раз-

(*) „Выписки“ изъ писемъ Сюка Аблайханова, Мусагита Мукминова, Курбанкула Курбанбакиева и изъ „объясненія“ ташкентцевъ Муратшихова, Нагматова и Миркурбанова, „списки“ съ показанія Ф. Сейфуллина и донесенія Лобанова и „свѣдѣніе, полученное въ частномъ видѣ“. Эти письма и проч. напечатаны выше.

смотрѣніемъ ихъ способностей, вѣрности и трезваго поведенія, дабы кто либо изъ нихъ чрезъ нетрезвость и склонность къ буйству не сдѣлалъ неблагоразумнаго поступка и не навлекъ непріятностей“.

На поѣздку Бубеннову было ассигновано, безотчетно, 3 т. р. изъ суммъ Главнаго Управленія Западной Сибири. Въ спутники себѣ онъ выбралъ сотеннаго атамана Сальникова, младшаго урядника Романовскаго и казака Харламова. Кроме того, прикащикъ семипал. купца Степана Попова, Файзулла Сейфулинъ, далъ въ спутники Бубеннову своего родственника Шамсутдина(*). Экспедиція вышла изъ Семипалатинска 1 февраля 1827 года. Въ мартѣ того же года Бубенновъ послалъ изъ степи рапортъ Броневскому, въ концѣ мая прибылъ въ Омскъ, гдѣ представилъ „донесеніе“ о своей поѣздкѣ областному начальнику де Сентъ-Лорану, а въ іюнѣ былъ командированъ въ Петербургъ, для личнаго доклада и разъясненій въ Азіатскомъ Департаментѣ. Въ награду Бубенновъ получилъ орденъ Св. Анны 3 ст. Привожу оба рапорта Бубеннова.

а) На имя Броневскаго, отъ 17 марта 1827. „По отпращиваніи моемъ изъ города Семипалатинска за границу къ Семи рѣкамъ, во время слѣдованія моего 25 числа февраля при урочищѣ Уйташъ(?), предстоящемъ при рѣчкѣ Аягузъ, впадающей въ озеро Балхашъ, видѣлся я съ торгующимъ семипалатинскимъ мѣщаниномъ Андреемъ Николаевымъ, который между разговорами рассказывалъ мнѣ, что осенью про-

(*) „Торговецъ сей отправленъ отъ Сейфуллина (съ давняго времени оказывающаго услуги и готоваго къ услугамъ отечеству нашему) на собственный его счетъ, не требуя ни подъ какимъ видомъ казенной поддержки, что хотя и было ему предлагаемо“ (изъ рапорта Бубеннова).

шедшаго 1826 года ѣздилъ онъ при караванѣ съ товаромъ для торгу въ китайскій городъ Кульджу съ полученнымъ отъ султана вана Джанбубека Ханхожина на имя Кульджинскаго джанджона письмомъ (который называлъ его, Николаева, сыномъ находящагося при немъ Хожи Бурахана). И будучи онъ, Николаевъ, въ Кульджѣ въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ именемъ мнимаго отца своего Бураханъ Хожи познакомился съ переводчикомъ джанджона, націи кашгарской (имя не разобрано), ибо онъ съ Бураханомъ прежде уже былъ знакомъ; переводчикъ сей наединѣ сказывалъ по секрету Николаеву, что бывшаго въ Кашгаріи владѣльцемъ Акпакъ Хожи дѣтей Айхожи и Кунхожи (коихъ китайцы, при завоеваніи сей области, сказнили), изъ нихъ Кунхожина сына Сарымсака сыновья Джангырь Хожа, отъ роду имѣющій 43 года, со старшимъ своимъ братомъ Багаватдиномъ(*), воспитавшіеся въ извѣстной міру Кабульской области, желая отмстить китайцамъ за кровь дѣдовъ своихъ и получить наслѣдственное свое владѣніе, просили англичанъ, въ Индіи находящихся, о пособіи съ условіемъ получаемое какъ отъ китайцевъ въ добычу, равно и отъ области Кашгарской раздѣлить по ровной части, которые на то согласились и отправились съ ними начально къ кокандскому владѣнію, просили владѣльца о дачѣ войска; и какъ сей владѣлецъ отъ китайцевъ ежегодно бралъ въ подарокъ до 200 ямбъ серебра за то, чтобы съ сими Хожами не сдѣлать бунта въ Кашгаріи, то Джангырь Хожу засадилъ въ тюрьму, который изъ оной бѣжалъ и прибылъ ко владѣнію Балхъ и Бадахшанъ, и какъ владѣлецъ сей земли Джангырь Хожѣ

(*) Эту безграмотную фразу. вѣроятно, надо понимать такъ: у Акпакъ-Хожи были дѣти Айхожа и Кунхожа (которыхъ казнили китайцы); у Кунхожи былъ сынъ Сарымсакъ, а у послѣдняго два сына—Джангырь и Багаватдинъ.

тесть, то по просьбѣ зятя далъ ему войска до 2000 человекъ и онъ съ войскомъ и 12 англичанами, прибывъ въ кочевья дикихъ киргизъ въ мартѣ 1825 года, укрѣпился лагеремъ при урочищѣ Саркуль, стоящемъ отъ Кашгара въ 3-хъ дняхъ ѣзды, начально истреблялъ китайскіе пикеты. Китайцы, получа о семъ извѣстіе, для захвата Джангырь Хожи и истребленія войска его отправили кашгарскаго анбана съ войскомъ до 7000 человекъ и сіи прибыли въ кочевья дикихъ киргизъ бія Атынтайлака, кочующаго по тракту къ Кокани; сей бій со своими подчиненными киргизами, держа сторону Джангырь Хожи и условясь съ нимъ, обязался быть китайцамъ вожакомъ, дошедъ съ ними до Хожина войска гнали его съ тылу и заведя въ горахъ въ ущелье, то-есть узкое мѣсто, изъ Хожина войска половина оставлена назади, а другая впереди, и въ одно время съ обѣихъ сторонъ напали, съ помощью киргизъ, на китайцевъ, такъ что сіи не въ силахъ были защищаться, истребили все войско и съ главнокомандующимъ, кромѣ что освободилось изъ сего до 20 человекъ китайцевъ, которые доставили о семъ свѣдѣніе въ Кашгарію. Джангырь Хожа, получа отъ китайцевъ все, что при нихъ было, извѣстилъ о сей побѣдѣ тестя своего и кокандскаго владѣльца, сего послѣдняго съ тѣмъ, чтобы онъ съ войскомъ на завоеваніе Кашгарской области съ городами Яркендомъ, Хотаномъ, Янсаромъ, Аксу и Торпаномъ, насильно отбитыми китайцами у дѣдовъ его, Джангыра, сдѣлалъ пособіе, въ противномъ случаѣ онъ будетъ ему вѣчно непріятель. А между тѣмъ Джангырь Хожа того 1825 года не дѣлалъ болѣе военныхъ движеній, но дѣлалъ къ тому приготовленія, разсылая пословъ своихъ въ разныя мѣста, какъ-то: къ кашгарцамъ, въ Коканское владѣніе, Бухарію и Хиву, вызы-

валъ къ себѣ на завоеваніе охотниковъ и общалъ отличившимся награду. И какъ сихъ довольно къ нему присобралось, то онъ съ войскомъ своимъ въ началѣ лѣта 1826 года подступилъ подъ Кашгаръ, изъ коего выступилъ съ войскомъ прежде командовавшій въ Кульдѣ джанджонъ, началась битва и Хожа, удержавъ за собою побѣду, истребилъ китайцевъ почти всѣхъ, коихъ было до 10.000 человекъ, на сраженіи семь убитъ и самъ джанджонъ. Послѣ сего Хожа, отступивъ отъ города, дѣлалъ свои приготовленія. Между тѣмъ прибылъ къ нему коканскій владѣлецъ съ войскомъ своимъ, состоящимъ изъ 10.000 человекъ. Сей владѣлецъ самъ вывался Джангырь Хожѣ, что онъ наслѣдственную область его Кашгарскую отъ китайцевъ возьметъ и отдастъ во владѣніе ему, Джангыру. Послѣ чего подошелъ коканскій владѣлецъ только съ однимъ своимъ войскомъ къ городу Кашгару, неоднократно сражался съ китайцами и, потерявъ на войнѣ изъ войска своего до 700 человекъ, вскорѣ возвратился въ свое владѣніе безъ всякаго успѣха. Послѣ возвращенія коканцевъ Джангырь Хожа самъ со своимъ войскомъ пошелъ къ городу Кашгару и, съ помощью жившихъ въ ономъ кашгарцевъ магометанскаго исповѣданія, завладѣлъ онымъ, умертвивъ множество китайцевъ, а оставшіеся живыми съ анбанемъ заперлись въ крѣпость Кульбакъ, гдѣ всегда китайскія войска квартировали; анбань, призвавъ въ домъ свой наличныхъ чиновниковъ, будто-бы на совѣтъ, предложилъ имъ: не имѣетъ ли кто изъ нихъ, чтобы имъ отъ смерти освободиться, какого либо средства, тотъ далъ бы свое мнѣніе. И какъ никто на то не изъявилъ, то изъ курившей табакъ трубки въ приготовленный подлѣ себя порохъ вытряхнулъ огонь, съ чѣмъ вмѣстѣ подняло ихъ на воздухъ. Послѣ чего Хожа, отво-

ривъ ворота крѣпости, остальныхъ китайцевъ умертвилъ, воспользовавшись всѣмъ, что только тутъ было, вступилъ въ управленіе, это было въ іюлѣ мѣсяцѣ 1826 года. Потомъ послалъ Хожа войско свое въ города Янсаръ, отъ Кашгара въ 60, Яркендъ, всего въ 80 вер., и Хотанъ отъ Яркенда въ 20 дняхъ ѣзды отстоящіе, которые тоже вскорѣ одинъ за другимъ завоеваны“.

„Послѣ разговору перезодчика съ Николаевымъ вскорѣ пришелъ къ нему, Николаеву, въ лагерь татаринъ; Николаевъ, отозвавъ его на сторону, начально сказалъ ему о себѣ, потомъ спрашивалъ его, коей сказалъ, что его зовутъ Исмаиломъ, жительство имѣетъ въ Яркендѣ. Николаевъ спросилъ его, не знаетъ ли онъ семипалатинскаго купца Петра Пиленкова, а по татарски Абдикарима, который отвѣчалъ, что довольно знаетъ, онъ остался отъ него въ Яркендѣ, квартируетъ въ домѣ ташкентца Бабаджанова, бывшаго по торговлѣ въ Семипалатинскѣ назадъ тому 7 лѣтъ. На спросъ Николаева Исмаиль отвѣчалъ, что онъ въ Кульджу пріѣхалъ съ письмами отъ тамошнихъ купцовъ къ прикащикамъ и дѣтямъ, по торговлѣ тутъ находящимся, дабы они сколь можно поспѣшнѣе выѣзжали изъ Кульджи, ибо Хожа 4 города: Кашгаръ, Янсаръ, Яркендъ и (неразобрано) — завоевалъ и намѣренъ завоевать Аксу. Торпанъ и Кульджу, и что онъ, Исмаиль, изъ Кульджи по пріѣздѣ чрезъ 15 часовъ отправится, послѣ чего Николаевъ уже его и не видалъ, онъ же, Николаевъ, отправился изъ Кульджи въ началѣ ноября. Передъ отъѣздомъ его пріѣхалъ изъ Пекина джанджонъ..... (не разобрано) съ 10,000 войска отправился при немъ же въ Кашгаръ на мѣсто убитаго тамъ на сраженіи джанджона. По прибытіи моемъ на сихъ дняхъ

въ кочевья султана Сюка Аблайханова, стоящія между рѣкъ (не разобрано), узналъ я, что находятся тутъ два торговые татарина казанскіе, прибывшіе изъ крѣпости Прѣсновской и бывшіе въ Кашгаріи для торга въ 1826 году; коихъ нашедъ, я разговаривалъ, они на вопросы мои отвѣчали, что выѣхали изъ Кашгара въ іюнѣ, а прибыли сюда въ августъ мѣсяцъ, и въ прочемъ согласно съ Николаевымъ, и что коканскій ханъ въ бытность ихъ въ Кашгаріи подступалъ и обратился безуспѣшно, а Хожа завладѣлъ Кашгаромъ, послѣ отъѣзда ихъ изъ онаго, о чемъ они извѣстили дикокаменныхъ киргизъ, чрезъ аулы коихъ проѣзжали“.

„По выѣздѣ 15-го изъ ауловъ Сюка султана прибылъ я въ аулы Адилевыхъ дѣтей Кулана съ прочими 16-го числа, кочующіе (т. е. аулы) между рѣкъ Куксу и Илей (Или); остановившись кошемъ, по показанію Кулана, подлѣ коша находящагося тутъ для торга съ бязями кашгарца, познакомившись съ нимъ разговаривалъ, который на непримѣтные вопросы мои сказывалъ, что зовутъ его Абдрахманъ — Хожа Саидъ Хожинъ; въ Кашгаріи во время владѣнія оной китайцевъ, служилъ онъ въ званіи юзъ баши, т. е. сотеннаго начальника, по завоеваніи Кашгаріи Хожа принятъ въ службу тѣмъ же чиномъ. Джангырь Хожа желалъ имѣть дружескія сообщенія съ сосѣдственными народами, командировалъ его, Абдрахманъ-Хожу, съ письмами къ біямъ дикихъ киргизъ и къ султанамъ Адилевымъ дѣтямъ, и онъ съ сооруженнымъ Джангырь-Хожей караваномъ, состоящимъ изъ 55 выучныхъ съ бумажными товарами лошадей, выѣхалъ изъ Кашгаріи 15 ноября прошлаго 1826 года. Раздавъ біямъ дикихъ киргизъ письма и оставивъ тамъ при 2-хъ кошахъ товарищей съ товарами, прибылъ сюда 8-й

назадъ тому день, началъ товары свои размѣнивать на барановъ, а по размѣнѣ немедленно долженъ отправиться въ Кашгарію. Джангырь Хожа какъ письмами своими упоминаемыхъ чиновъ просилъ, равно и ему, Абдрахманъ-Хожѣ, строго подтвердилъ, чтобы приглашать торговцевъ идти въ Кашгарію и что за утрату имѣнія, иногда отъ грабителей случиться могущую, отвѣчаетъ онъ платежемъ сполна изъ собственности и что съ грабителями будетъ вѣдаться онъ самъ. Согласно сему и султанъ Куланъ Адилевъ мнѣ говорилъ, что онъ дѣйствительно имѣетъ отъ Джангырь Хожи такое письмо. Въ прочемъ Абдрахманъ Хожа съ объясненіемъ Николаева говоритъ почти во всемъ сходно, прибавляя только то, что Джангырь Хожа надѣется сего лѣта завоевать Аксу, Торпанъ и Кульджу, ежели китайцы добровольно не отдадутъ; онъ для сего отправилъ отъ себя къ китайскому богдохану пословъ, кои теперь уже должны возвратиться изъ Пекина; да по завоеваніи упоминаемыхъ городовъ тѣхъ Хожа отправилъ пословъ въ Балхъ, Бадахшанъ, Кокандъ, Большую Бухарію и Хиву, какъ о завоеваніи Кашгаріи съ городами съ извѣстіемъ, равно просилъ у тамошнихъ владѣльцевъ о присылкѣ на помощь себѣ, для завоеванія остальныхъ городовъ, войска, и онъ, Абдрахманъ Хожа, полагаетъ, что у Аксу теперь уже военныя дѣйствія начались. Рассказываетъ онъ, что въ Кашгаріи бумажные товары дешевы, а съѣстные припасы и чай необыкновенно дороги, посредственный баранъ продается 12 танговъ, это русской монетой будетъ слишкомъ 30 рублей. Монета тамъ употребляется еще прежняя, китайскаго чекана. О китайцахъ рассказываютъ какъ онъ, Абдрахманъ Хожа, равно султаны киргизы (не разобрано), что они дѣлаютъ большое приготовленіе войска, должно быть, въ Аксу до 150,000, въ

Кульджѣ до 80,000, и что изъ Пекина прибыли 3 особы, превышающія чинами джанджоновъ. На сихъ дняхъ ѣздили въ Кульджу султанскія дѣти: первый Валихана, второй Аббаса(?), третій Габайдуллы, они посланы изъ ауловъ своихъ въ Кульджу для отправленія въ Пекинъ; но кульджинскій джанджонъ объявилъ имъ, что по нынѣшнимъ смутнымъ обстоятельствамъ въ Пекинъ отправить ихъ нельзя, почему и обратилъ ихъ изъ Кульджи не такъ то съ достаточнымъ угощеніемъ, и они на сихъ дняхъ намѣрены возвратиться отсюда въ свои аулы. Донесеніе сіе отправляю я съ нарочно командируемымъ мною изъ числа находящихся при мнѣ младшимъ урядникомъ Сергѣемъ Романовскимъ, татаринѣмъ (не разобрано) и киргизомъ. Самъ я..... (не разобрано) имѣю отсюда отправиться въ кочевья дикихъ киргизъ завтрашняго числа, ибо извѣстно мнѣ, что чрезъ гору Алатавъ (Алатау) есть въ одномъ мѣстѣ переѣздъ, о чемъ Вашему Высокоблагородію и донести честь имѣю“.

б) На имя омскаго областного начальника де Сентъ-Дорана, отъ 1 іюня 1827 года. „Послѣ донесенія моего Господину и. д. Начальника области Полковнику Броневскому, отъ 17 марта сего года, оставивъ кочевья Большой Орды султановъ Адилевыхъ, прибылъ я 30 числа того же марта въ землю дикихъ каменныхъ киргизъ“.

„Здѣсь имѣя случай и возможность посѣтить знатнѣйшихъ изъ сего племени родоначальниковъ, кочующихъ въ сопредѣльныхъ Кашгаріи мѣстахъ, получилъ достовѣрныя извѣстія, что Хожа Джангырь, происходящій изъ дому владѣтелей Кашгаріи, дѣйствительно, вторгнувшись въ область сію, овладѣлъ, въ продолженіи 1825 и 1826 года, городами: Кашгаромъ, Яркендомъ, Хотаномъ и Янсаромъ съ округами

оныхъ и утвердился тамъ преданностью къ нему туземцевъ, признавшихъ его своимъ избавителемъ отъ чуждой власти. Начальствовавшіе и составлявшіе стражу китайцы были большею частью побиты, а остальные или взяты въ плѣнъ, или спаслись бѣгствомъ. Той же участи подвергнулись и высланные при началѣ возмущенія изъ сосѣдственныхъ мѣстъ китайскіе военные отряды для усмиренія“.

„Такимъ образомъ, Хожа, вытѣснивъ китайцевъ изъ четырехъ округовъ, возстановилъ въ оныхъ свое правленіе и образовалъ всеобщее ополченіе, котораго, какъ вообще полагаютъ, простирается нынѣ до 200 тысячъ человѣкъ. Они имѣютъ до 200 пушекъ преимущественно малаго калибра и употребляемыхъ въ дѣйствіе на верблюдахъ. Орудія сіи принадлежали китайскимъ войскамъ, занимавшимъ Кашгарію, и отъ нихъ отбиты во время возмущенія.“

„Изъ дикокаменныхъ киргизъ присоединились къ Хожѣ біи Атантай и Тайлакъ съ подвластною имъ волостію, именуемою Чурикъ, расположенною кочевьями въ окрестностяхъ городовъ Турпана, Аксу и Кашгара, а въ знакъ признательности за ихъ преданность выдана въ замужество бію Атантаю дочь градоначальника бывшаго въ Кашгарѣ. Киргизы сіи употребляются въ разъѣзды для расхищенія слѣдующихъ въ китайское войско транспортовъ съ продовольствіемъ и въ нужномъ случаѣ обязываются давать въ помощь до 6000 человѣкъ вооруженныхъ. Они также содержатъ передовую стражу и пропускаютъ тѣхъ только, которые имѣютъ письменные виды отъ Хожи, а безъ того захватываютъ и, отбирая все имущество въ свою пользу, отвозятъ въ Кашгарію, гдѣ подъ пытками допрашиваютъ. Въ Истинѣ сего я удостовѣрился при личномъ свиданіи съ воз-

вратившимися оттуда при мнѣ двумя киргизскими старѣйшинами, которые, бывъ отправлены отъ цѣлаго общества для изъявленія Хожѣ дружественныхъ расположеній и тамъ захвачены вмѣстѣ съ четырьмя ихъ товарищами. Сии послѣдніе, по отпуску изъ Кашгаріи, на обратномъ пути померли отъ жестокости пытокъ“.

„Но военныя силы кашгарцевъ значительно могутъ увеличиться, если то справедливо, что Хожа получилъ недавно курьеровъ отъ старшаго брата своего Юсупъ Хожи, находившагося въ Большой Бухаріи, и отъ родоначальника своего Богдашанскаго (Бадахшанскаго?) владѣльца, извѣщающихъ о скоромъ ихъ прибытіи съ вспомогательными войсками и что изъ нихъ первый находится уже въ пути съ 20 тысячами бухарцевъ. Силы сии, по мѣрѣ успѣховъ, будутъ непременно возрастать. Всѣ калмыки, состоящіе подъ властью Китая, изъ коихъ я съ нѣкоторыми видѣлся, нетерпѣливо ожидаютъ того времени, когда Хожа, очистивъ всю Кашгарію отъ владычества китайцевъ, распространить завоеванія свои до города Кульджи. Тогда не только калмыки сии присоединятся къ нему, но и тѣ дикокаменные киргизы, которые теперь остаются еще въ бездѣйствіи, готовы вспомошествовать ему во всѣхъ предпріятіяхъ. Надобно присовокупить къ сему, что калмыки болѣе потому преданы Хожѣ Джангыру, что они признаютъ его законнымъ своимъ владѣльцемъ, ибо отецъ его Сарымсакъ Хожа рожденъ отъ дочери Зюнгарскаго ихъ владѣльца Контайши, бывшей въ замужествѣ за Кунхожей, дѣдомъ Джангыра“.

„Прежнія свѣдѣнія, что въ дѣлахъ сего происшествія участвуютъ англичане, дѣйствительно оказываются справедливыми. Общій и почти единогласный отзывъ въ семъ краѣ

тотъ, что въ Кашгаріи находится до 20 человекъ сей націи, изъ коихъ пять неотлучно при Хожѣ и располагають всеми его дѣйствіями, нося сами званіе Хожей и свойственную одежду сему чину. Мнѣ съ удивленіемъ рассказывали о ихъ распоряженіяхъ. Многіе увѣряли и даже сами китайскіе чиновники, съ коими я имѣлъ свиданіе на пограничныхъ караулахъ въ видѣ степного торговца, что англичане сіи проникли сюда изъ Индіи чрезъ Тибетскія горы и явились въ первый разъ лѣтъ пять назадъ тому въ городѣ Яркендѣ, но оттуда были выгнаны китайцами за сообщество съ магометанами жителями того города, что потомъ они обратились въ Бадахшанъ и тамъ, при посредствѣ владѣльца, возбудили Джангырь Хожу къ настоящимъ предпріятіямъ, съ коимъ они и вошли въ городъ Кашгаръ“.

„Между тѣмъ и со стороны китайцевъ сдѣланы сильныя приготовленія къ усмиренію кашгарцевъ. По показаніямъ довольно вѣрнымъ, войско ихъ стояло въ продолженіи минувшей зимы въ городѣ Аксу и окрестностяхъ до 150 тысячъ; сверхъ того по повелѣнію китайскаго императора собрано и находится въ сопредѣльныхъ мѣстахъ въ готовности 150 тысячъ. Въ бытность мою на ихъ пограничныхъ караулахъ, я старался съ строгою осторожностью, объявляя себя вездѣ татаринотъ, развѣдать отъ самихъ китайцевъ и ихъ чиновниковъ о военномъ ихъ положеніи, и они, подтвердивъ объ означенномъ состояніи ихъ войскъ, оказывали, что все тѣ магометане, принадлежавшіе Кашгаріи, которые удержаны до нынѣ во власти Китая, по открывшимся между ними заговорамъ, отсылаются изъ пограничной сей провинціи во внутренность государства и что какъ сіи, такъ и калмыки, которые дѣлали часто побѣги изъ войска, присое-

дивляясь къ противоборствующей сторонѣ, нынѣ не употребляютъ уже противъ Хожи. За всѣмъ тѣмъ китайцы имѣютъ твердую увѣренность, что въ наступившее лѣто Кашгарія приведена будетъ по прежнему подъ зависимость ихъ государства. Военныхъ дѣйствій въ продолженіи зимы никакихъ не происходило и Хожа, повзятіи четырехъ округовъ Кашгаріи, ничего особеннаго не предпринималъ, равно и китайцы оставались спокойно въ округахъ Аксу и Турпана, единственныхъ мѣстахъ, которыми владѣютъ они по сіе время въ Кашгаріи; но въ наступившее лѣто, повидимому, произойдутъ съ обѣихъ сторонъ упорныя дѣла. По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ мною въ кочевьяхъ дикокаменныхъ киргизовъ, китайскаго войска, находившагося въ Аксу, выступило въ походъ къ городу Кашгару 120 тысячъ; на встрѣчу коему Хожа выслалъ подъ командою одного изъ англичанъ, именуемаго Тюръ-ханъ Хожа, до 100 тысячъ чловѣкъ; передовые отряды, высланные съ обѣихъ сторонъ, имѣли уже стычку, въ коей отрядъ китайскій, бывъ навѣдѣнъ въ ночное время на огни, раскладенные кашгарцами, побить почти на голову послѣдними. Впрочемъ, въ войскѣ Хожи, какъ увѣряли меня, принято строгимъ правиломъ, чтобы сдающихся въ плѣнъ калмыкъ, равноѣрно и китайцевъ, которые пожелаютъ принять магометанскую вѣру, ни подъ какимъ видомъ не предавать смерти, а принимать и ссылатъ ихъ Бадахшанъ и въ другія мѣста».

„Развѣдавъ съ должною осмотрительностью о всѣхъ выше изъясненныхъ обстоятельствахъ, многими свидѣтельствами подтвержденныхъ, я долженъ былъ, не доѣзжая до Кашгаріи трехъ дней пути, возвратиться обратно за опасностью, каковая представлялась тамъ во время военнаго движенія,

а не менѣе и потому, что бывшіе при мнѣ проводники, изъ дикокаменныхъ киргизовъ, не согласились со мною далѣе слѣдовать, по тѣмъ же самымъ опасеніямъ“.

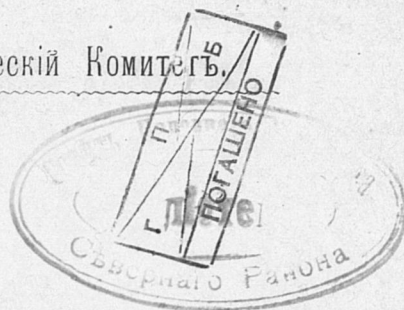
„По прибытіи обратно въ Большую Орду къ Семи рѣкамъ, мнѣ повторяли султаны Адилевы и Сюкъ Аблайхановъ, которые имѣютъ частыя сношенія съ городомъ Кульджой, о великомъ приготовленіи китайцевъ къ войнѣ противъ Хожи и о намѣреніяхъ калмыковъ присоединиться къ послѣднему. Здѣсь я имѣлъ случай, между прочимъ, удостовѣриться, что существовавшіе въ Кашгарскихъ городахъ, отложившихся отъ Китая, мануфактуры по прежнему снабжаютъ своими произведеніями киргизовъ. Мнѣ показывали и самыя бязи (бумажныя матеріи) съ клеймомъ настоящаго ихъ правителя Джангырь Хожи, наименованнаго кашгарскимъ султаномъ“.

„Имѣя честь донести о семъ Вашему Превосходительству вслѣдствіе сдѣланнаго мнѣ порученія управлявшимъ областью, я съязанностью себѣ вмѣняю покорнѣйше представить на благоуваженіе о заслугахъ, оказанныхъ препровождавшими меня и въ теченіи трехъ мѣсяцевъ съ половиной совершившими труднаго пути 2700 верстъ, 7 полка Сотеннымъ Атаманомъ Тимофѣемъ Сальниковыхъ, младшимъ урядникомъ Сергѣемъ Романовскимъ, казакомъ Евфимомъ Харламовымъ и казанскимъ татаринѣмъ Шамсутдиномъ Сейфуллинымъ—приказчикомъ татарина Файзуллы Сейфуллина, равнымъ образомъ и о заслугахъ содѣйствовавшихъ мнѣ въ собраніи свѣдѣній Семипалат. мѣщанина Андрея Николаева и находящихся при султанѣ Сюкъ Аблайхановѣ муллѣ 14 класса Мусагита Мукминова и Карбанкулла Курбанбакиева“.

Н. Коншинъ.

Семипалатинскій Областной Статистическій Комитетъ.

с 595 сел.
П-15а.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

Арх 126525

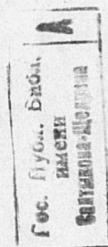
СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

НА 1902 ГОДЪ.

483/16

ВЫПУСКЪ VI.

457

не верх. одл.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.

Типогр. Семип. Обл. Правленія.

1901.

ср. 97320

Матеріали для історії Степного Края.

III. „О заграничныхъ обстоятельствахъ“ (*).

16) *Показаніе казанскаго татарина Хусаина Измаилова, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Приказѣ 30 мая 1827 года.* „Въ прошломъ 1826 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ съ дозволенія начальства чрезъ Семипалатинскую пограничную таможенную вышелъ я за границу въ киргизскую степь съ товаромъ для торгу, проходилъ чрезъ разные киргизскіе аулы и волости благополучно, ни отъ кого обидѣ и притѣсненій не видалъ и на 22 день пришелъ къ Семи рѣкамъ, гдѣ и находился у киргизцевъ, кочующихъ тутъ Большой орды; съ прибытія моего султаны Аблай и Иралы Адилевы, хотя и не съ согласія нашего, но чрезъ усиленные ихъ требованія, однако-жъ получили съ насъ пошлину съ

(*) Начало этой статьи помѣщено въ Памятной Книжкѣ Семипалатинской области на 1900 годъ. Заголовокъ статьи—„О заграничныхъ обстоятельствахъ“—взятъ изъ особахъ дѣлъ, которыя, подъ этимъ заголовкомъ, велись въ первой трети XIX ст. различными административными органами областей, граничившихъ съ Китаемъ и киргизской степью. Для эти составлялись, главнымъ образомъ, на основаніи показаній, отбывавшихся у русскихъ купцовъ, по возвращеніи изъ заграницы, а также у пріѣзжавшихъ въ Россію торговцевъ изъ Средней Азіи. Нѣкоторые купцы, иногда даже чиновники, подъ видомъ купцовъ, специально посылались для разслѣдованія о „заграничныхъ обстоятельствахъ“, когда послѣднія почему либо казались особенно важными.

кажлаго верблюда товаромъ съ лишкомъ по юфтовой кожѣ; потомъ позволили намъ торговать, гдѣ я чрезъ своихъ прикащиковъ и работниковъ размѣнивалъ русскіе товары на таковыя-жъ азіатскіе, нѣкоторые отдавалъ въ одолженіе и нынѣ, наступившей весной, собравъ оныя, возвратился на линію благополучно. По нахожденію жъ моему на Семи рѣкахъ, сначала между киргизцами носился слухъ, что Хожа съ присовкупленіемъ къ себѣ частью коканскаго войска, а частью жъ изъ дикокаменныхъ киргизъ, взялъ городъ Кашгаръ и другихъ два, и управляетъ въ оныхъ самъ, но во время зимы происшествія между киргизцами и Хожею никакого не было; а когда нынѣ, по возвратѣ отъ дикокаменныхъ киргизцевъ переводчика Бубенова, чрезъ шесть или семь дней пріѣхалъ изъ Кульджи въ числѣ сорока человекъ китайскій чиновникъ, подъ видомъ якобы для отысканія выкраденныхъ изъ границъ ихъ сорока лошадей, и между прочимъ узнавали о Хожѣ, съ какимъ онъ намѣреніемъ нынѣ находится, равнымъ образомъ спрашивали и о дикокаменныхъ киргизцахъ, подъ непримѣтнымъ видомъ, которую сторону намѣрены они держать и въ случаѣ не будутъ ли помогать Хожѣ, а такъ же видно, что и о семирѣченскихъ киргизцахъ узнавали ихъ намѣреніе, но сей народъ, кажется, не могли подавать никакого виду, ибо они и сами внѣ себя, что можетъ случиться и съ ними; а при возвращеніи (ихъ) чиновника, не знаю, для чего находящагося на Семи рѣкахъ, съ давнихъ лѣтъ живущаго, татарина Апсалама, который съ китайской стороны имѣетъ чинъ и жалованъ бѣлымъ камнемъ, увезли съ собою въ Кульджу. Во все мое нахожденіе на Семи рѣкахъ, въ городѣ Кульджѣ торгу не было; даже и по нынѣ никого для торгу съ баранами, а болѣе съ русскимъ товаромъ, не впускаютъ, и торгъ совершенно остановился. А когда китайскій чиновникъ ушелъ обрат-

но съ командою, тогда между киргизцами разнеслись толки, что султанъ Аблай Адилевъ имѣлъ съ чиновникомъ переговоры о переводчикѣ Бубенновѣ, зачѣмъ сей російскій чиновникъ былъ у нихъ, и разспрашивалъ, какіе и за что именно привезены были имъ дикокаменнымъ киргизцамъ отъ Россіи подарки, когда они находятся въ дальнемъ разстояніи отъ Россіи. И такъ киргизцы, по легкомыслію своему, толкуютъ и полагаютъ, что китаецъ имѣетъ сомнѣніе и на Россію, чтобъ чрезъ дикокаменныхъ киргизцевъ какое либо не произошло сношеніе съ Хожей. А послѣ того изъ Кашгара отъ самого Хожи присланъ чиновникъ Юсѣбаша, то-есть ста человекъ начальникъ, съ которымъ я видѣлся и на спросъ мой о дѣлахъ ихъ между китайцемъ который только объявилъ мнѣ, что нынѣшній годъ ни съ той, ни съ другой стороны начала еще не было, а между киргизцами по единовѣрію своему и по магометанскому закону преподаетъ совѣты, чтобъ и они стояли единственно за вѣру свою противъ китайца и помогли бы въ случаѣ Хождѣ, для чего чрезъ посланника сего Хожа прислалъ въ подарокъ султанамъ Аблаю и брату его Галию Адилевымъ изъ дорогихъ вещей на 400 барановъ. И нынѣ, кромѣ сего чиновника, съ позволенія Хожи изъ Кашгара вышли съ товаромъ съ бязями довольное число торговцевъ на Семь рѣкъ, по большей части для вымѣна на оныя барановъ, ибо, какъ сказываютъ, что въ Кашгаріи какъ жители, равно и войско въ баранахъ имѣютъ большой недостатокъ, а потому размѣнивали бязь для киргизъ весьма сходно, и мало того, довольное количество изъ числа сихъ торговцевъ ушли въ Кокандъ, для вымѣна оптомъ у торговцевъ русскихъ или ташкентскихъ барановъ же; и сказываютъ, что имъ приказано какъ наивозможно поспѣшнѣе обратиться обратно. Въ Кашгаріи жъ торгъ позволяется, и впускаютъ какихъ бы то ни было торговцевъ, но таковыхъ очень мало, ибо

проходъ до Кашгаріи очень труденъ, а болѣе сомнѣваются китайцы, дабы не попасть въ ихнее поработаніе и (не подвергнуться) грабежамъ, китайское жъ войско и по нынѣ продолжаетъ проходить къ Кашгаріи, и дѣлають приготовленіе, но въ числѣ войска сего очень мало калмыкъ или совсѣмъ нѣтъ, по той причинѣ, что въ нихъ китаецъ имѣетъ большое сомнѣніе, дабы сей, завоеванный ими съ давнихъ лѣтъ, народъ не могъ бы передаться Хожѣ или избѣгнуть отъ ига китайскаго въ другую сторону. Въ прослѣдованіе мое чрезъ киргизскую степь, равно и на Семирѣкахъ, заразительной болѣзни на скотѣ разнаго званія не имѣется, болѣе жъ я ничего не слыхалъ и не знаю, что и показываю по самой сущей справедливости, въ томъ и подписуюсь“.

17) *„Своднія, составленныя изъ объясненій кокандскаго посланца караулбека (капитана) Катыбека Фазылбекова и бывшихъ съ нимъ двухъ кокандцевъ Карымбека Джуманбекова и Юлдашбека Малдыбекова“*(*).

„Кашгарская область состоитъ изъ семи главныхъ городовъ съ другими принадлежащими къ онымъ предметами. Она довольно значительна народонаселеніемъ. Область сія по завоеваніи Китаемъ, чему будетъ лѣтъ до 70, бывъ главнымъ пунктомъ торговли китайской, снабжала сосѣднія провинціи и народы чаемъ, канѣми, ямбами и другими произведеніями, получая отъ нихъ корсука, лисицу, соболя, куницу, также и русскія издѣлія. Кашгарія кромѣ внутренней стражи обезопасена была въ пограничныхъ мѣстахъ значительнѣйшимъ войскомъ китайскимъ, именно: въ крѣпости Гульбакъ (при Кашгаріи) и городѣ Аксу; всѣхъ сихъ войскъ простиралось до 150 тыс.

„Но спокойное владѣніе Китайской Имперіи бывъ

(*) Гдѣ именно, въ Семипалатинскѣ или Омскѣ, составлена эта записка, изъ архив. дѣла, гдѣ она помѣщена, не видно.

нарушено, нынѣ уже Кашгарская область вовсе не состоитъ въ ея зависимости.

Наслѣдникъ, происходящій изъ рода бывшихъ владѣльцевъ Кашгарскихъ, Джангырь Хожа, проживавшій въ Бухаріи, а затѣмъ приглашенный въ Коканію, издавна имѣлъ тайное сношеніе съ кашгарскимъ народомъ, желавшимъ свергнуть съ себя иго китайцевъ. Они преданы были Хожѣ. Онъ, помышляя о Кашгаріи, какъ о своемъ наслѣдіи, рѣшился отложить оную отъ китайцевъ. Случай и обстоятельства ему благопріятствовали къ военному дѣлу. Кокандскій ханъ, у котораго онъ домогался помощи, далъ ему на первый разъ 500 человекъ коннаго войска, и Хожа началъ свое дѣйствіе съ китайскихъ карауловъ. Къ нему тогда же присоединилось до 1000 человекъ дикокаменныхъ киргизъ, мимо которыхъ онъ слѣдовалъ, и которые убѣждались сражаться за вѣру. Достигая до Кашгаріи и пославъ извѣстіе о себѣ, Хожа встрѣченъ былъ высланнымъ изъ крѣпости Гульбака, въ 5 верстахъ, если не ближе, отстоящей, китайскимъ значительнымъ корпусомъ, который, напавъ съ жестокостью на него, обратилъ войско Хожи при слабомъ сопротивленіи въ бѣгство, но Хожа могъ возвратиться въ Коканію почти безъ урону. Джанджонъ китайскій, имѣя подозрѣніе на кашгарское купечество въ томъ, что Хожа подвинутъ ими въ сему предпріятію, тотчасъ посадилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ крѣпость и допрашивалъ подъ пытками, а до 600 человекъ казнилъ смертію. Сими средствами и строгостью, конечно, отвратилъ тѣ послѣдствія, какія могли бы случиться при удачѣ Хожи, ибо Кашгарія близка была къ народному возмущенію. Но сего мало: джанджонъ сдѣлалъ донесеніе въ Пекинъ своему Императору и получилъ повелѣніе, что какъ онъ прежде не справедливо увѣрялъ, будто Хожа померъ (ибо онъ ручался, что корень наслѣдія кашгарскаго погибъ), то старался бы подвѣдом-

ственными ему силами не допустить Хожу къ дальнѣйшему покушенію на Кашгарію. Сіе заставило джанджона отправить отъ себя депутацію въ Коканію съ подарками Хану. Слѣдствіемъ чего было то, что за Хожей имѣли присмотръ, и войско, которое ему давалось, заключено въ наказаніе подъ стражу(*), и во удостовѣреніе, что Хожа не будетъ допущенъ уже къ войнѣ за Кашгарію, Ханъ послалъ своихъ пословъ въ Гульбакъ; но сверхъ ожиданія, оныя приняты были тамъ весьма холодно и сухо. Таковой поступокъ и скорое возвращеніе пословъ весьма не пріятенъ былъ для Коканіи. Это довело Хана до оскорбленія(**), и въ сіе самое время Хожа, съ нѣсколькими приверженными къ нему, скрытно удалился изъ Коканіи; тогда же учинило побѣгъ и войско, содержавшееся подъ стражею, съ которымъ Хожа, какъ послѣ узнано, имѣлъ сношеніе, и соединилось съ нимъ на назначенномъ пунктѣ въ городѣ Андижанѣ(***). Не смотря на малозначительность свою, они пошли опять до Кашгаріи и, избивая пикеты китайскіе, нашли на 5—тысячный корпусъ, расположенный на три хода до Кашгара. Здѣсь Хожа имѣлъ стычку и, бывъ пригнать за день до упомянутаго города, потерялъ убитыми 200 человекъ, самъ лишился подъ собою лошади и принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ; остальное войско его, замѣшавшись, было преслѣдуемо китайцами и скрылось. За всѣмъ тѣмъ случай сей былъ знакомъ къ народному возмущенію. Хожа подъ непримѣтнымъ видомъ оставался въ предмѣстьяхъ

(*) „Безъ сомнѣнія, здѣсь соблюдена одна политика: въ прочемъ, изъ всѣхъ объясненій посланца, ясно видно, что Ханъ Кокандскій искренно желалъ и пособлялъ Хожѣ“.

(**) „Само собою разумѣется, что случай сей болѣе еще благопріятствовалъ Хожѣ“.

(***) „Такъ объясняетъ посланецъ. При откровенности своей, въ подобныхъ случаяхъ, рассказы его сомнительны. Навѣрное полагать должно, что Хожа и войско вышли къ новому походу безъ всякой скрытности; можетъ быть, они подвинуты еще къ тому были Коканіей; впрочемъ, при разспросахъ посланца и при наблюденіи строгой осторожности съ нашей стороны, не было ничего даже похожаго на домогательство“.

Кашгаріи и, конечно, не безъ надежды, ибо прогнато-е войско его уже на дорогѣ нашло слѣдующихъ къ нему на защиту дикокаменныхъ киргизъ 500 человекъ; съ ними Хожа, успѣвъ соединиться, имѣлъ намѣреніе все-таки придти въ Кашгарію, но во время похода опять былъ преслѣдуемъ тѣмъ же самымъ 5-тысячнымъ корпусомъ. Между тѣмъ къ войску Хожи подоспѣли еще дикокаменные киргизы въ числѣ 2 т., и корпусъ китайскій завлеченъ былъ въ узкій проходъ горы, называемой Музбель, въ чемъ особенно содѣйствовали киргизы; потомъ войско Хожи, со всею быстротою напавъ на него (т. е. на китайскій корпусъ) съ тылу и побивъ болѣе двухъ тысячъ, принудило китайцевъ къ бѣгству, и они обратились къ крѣпости Гульбакъ. Хожа слѣдовалъ за ними, по приходѣ же къ Гульбаку имѣлъ самое кровопролитное сраженіе съ выступившимъ оттуда войскомъ. Уже потерялъ онъ большую часть своего полчища, уже опасность угрожала самому ему близкою, неизбѣжною гибелью, но Хожа рѣшился или умереть или придти въ Кашгарію. И послѣ всѣхъ усилій китайское войско, сколь ни значительно было, не могло удержать за собою ни Кашгаріи, ни прогнать непріятеля; ибо Хожа, сражаясь съ отчаяннымъ ожесточеніемъ, успѣлъ занять одно укрѣпленіе, находившееся между Кашгаромъ и Гульбакомъ, и здѣсь защищалъ себя съ остатками силъ. Между тѣмъ наступила ночь; китайцы немного успокоились, хотя и не прекращали битвы. Хожа, пользуясь темнотою, при безпорядкѣ войскъ китайскихъ, проломомъ достигъ, наконецъ, городскихъ стѣнъ и ушелъ съ послѣдними воинами въ отворенныя для него самими кашгарцами ворота. Жители кашгарскіе, сдѣлавъ тогда формальный бунтъ, оставя дома, спѣшили на защиту къ Хожѣ и, вооружась чѣмъ только могли, истребляли китайцевъ, какъ тѣхъ, которые были въ самомъ Кашгарѣ, такъ и прежде сражавших-

ся съ Хожей. Такимъ образомъ, область покорена и отдалась въ руки Хожѣ, видя въ немъ избавителя и своего природнаго повелителя. Войско его вдругъ значительно умножилось тамъ; а китайцы, видя таковую неудачу и опасность, заперлись въ крѣпости Гульба-кѣ, всего до 20 т. Между тѣмъ всеобщее смятеніе вдругъ распространилось въ провинціяхъ Кашгаріи, которыя, кромѣ внутренней стражи, не имѣли въ за-пасѣ войска. Счастливый переворотъ сей воспламенилъ Хожу и воинство его къ овладѣнію крѣпостью Гульбакомъ; но при отмѣнномъ укрѣпленіи и непри-ступности къ ней, нужна была ему достаточная по-мощь, почему Хожа послалъ съ просьбою о томъ къ Кокандскому Хану, приглашая и другихъ сосѣдей Ко-кандской земли сразиться съ китайцами за вѣру ма-гометанскую. Ханъ Кокандскій, движимъ будучи пріяз-неннымъ расположеніемъ къ Хожѣ, поспѣшилъ на-брать до 40 тыс. войска (это было весною 1826 года) и пошелъ къ Кашгаріи, предводительствуя самъ вой-сками. Посланецъ также былъ взятъ и командовалъ отрядомъ изъ 200 человекъ. Кромѣ сего, Ханъ Ко-кандскій извѣщалъ обѣ Бухаріи, Хиву и другія хан-ства и народы. Мусульмане и оттуда стекались къ Хожѣ, возставая за вѣру. Сіи ханства не принимали, впрочемъ, особеннаго участія, пожелавшимъ сражать-ся вмѣстѣ съ Хожею не воспрещалось. Ханъ Коканд-скій собственно съ своимъ войскомъ, приступивъ къ осадѣ Гульбака, устранилъ отъ того Хожу и его пол-чище, возлагая на него всѣ распоряженія по продо-вольствію войскъ и военный надзоръ за порядкомъ(*). При всѣхъ усиліяхъ крѣпость, однако жъ, не взята; ни пушечные(**), ни ружейные выстрѣлы, ни поку-

(*) „Не допустить Хожи и не дѣйствовать соединенными силами, это также сомни-тельно“.

(**) „Пушки у коканцевъ чугунныя, на верблюдахъ и лошадяхъ“.

шенія разломать стѣну не пособили, и крѣпость вся оставалась въ осадѣ. Сіе рѣшило Хана сдѣлать пороховые подкопы подъ крѣпость, но и сіе не произвело желаннаго дѣйствія(*). Тогда Ханъ, оставя двѣ тысячи войскъ, которыя могли быть въ виду китайцевъ, а часть въ скрытномъ мѣстѣ, самъ удалился съ Хожей и всѣмъ полчищемъ на недаленое разстояніе, впрочемъ не бывшее въ глазахъ непріятелей. Китайцы или увѣрились, что непріятели, не могли взять крѣпость, удалились, или томившіеся долговременною осадою, вышли изъ Гульбака, въ половинѣ однако жъ, т. е. 10 т., и напали на непріятелей. Сіи, защищая себя, вѣроятно были бы на голову разбиты, какъ вдругъ подоспѣло войско, скрывшееся въ извѣстномъ мѣстѣ, а потомъ и Ханъ съ Хожей со всѣмъ ополченіемъ напали со всѣхъ сторонъ на китайцевъ. Здѣсь происходило самое жестокое сраженіе (тутъ и посланецъ раненъ въ голову); китайцы, большею частью, погибли отъ руки ихъ непріятеля, оставшееся же войско успѣло вбѣжать въ крѣпость и опять укрѣпиться. Но за всѣмъ тѣмъ джанджонъ китайскій, видя угрожающую опасность, сдѣлалъ внутри крѣпости подкопъ и, спрятавшись туда со всѣми значительными чиновниками и другими, желавшими подвергнуться одной съ нимъ смерти, подорвалъ порохомъ и погибъ въ воздухъ съ 2 т. Все послѣднее войско, тысячъ до 8 (ибо не больше уже его осталось), убѣжало предъ тѣмъ изъ Гульбака къ состоящему не вдалекѣ капищу, гдѣ покоился прахъ бывшаго владѣльца Кашгаріи Апнака Хожи и которое посѣщалъ самъ Китайскій Императоръ, когда завоевана была Кашгарія. Китайцы священною обязанностью поставляли при такой крайности умереть, по крайней мѣрѣ, на томъ мѣстѣ,

(*) „Сообразно прежнимъ свѣдѣніямъ, спрошенъ былъ при семъ подъ приличіемъ посланецъ, не послѣдовало ли какого особаго несчастнаго ущерба въ ихъ войскѣ; но онъ безъ замѣшательства отвѣчалъ, что не было“.

которое посягаемо было ихъ богдыханомъ. Не оказывая сопротивленія, они все преданы были смерти. Войска кокандскаго и Хожи въ сіе гульбакское сраженіе убито до двухъ тысячъ и столько же ранено. Свершивъ такой подвигъ, Ханъ Кокандскій съ триумфомъ возвратился въ свою резиденцію, оставивъ Хожѣ 2000 отборныхъ воиновъ своихъ и искусныхъ въ командованіи чиновъ. Между тѣмъ въ другихъ провинціяхъ Кашгаріи народъ, ожидая Хожу, не былъ покоенъ, посылавшіяся же изъ мѣста къ мѣсту войска китайскія не имѣли успѣха въ усмирении. Затѣмъ Хожа съ полчищемъ своимъ продолжалъ завоеванія другихъ кашгарскихъ городовъ, не имѣя въ томъ затрудненія, ибо при несравненномъ перевѣсѣ силъ его не показывалось изъ внутренности Китайской Имперіи войска (*).

„Такимъ образомъ, кромѣ Аксу, Хожа утвердился во всехъ провинціяхъ Кашгарскихъ преданностью ему туземцевъ, не щадившихъ китайцевъ. Во время сего послѣдняго отторженія кашгарцевъ, къ Хожѣ присоединились каракалмыки, кочующіе въ сопредѣльныхъ мѣстахъ Кашгаріи, всего 10 т. Они предались во власть его и дѣлали вспомошествованіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, истребляя безъ малѣйшей пощады китайцевъ, подъ тягостнымъ игомъ коихъ находились. Бывшія въ Гульбакѣ пушки, употребляемыя на верблюдахъ, и другія орудія китайскія, равно все сокровища, какія по покореніи Кашгаріи нашлись, все досталось въ руки Хожѣ. Сдѣлавшись обладателемъ Кашгаріи и учредя правленіе свое, онъ принялъ титулъ Кашгарскаго Хана. Сформировавъ регулярное войско изъ жителей всей области (они у китайцевъ никогда не были

(*) „Изъ объясненій посланца замѣчается, что Китайскій Богдоханъ, возложивши, подъ всею строгостью, на Кашгарскаго джанджона недопущеніе Хожи, слѣдовалъ праву: доколѣ не истребится войско, тамъ сражавшееся, до тѣхъ поръ не присылать другого“.

военными людьми) и обезопасивъ провинціи, Хожа утвердилъ постоянное пребываніе свое въ Кашгаріи, заботясь о непремѣнномъ завоеваніи и послѣдняго принадлежащаго ему города Аксу, гораздо болѣе неприступнаго, чѣмъ Гульбакъ, ибо китайское правительство, твердо рѣшившееся не допустить къ тому Хожи, принуждено было къ состоящему въ Аксу войску выслать изъ внутренности Имперіи весьма значительнѣйшія силы, такъ что всего полчища простиралось до 500 т. Несмотря на сіе, Хожа, имѣя у себя войска до 200 т., въ началѣ весны сего года дѣлалъ уже приготовленія къ походу. Полученное имъ извѣстіе изъ Аксу, коимъ утрашалъ ему китайскій джанджонъ мщеніемъ, отнятіемъ Кашгаріи и завоеваніемъ даже Коканіи, не только не поколебало предпріятія его, но еще возбудило къ немедленному дѣйствию. Но до выступленія своего онъ отправилъ изъ Кашгаріи въ Аксу, отстоящей на 15 дней ходу, 10 т. калмыковъ и 5 т. войска, для истребленія прежде полководцевъ китайскихъ, во время облавы (охоты) выѣзжающихъ всегда съ значительнымъ корпусомъ(*). Посланные Хожею, подходя къ Аксу, настигли транспортъ, слѣдовавшій изъ государства съ провіантомъ, чаемъ и серебромъ, состоящимъ въ ямбахъ. Разбивъ оныя и воспользовавшись ими, воины Хожи узнали между тѣмъ, что на завтрашній же послѣ того день джанджонъ изъ Аксу съ 5 т. людей изъ знатнѣйшихъ чиновниковъ выѣдутъ на облаву, почему, расположась по разнымъ мѣстамъ, ожидали появленія джанджона. Въ семь не только не обманулись, но привели совершенно въ исполненіе планъ свой. Весь почти корпусъ китайскій побить, два джанджона, анбани, ваны и другіе чиновники, всего 17 человекъ, сдѣлались жертвою битвы. Въ плѣнъ взято только 80 человекъ, которые, бывъ

(*) „Это обыкновенное у китайцевъ, и замыселъ Хожи отнести должно или къ его опытности, или дѣятельности предводителей войскъ его“.

отправлены къ Хожѣ, отосланы имъ Кокандскому Хану въ подарокъ, каковыя Хожа и прежде дѣлалъ изъ благодарности. Покоренъ ли Аксу—удостоверительно нельзя сказать, но что Хожа имѣлъ тамъ кровопролитнѣйшую войну и, кажется, не безъ успѣха, сіе совершенно извѣстно. Должно полагать, что по сіе время рѣшена уже участь и сего города. Впрочемъ, Хожа, какъ объяснялъ посланецъ, имѣетъ непреклонное намѣреніе продолжать и далѣе войну съ Китаемъ и распространять завоеванія. Въ семъ слѣдуетъ онъ преданію прадѣда своего Аппака Хожи, который, какъ увѣряють, предсказалъ, будто, о рожденіи изъ его фамиліи сего Джангыра Хожи и о покореніи имъ восточныхъ обитателей. Пользуясь такимъ расположеніемъ, каракалмыки просили у Хожи объ овладѣніи китайскимъ городомъ Кульджей и о поселеніи ихъ въ ономъ. Онъ обѣщалъ имъ сіе(*)).

„Въ Кашгаріи торгъ китайскій совершенно прекращенъ. Изъ Кашгаріи выходъ теперь запрещенъ, приходъ же туда не возбраняется безъ стѣсненія.

„Китай съ Коканіей также нынѣ въ непріязненномъ расположеніи; торговыя связи разорваны и будутъ ли когда возстановлены, неизвѣстно. Необходимость торговли сей состоитъ только въ одномъ чай, который сдѣлался нынѣ гораздо дороже противъ прежняго, и въ которомъ Коканія имѣетъ уже недостатокъ; она надѣется при благопріятствѣ Россіи получать отсюда чай.

„Сосѣдственные народы, какъ-то: бухарцы, хивинцы, и другіе тоже не имѣютъ торговли съ Китаемъ, ибо они, получавъ прежде произведенія китайскія чрезъ Кашгарію и Коканію, лишились способовъ къ прово-

(**) „Объ англичанахъ подѣ приспосовѣнностью спрашиваемъ былъ посланецъ, но онъ сказывалъ, что ихъ вовсе не было и нѣтъ; что онъ ни отъ кого о семъ не слышалъ, что войсками Хожи командуютъ кокандскіе чиновники и нынѣ образовавшіеся въ томъ кашгарца и что, наконецъ, всѣ объясненія его суть истина“.

зу, а при томъ нельзя сказать, чтобы и они были въ согласіи съ Китаемъ, какъ сіе выше значить.

„Черезъ однихъ только сосѣдей: тибетцевъ и кашемирцевъ, какъ во все продолженіе времени оставшихся праздными зрителями, можно имѣть китайскія произведенія, но сіи азіатцы всегда торгуютъ преимущественно своими издѣліями, въ которыхъ Коканія и сосѣди ея не имѣютъ нужды, слѣдственно покупка одного чая будетъ не надобна, дорога и при томъ недостаточна.

„Прежде бывшіе Кашгарской области владѣльцы извѣстны: Аппакъ Хожа и сыновья его Айгожа и Кунъ-хожа. При сихъ послѣднихъ завоевана Китаемъ Кашгарія и сами они убиты. Оставшійся отъ Айгожи наслѣдникъ Сарымсакъ и 11-лѣтній сынъ его Джангырь Хожа (нынѣшній покоритель своей области), скрываясь долгое время по разнымъ мѣстамъ, появились въ Коканіи назадъ тому лѣтъ 30. Здѣсь были приняты ханомъ Нурбатой, дѣдомъ теперешняго владѣльца. Китайцы, разыскивавшіе ихъ и, повидимому, узнавшіе мѣстопробываніе ихъ, присылали съ тѣхъ поръ Кокандскимъ ханамъ Нурбатѣ, Алимхану и Урумхану каждаго года значительные подарки, состоящіе въ ямбахъ и чаѣ, помогаясь или выдачи наслѣдниковъ Кашгарскихъ, или недопущенія ихъ къ какому-либо покушенію. Кокандскіе ханы, получая таковыя подарки, удерживали и власть надъ Сарымсакомъ и Джангыромъ, въ чемъ конечно и китайское правительство было увѣрено. Между тѣмъ упоминаемые наслѣдники, бывъ скрытно удалены изъ Коканіи еще ханомъ Нурбатой, находились все время въ Бухаріи, гдѣ Сарымсакъ прекратилъ и жизнь свою, а Джангырь женился тамъ. До смерти же Кокандскаго владѣльца Урумхана за три года, Китай пересталъ доставлять подарки, увѣрившись, какъ полагать должно, что корня наслѣдія Кашгарскаго не существуетъ уже. Денута-

ціи, отправляемыя изъ Коканіи къ Китаю, принимались уже не съ прежними почестями, одна изъ нихъ не была даже допущена въ Пекинъ; вышедшія отъ того неудовольствія увеличились тѣмъ еще, что требованія Кокандскаго хана, дабы китайцы не брали пошлинъ съ торговцевъ его, не были уважены. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ вызванный изъ Бухаріи предъ смертью Урумхана Джангырь Хожа, желавшій давно уже того и домогавшійся пособія у Коканіи, бывъ поощренъ нынѣшнимъ владѣльцемъ Мухаметъ-Батырь-Гали Ханомъ, началъ нарушать покойное владѣніе Китая Кашгарскою областью назадъ тому 5-й годъ“ (*).

18) *Показаніе иностраннаго ташкентца Шавабая Мухаметова, отобранное въ Петропавловскомъ Окружномъ Управленіи, 1 июня 1827 года.*

„Въ прошломъ 1826 году былъ приготовленъ ими (т. е. ташкентцами) караванъ изъ Бухаріи съ товарами для размѣна въ китайскихъ предѣлахъ въ городѣ Кашгарѣ и прочихъ сосѣдственныхъ близъ того городахъ. Товары у нихъ были для китайцевъ: лисицы, корсуки, куниды и бухарскія мерлушки. При открытіи весны, въ томъ же году, въ мартѣ мѣсяцѣ, они встрѣтили себѣ остановку въ отправленіи каравана. По случаю случившагося въ Кашгаріи военнаго дѣйствія кашгарцевъ съ китайцами, они остановились отъправленіемъ туда своего каравана, который будучи уже вышелъ изъ Бухаріи и прибылъ въ Кокандскіе предѣлы въ городъ Ташкентъ. Находящееся въ ономъ караванѣ купеческое общество, когда встрѣтило такіа препятствія въ ходу своемъ, просило Кокандскаго владѣтеля, чтобъ позволить имъ караванъ отправить въ Россію; на что получивъ отъ владѣтеля разрѣшеніе, уже осенью того же года отправились въ Россійскіе

(*) „Посланецъ, бывъ всевозможно обласканъ, рассказывалъ все сіе съ примѣтнымъ равнодушіемъ“.

предѣлы, съ коимъ и прибыли на Сибирскую линію въ Петропавловскій мѣншой дворъ предъ Ирбитской ярмаркой на 500 верблюдахъ. Товаръ вывезенъ ими былъ, сверхъ изъясняемаго, небольшая часть бумажнаго издѣлія и пряденой бумаги, который (т. е. товаръ) они отправили въ Ирбитскую ярмарку для распродажи, гдѣ и продали бумажныя издѣлія и звѣря, какъ то: лисицъ, корсуковъ и куніцъ, невыгодной цѣной, а мерлушка осталась вся почти на рукахъ, которую хозяева отправили изъ оной Ирбитской ярмарки въ городъ Казань, съ намѣреніемъ, если не удастся продать тамъ, то отправить къ Макарьевской ярмаркѣ. На вырученные же деньги купили въ оной Ирбитской ярмаркѣ російскихъ товаровъ, нанки, полуситцевъ съ битью, мишурныхъ, аплековыхъ, шелковыхъ платковъ, солдатскаго сукна и прочихъ російскихъ издѣлій; нѣкоторые изъ нихъ отправляются нынѣ съ караваномъ обратно въ Коканію.

„На счетъ же происхожденія кашгарскаго Ходжи онъ все знаетъ, что Кашгарія была завоевана назадъ тому 80 лѣтъ Китаемъ и находилась подъ управленіемъ китайцевъ, а напредъ сего управлялъ оною Апаходжа, который былъ пойманъ китайцами около Бадахшана и преданъ смерти. Во время нашествія китайцевъ на Кашгарскую область, оставался въ ономъ городѣ выше изъясненнаго Хожи сынъ Сарымсакъ, полугодовой, котораго престарѣлая женщина, бывшая при немъ нянька, скрытно вынесла изъ города и преданцами Хожи была сопровождена въ Бухарію, гдѣ и былъ оный воспитываемъ до года, а когда минулъ ему годъ, то нянька та, являсь съ онымъ къ владѣтелю Бухаріи, объявила о родѣ происхожденія того мальчика, и оный (т. е. владѣтель Бухаріи) принялъ въ немъ участіе, приставя къ нему приличную прислугу, и положилъ на воспитаніе ему сумму. По достиженіи жъ 15 лѣтняго возраста, обучилъ онаго грамотѣ и обженить,

отъ коего родились 4 сына и 2 дочери, изъ коихъ одна дочь вышла въ замужество за Бухарскаго владѣтеля, а послѣдняя вышла за Мамуть Хана, который былъ владѣтелемъ въ Урютюпѣ, независимомъ ни отъ Бухаріи, ни Кокани. Изъ сыновей имя онъ только знаетъ Джангыра, который изъ Бухаріи скрытно ушелъ и сдѣлалъ народное возмущеніе наваздъ тому 15 лѣтъ: хотѣлъ Кашгарію освободить отъ китайцевъ, приближался къ китайскимъ границамъ, набравъ съ собою не малое количество народа изъ Кокандскаго владѣнія безъ вѣдома владѣльца; къ нему въ два дня собралось народа до 4000 человекъ. И когда владѣлецъ узналъ, отрядилъ за нимъ сильный отрядъ и самъ въ слѣдъ тоже съ отрядомъ вышелъ, чтобы его поймать, коего при самыхъ китайскихъ границахъ вскорѣ поймали и ратники его все разѣхались, и потому Коканскій владѣтель уже содержалъ его у себя въ присмотрѣ для народнаго спокойствія и сосѣдства съ Китаемъ, давая ему хорошее содержаніе, обженивъ, и до сего времени онъ находился у Кокандскаго владѣтеля. Китайскій же богдыханъ, за поимку Хожи, въ скоромъ времени прислалъ Кокандскому владѣтелю съ посланными отъ себя богатѣйшіе подарки и просилъ его, чтобы не пропускать, а также снесся порепискою съ Бухарскимъ владѣтелемъ и Урютюпинскимъ граданочальникомъ Мамуть-ханомъ, потому самому, что братья Джангырь-хожи, одинъ изъ нихъ находился у Мамуть-хана, а третій оставался въ Бухаріи, чтобы ихъ не выпускать, четвертый изъ нихъ померъ въ Бухаріи, кои имѣли все женъ и дѣтей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились. Джангырь же Хожа, будучи находился въ Кокани, имѣя секретную переписку съ кашгарцами, кои ему по преданности посылали секретно съ проходящими караванами изъ Кашгаріи мимо Кокани въ Бухарію въ довольномъ количествѣ казны и вели съ нимъ переписку. Въ прошломъ 1826 году

братъ Хожи Джангыра, который содержался въ Урю-тюшѣ, бѣжалъ въ Коканію и тамъ находился, гдѣ секретно видѣлся съ Джангыромъ, сговорясь для побѣгу, а между тѣмъ увѣдомили кашгарцевъ, кои, получивъ отъ нихъ свѣдѣніе, подкупили до 20 человекъ черныхъ киргизцевъ, чтобъ Хожу вывести изъ Коканіи въ черные киргизы къ біямъ Атану и Тайлеку, съ коими кашгарцы уже прежде условились, чтобъ имъ помогать другъ другу. По пріѣздѣ выше изъясненныхъ киргизцевъ, изъ нихъ одинъ, давъ знать Хожамъ, кои, подкупя своихъ караульныхъ, надѣли на себя женскія платья и вышли изъ города вонъ на назначенное ими мѣсто и уѣхали съ киргизцами въ горы къ выше изъясненному черному киргизцамъ, къ біямъ ихъ Атану и Тайлеку. Кокандскій же владѣтель, узнавъ о побѣгѣ ихъ, дѣлалъ розыски въ своихъ предѣлахъ и нигдѣ найти ихъ не могъ, на другія сутки свѣдѣнія получилъ, что они прошли въ черные киргизы, гдѣ уже они собрали изъ черныхъ киргизцевъ войско до 10000 человекъ, и о скопищѣ ихъ, что уже Хожами принята цѣль освободить Кашгарскую область изъ подъ зависимости Китая. Кокандскій владѣтель сдѣлалъ тайный совѣтъ съ духовенствомъ своимъ, какимъ родомъ поступать съ ними и посылать ли свое войско на усмиреніе, но совѣтъ ему отозвался, что если владѣтель ихъ пошлетъ за Хожами войска, чтобъ розыскать мятежниковъ и поймать ихъ, сіе почли бы въ противность своей религіи, ибо Хожи шли на войну не на него, а освободить магометанъ изъ подъ ига идолопоклонниковъ: не только препятствовать, но обязаны по вѣрѣ даже и вспомоствовать имъ. Кокандскому владѣтелю и сей совѣтъ весьма понравился, который тотчасъ приказалъ нарядить своего войска до 20000 человекъ и идти прямо къ Хожамъ на помощь, и въ скоромъ времени они соединились съ кокандскимъ войскомъ, выйдя изъ

горъ на ровное положеніе степи къ предѣламъ Кашгаріи, о чемъ кашгарцы, извѣстясь, рѣшились употреблять всѣ средства къ вспоможенію Хожа. Нѣкоторые, являясь къ нимъ и изъявляя свою преданность, присоединялись къ ополченію и доставляли разныя свѣдѣнія, что и городскіе жители приготовились уже въ самомъ городѣ вступить въ сраженіе съ китайцами, ожидая только ихъ (Хожей) прибытія. Но по приближеніи къ Кашгаріи, дѣлали они на оную нападеніе и взять не могли, почему и отступили назадъ на границы кокандскія. Пропустивъ нѣсколько времени, Джангырь Хожа, взявъ 60 человекъ, отправился въ мѣстечко Азратъ-Султанъ, въ коемъ хранился прахъ его дѣда. Мѣстечко оное отъ города Кашгара находится въ 10 верстахъ, но по пріѣздѣ Хожи китайцы освѣдомились, и въ скоромъ времени прибылъ туда отрядъ китайскій въ многочисленномъ народѣ, коимъ былъ онъ (т. е. Джангырь) атакованъ.

Джангырь Хожа былъ въ великой опасности, запершись въ томъ курганѣ. Китайцы, надѣясь поймать онаго, послали изъ многочисленнаго своего отряда съ извѣстіемъ къ главному своему Начальнику въ городъ Кашгаръ, что Хожа ими атакованъ въ малочисленномъ количествѣ людей, то живого ли прикажутъ взять, или на мѣстѣ предать смерти. А Хожа дѣлалъ перестрѣлку изъ кургана; напоследокъ воины его столь геройственно въ дѣйствиіи своемъ находились, изъ числа 60 человекъ пожелали, чтобъ Джангырь имъ позволилъ 50 человекамъ, по выѣздѣ изъ кургана, ударить прямо въ цѣпь китайскаго войска, которымъ былъ окруженъ тотъ курганъ, на російскомъ діалектѣ укрѣпленіе, чтобъ прорвать цѣпь и дать знать войскамъ его, на что онъ былъ согласенъ. Они, прочитавъ обще молитву всѣ вмѣстѣ, и были выпущены изъ кургана вонъ, а Хожа остался съ 10 человекѣми запершись, отстрѣливаясь изъ небольшого кургана.

Бойцы, выѣхавъ, ударили прямо въ цѣпь, изъ коихъ китайцы убили 39 человѣкъ, а остальные проскочили за цѣпь съ немалымъ урономъ китайцевъ, спаслись бѣгствомъ въ мѣстечко Кайталекъ и дали знать тѣмъ жителямъ, что Хожа остался отъ нихъ въ великой опасности, будучи атакованъ въ курганѣ, и остался съ 10 человѣками. Тотчасъ изъ тѣхъ жителей выѣхало 200 человѣкъ вооруженныхъ и тѣ 11 человѣкъ Хожиныхъ пріѣхали къ кургану, гдѣ стояло китайское войско, но Хожа, увидѣвъ, что бѣгутъ на защиту его, поднялся на зданіе вверхъ, гдѣ могли бъ видѣть его вспомогатели, кои ударили прямо на то мѣсто, разорвавъ китайскую цѣпь, поддернули (?) къ стѣнѣ 4 верховыхъ лошадей, на коихъ, какъ Хожа, а равно и бывшіе при немъ еще живые 4 человѣка, отъ захвата освободились, хотя китайцы и старались одержать побѣду, но не могли, съ коими Хожа уѣхалъ въ мѣстечко Янысаръ, который отстоигъ отъ Кашгаріи въ 25 верстахъ, куда по прибытіи его собралось войско къ нему до 30,000 человѣкъ, а при осадѣ было китайскаго отряда до 9000 человѣкъ, коихъ не допустилъ Хожа до Кашгаріи, положилъ все то китайское войско на полѣ брани и только отпущено было 3 человѣка живыми для извѣстія съ тѣмъ, чтобъ китайское войско выступило изъ предѣловъ ихъ. Хожа остановился тамъ для роздыха и, чтобы умножить свое войско, кое у него часъ отъ часу болѣе и болѣе скоплялось, и на другой день по утру поднялъ свое войско и слѣдовалъ въ Кашгарію, но, недоходя до онаго въ 10 верстахъ, былъ встрѣченъ сильнымъ китайскимъ отрядомъ, съ коимъ онъ сразился и обратилъ китайцевъ въ бѣгство, прижалъ оныхъ къ рѣкѣ Табусанѣ; большая часть китайцевъ при берегахъ оной въ жидкихъ и тинистыхъ мѣстахъ притонули и въ самой рѣкѣ, а прочіе положены на томъ мѣстѣ, изъ нихъ не болѣе спаслось до 15 человѣкъ, кои бѣжали

въ Гульбакъ, гдѣ китайское войско заперлось, а Хожа со своими войсками прошелъ въ городъ Кашгаръ и, по взятіи онаго, востановленныхъ отъ китайцевъ 4 человекъ преданцевъ Китаю градоначальниками изъ мусульманъ приказалъ оныхъ предать смертной казни, а китайцы были у него въ осадѣ въ Гульбакѣ, коихъ по скорости взять не могъ, куда еще къ нему присоединилась не малая часть какандскихъ войскъ, съ коими Хожа всемѣрно старался взять Гульбакъ; дѣлая подъ стѣны подводы порохомъ, взрывалъ стѣны, но китайцы въ одну минуту разрушеніе стѣнъ успѣвали задѣлывать набитыми землею мѣшками, при коихъ срывахъ съ обѣихъ сторонъ былъ упадокъ народа, одни силясь взять, а послѣдніе защищали себя. И такъ Хожа окрестные той области города и села все покорилъ до города Кульджи, китайцевъ изгналъ и освободилъ отъ носимаго ига народъ кашгарскій; усиливъ свои войска, онъ стоялъ въ Кашгаріи. И въ день богомолія ихъ, въ полдень, китайскій предводитель, бывшій запершись въ Гульбакѣ, выступивъ со всемъ войскомъ, имѣлъ направленіе свое прямо на квартиру Хожи съ своимъ войскомъ, полагая, что у Хожи войска все распущены на моленіе, чтобъ его захватить. Войска при немъ было, примѣрно, до 8000 человекъ. Приблизившись уже близко (не разобрано). Въ одну минуту Хожа собралъ свое войско и разбилъ непріятеля, изгнавъ изъ города съ великимъ урономъ; кои (т. е. китайцы) обратились въ бѣгство обратно въ Гульбакъ, а Хожи войска, преслѣдуя оныхъ въ Гульбакъ, врѣзались за ними, гдѣ большое было кровопролитіе; китайцы не могли удержаться и зажгли свои пороховые погреба, и сколько было китайцевъ и Хожина войска отъ взрыва погребовъ не болѣе спаслось изъ оныхъ калмыкъ до 600 человекъ, кои ускорили выдти и бѣжать изъ онаго (т. е. города) до поджогу пороха. Когда очистили Гульбакъ, въ ко-

емъ въ подземельныхъ погребѣхъ сохранялось весьма довольно количество казны въ серебрѣ и золотѣ, кое взималось въ сей области къ повинности. Отъ завоеванія оной Хожа получилъ такую неописанную добычу, послалъ изъ оной богатые подарки Кокандскому хану, который принялъ отъ него съ благодареніемъ, и въ день богомолія, бывъ въ мечети, Ханъ самъ приносилъ молитву къ Богу, что они освободили своихъ одновѣрцевъ изъ подъ ига идолопоклонниковъ; обращаясь къ своимъ подданнымъ, говорилъ имъ: мы обязаны защищать вѣру и отечество, и позволяю всѣмъ своимъ подданнымъ идти помогать и защищать свою вѣру. Гдѣ онъ, Шавабай, самъ на моленіи томъ былъ, а нынѣ что тамъ происходитъ, онъ не знаетъ, что и сказкою своею показалъ и по неумѣнію грамотѣ въ томъ тамгу свою приложилъ“.

19) *Показаніе прикащика семипалатинскаго купца Ш. Ишимова, киргиза Юламана Яндырбекова, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи, 8 іюня 1827 г.*

„Сего года въ маѣ мѣсяцѣ вышелъ я чрезъ Семипалатинскую пограничную таможенную отъ семипалатинскаго 2-й гильдіи купца Шаффея Ишимова прикащикомъ за границу съ разнымъ, російскаго продукта, товаромъ для торгу въ китайскій городъ Чугучакъ; проходилъ чрезъ киргизскую степь благополучно, обидъ и притѣсненій ни отъ кого не видалъ. По прибытіи жъ къ городу Чугучаку, гдѣ на первомъ китайскомъ караулѣ немедленно и безо всякаго препятствія былъ пропущенъ въ Чугучакъ съ работниками, всего 36 человекъ, въ томъ числѣ были торговцы: ташкентцы, татары и киргизы, вышедшіе изъ Семипалатинска, при коихъ было для продажи лошадей 600, быковъ 400, барановъ 3000, коихъ, а равно и російскіе товары, промѣняли на китайскіе очень выгодно. По находженію жъ въ городѣ Чугучакѣ слышалъ я отъ знакомыхъ моихъ и одновѣрцевъ, живущихъ навсегда въ

Чугучакѣ, то есть ташкентцевѣ, о происходящей между китайцами и Хожей въ городѣ Камгарѣ войнѣ, которые, а равно и сами китайцы, повидимости намъ, что съ радостью рассказывали: здѣсь въ Чугучакѣ получены письма, что съ Хожею нынѣшняго лѣта была война и китайцы получили надъ Хожею побѣду, выгнали изъ Камгара вонъ, сами заступили городъ, и, кажется, всѣ три города, прежде взятые Хожею, поступили во владѣніе китайское, и теперь въ Чугучакѣ по прежнему разрѣшенъ торгъ всѣмъ торговцамъ, и чрезъ насъ охотно приглашаютъ и російское купечество съ товаромъ торговать, черезъ ташкентцевъ, татаръ и киргизъ, для чего начали съ товарами съѣзжаться китайскіе купцы изъ разныхъ городовъ, даже изъ самаго Пекина; при размѣнѣ жъ товаровъ купцы неоднократно спрашивали насъ, то-есть киргизцевъ, имѣемъ ли мы отъ російскаго начальства письменные виды и позволенія, о чемъ правительство ихъ охотно желаетъ съ Россіей имѣть о торговыхъ дѣлахъ сношеніе, чрезъ что торгъ можетъ быть выгоднѣе и гораздо болѣе улучшенъ, и говорили, чтобъ мы, киргизцы или ташкентцы, на будущее время брали отъ російскаго правительства письменные виды и дружескія письма къ ихнему кебъ-амбѣ, то есть правящему генералу. По нахожденію жъ нашему въ Чугучакѣ о свирѣпствующей какой либо заразной болѣзни на людяхъ или разномъ скотѣ ни отъ кого не слыхали, и китайцы остаются теперь въ спокойствіи. И назадъ тому 15 дней вышелъ я изъ Чугучака обратно, также проходилъ чрезъ степи благополучно и сего мѣсяца 7-го числа прибылъ на линію. Болѣе я ничего не знаю и не слыхалъ, что и показываю по самой сущей справедливости, въ томъ и подписуюсь“.

20) Показаніе прикащика семипалатинскаго купца И. Самсонова, семипалатинскаго мѣщанина Ивана Тетенева,

*отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи,
12 іюля 1827 года.*

„Прошлаго года въ мартѣ мѣсяцѣ отъ хозяина моего, купца 2-й гильдіи Ивана Самсонова, отправился я за границу по торговымъ дѣламъ чрезъ здѣшнюю Семипалатинскую пограничную таможенную. Начально слѣдовалъ по разнымъ киргизскимъ волостямъ, вымѣнявъ во оныхъ на товаръ барановъ, съ которыми пошелъ въ китайскій городъ Чугучакъ, дабы промѣнять оныхъ на дабы, но по прибытіи туда извѣстился, что долженствующій прибыть въ оный караванъ изъ разныхъ китайскихъ же городовъ, по случаю продолжающагося междоусобія у китайца съ Хожею, оставленъ, и бывшія лошади съ китайскимъ товаромъ обратно китайцами жъ отобранны и отправлены къ ихнимъ войскамъ. Я же, пробывъ въ Чугучакѣ съ мѣсяцъ и не имѣя надежды къ промѣну на дабы барановъ, отправился съ ними въ Коканію и чтобы съ оными пройти прямо чрезъ Семь рѣкъ, куда слѣдовалъ киргизскою степью и дойдя до Ташкинїи въ февралѣ мѣсяцѣ сего года, гдѣ промѣнявъ барановъ на золотыя тамошнія деньги и на серебро въ ямбахъ, отколь отправился въ самый городъ Кокандъ и въ ономъ на ташкентскія деньги и серебро купилъ бумажный товаръ. Пробывъ въ Коканіи съ мѣсяцъ, поѣхалъ обратно къ линіи, слѣдуя въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, а 30 числа прибылъ въ Семипалатинскъ. Будучи въ Коканіи слышалъ я, что прибыли туда китайскіе посланники изъ Кашгара, просили, чтобы выдать и Хожу, и бывшего начальника города Андижана, Кокандскаго владѣнія, Мусубека, который былъ сообщникомъ съ Хожею на китайца, и что Кашгаръ китайцами взятъ уже обратно, а Яркендъ и Тюбетъ (?) китайцами еще не взятъ; объ означенномъ же Хожѣ сказывали кокандцы, что будто бы онъ бѣжалъ въ каратеинцы, особо живущіе отъ Коканіи и независимые отъ оной, а Мусабекъ,

якобы, опредѣленъ въ городъ Маргеланъ, кокандскаго вѣдѣнія, управляющимъ. По отбытіи жъ моемъ изъ Коканда, тѣ посланники остались въ ономъ, и какой они получаютъ отвѣтъ, мнѣ не извѣстно“.

21) *Показаніе семипалатинскаго мѣщанина Аверьяна Шаламенцева, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи, 8 декабря 1827 года.*

„Сего марта въ 16 день пропущенъ я былъ по кормежному паспорту чрезъ Семипалатинскую пограничную таможенную за границу для торгу въ кокандскій городъ съ товаромъ, прикащикомъ отъ семипалатинскаго 1-й гильдіи купца Степана Попова; проходилъ киргизскую степь чрезъ разные аулы съ прочими караванами впередъ и обратно благополучно, обидъ и притѣсненій ни отъ кого не видалъ, а сего мѣсяца въ 6-й день прибылъ на линію. По нахожденію жъ моему въ городѣ Кокандѣ, видѣлъ я самъ лично скитающихся по городу въ крайнемъ сожалѣніи жителей города Кашгара, которые не рѣдко на спросъ мой отвѣчали, что китайцы ихъ городъ Кашгаръ отъ Хожи взяли обратно, равно и всѣ его окрестности, такъ что за Хожею не осталось ни одного селенія, самъ Хожа бѣжалъ неизвѣстно куда, причемъ было большое кровопролитіе и они лишились своихъ жилищъ, имѣнія и семействъ, принуждены теперь пропитывать себя мірскимъ подаваніемъ; а послѣ того въ скоромъ времени при мнѣ же прислана была депутація отъ китайскихъ главнокомандующихъ, съ требованіемъ выдачи имъ бѣжавшаго Хожи, но Кокандскій ханъ отказался, что онъ во владѣніи своемъ Хожи не имѣетъ, и гдѣ находится, не знаетъ; потомъ и вторично были присланы чиновники съ требованіемъ, чтобы ханъ пропустилъ ихъ людей для отысканія Хожи въ другіе города, но и на сіе было имъ отказано. Болѣе я ничего не слышалъ. Въ городѣ жъ Кокандѣ и въ другихъ предмѣстіяхъ, равно и по киргизской степи, какъ на людяхъ

и разнаго званія скотѣ заразительной болѣзни нигдѣ не имѣется, что и показываю по самой сущей справедливости, въ томъ и подписуюсь“.

22) *Показаніе жив. въ г. Семипалатинскъ казанскаго татарина С. Халитова, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи, 15 Мая 1828 года.*

Въ прошломъ 1827 году октября въ 22-й день по охранному листу и по кормежному паспорту проходилъ я съ товаромъ чрезъ Семипалатинскую пограничную таможенную за границу для торгу въ городѣ Кокандѣ; куда проходилъ чрезъ киргизскую степь съ прочими моими товарищами благополучно, обидѣ, притѣсненій и грабежа отъ киргизцевъ ни отъ кого не видали, и чрезъ 2 мѣсяца дошли до Коканіи, гдѣ находились три мѣсяца, торговали очень выгодно, промѣнивая русскіе товары, лошадей и барановъ на товары жъ кокандскаго издѣлія. По нахожденію жъ моему въ Коканіи слышалъ я отъ знакомыхъ мнѣ кокандскихъ торговцевъ, что городъ Кашгаръ, Яркендъ и прочіе, кои прежде сего взяты были Хожею, китайцами взяты обратно подъ свое владѣніе, а Хожа самъ въ то время бѣжалъ и находился подъ укрывательствомъ дикокаменныхъ киргизъ, кочующихъ между Коканіей и Кашгаромъ, отъ которыхъ китайское правительство настоятельно требовало, чтобъ его выдать, но Хожа, извѣстясь о семъ, самъ явился къ китайскимъ чиновникамъ въ Кашгаръ, которому на тотъ разъ никакого вреда причинено не было, а немедленно отправленъ въ городъ Пекинъ къ ихъ богдыхану. Въ Кашгаріи теперь замѣшательства никакого не происходитъ, но только въ сихъ 6 городахъ китайскаго войска и по нынѣ находится довольно количество; тоже настоятельно требуютъ отъ кокандскаго владѣльца оставшихся тамъ послѣ Хожи жену и дѣтей его. Сверхъ того слышалъ я нынѣ, при выходѣ нашемъ изъ Коканіи въ февралѣ мѣсяцѣ, что киргизы Меньшей орды, волостей Алчан-

ской, Баганалинской, (не разобрано) два султана съ прочими киргизцами ихъ волостей, совокупясь, напали на кокандскія три небольшія крѣпости, разграбили всѣхъ жителей, имущество и скоть, убили нѣсколько народу и потомъ подъ укрывательствомъ въ горахъ находясь для таковыхъ же набѣговъ, но кокандцы, немедленно развѣдавъ о семъ, командировали нѣсколько войска, которое, тоже въ ночное время, направъ на сихъ хищниковъ, отбило все ими ограбленное и плѣнныхъ людей возвратило обратно, захвативъ одного султана, коего доставили въ Кокандъ, а прочіе, какъ киргизцы и султанъ, спаслись бѣгствомъ. Впрочемъ, какъ китайцы съ кокандцами, ташкенцами и Бухаріей отъ насъ остались въ мирномъ положеніи; и въ сихъ предѣлахъ заразительной болѣзни какъ на людяхъ, такъ и на скотѣ разнаго званія не имѣется, и въ обратнѣй путь изъ Коканіи на линію прибылъ благополучно, что и показываю по самой сущей справедливости, въ томъ и подписуюсь“.

23) *Показаніе купца Тагира Смагилова, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи 3 іюля 1829 года.*

„Въ прошломъ 1828 году октября въ 25 день по данному мнѣ отъ начальства охранному листу и по кормежному моему паспорту вышелъ я чрезъ Семипалатинскую пограничную таможенную съ товаромъ для торгу въ киргизской степи, въ городахъ Ташкеніи и Коканіи. Проходя черезъ киргизскіе аулы, размѣнивалъ товары свои на скоть, какъ-то: лошадей, быковъ и барановъ; шелъ киргизскою степью благополучно, никакихъ обидъ и притѣсненій не видалъ и того жъ года дошелъ до города Ташкента, гдѣ оставилъ съ частью товаровъ одного моего служителя, а самъ пришелъ въ городъ Кокандъ, въ коемъ торговалъ, размѣнивая тоже свои товары и скоть на товары жъ кокандскаго издѣлія. По нахожденію моему въ Коканіи я ничего особеннаго не слыхалъ, кромѣ какъ видѣлъ,

что для торгу азіатскаго купечества съѣзжалось большое число, а именно: бухарцы, кабулцы и частью индѣйцы, которые между прочими моими съ ними разговорами отзывались во всемъ довольными, что правительство ихъ находится нынѣ въ мирномъ между собою положеніи, нѣтъ никакихъ ссоръ и для купечества въ сихъ краяхъ свободная торговля, и въ ихъ владѣніяхъ благополучно, какъ отъ нихъ я слышалъ, что на людяхъ и на скотѣ никакихъ заразныхъ болѣзней не имѣется. Китайцы съ кокандцами не такъ между собою спокойны, какъ я замѣтилъ, а болѣе потому, что китайцы въ началѣ нынѣшняго года кокандскаго посланника въ городѣ Кашгарѣ очень худо приняли, и сего посланца въ Коканіи я самъ лично видѣлъ, имѣлъ съ нимъ разговоръ, который мнѣ сказывалъ, что онъ отъ хана своего былъ посланъ для переговоровъ въ городѣ Кашгарѣ съ тѣмъ, чтобъ предложить китайскому правительству, чтобъ послѣ замѣшательства Хожи паки между ними возстановить прежнее спокойствіе и тишину, зоводить купечеству свободную торговлю и чтобъ хану кокандскому отпускаемо было, какъ прежде въ мирное время дѣлалось, изъ казны китайской по 200 ямбъ серебра и разныхъ вещей не малое количество; но сіе предложеніе въ городѣ Кашгарѣ главнокомандующій хотя и выслушалъ отъ него, но въ отвѣтъ ничего не сказалъ и на третій день приказалъ его безъ ничего выпроводить за свои пикеты. Торговли съ кашгарцами у кокандцевъ и по сіе время нѣтъ. При выходѣ жъ моемъ изъ Коканіи навѣрное я слышалъ, что обитающіе по ту сторону рѣки Чу черные киргизцы нерѣдко притѣсняли и грабили купеческіе караваны, за то ихъ кокандцы жестоко наказали, часть оныхъ побили, а послѣднихъ покорили подъ свое владѣніе. Болѣе я ничего не слыхалъ, что показываю по самой сущей справедливости, въ томъ и подписуюсь“.

24) *Показаніе дворового человека семипалатинскаго купца Ив. Самсонова, Сидора Сидорова, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи 21 октября 1830 года.*

„Сего года іюня въ первыхъ числахъ вышелъ я для торгу чрезъ Семипалатинскую пограничную таможену съ намѣреніемъ быть въ городѣ Кульджѣ; шель киргизскою степью, чрезъ волость приверженнаго къ Россіи султана Сарта Ючина, отъ котораго, по приказанію моего хозяина, испросилъ отъ султана Сарта, такъ какъ онъ имѣетъ отъ китайцевъ уваженіе, вожака, калмыкскаго рода, имѣющаго отъ китайскаго правительства чинъ, Ильчибая Кондукова, и письмо о пропускѣ насъ въ Кульджу, съ которымъ я, проходя чрезъ киргизскую степь благополучно, ни отъ кого обидѣ и притѣсненій не видалъ. По прибытіи жъ къ передовому пикету по письму султана Сарта безъ всякаго задержанія былъ пропущенъ въ Кульджу, хотя прочимъ торговцамъ и не было пропуску. Въ Кульджѣ находился я около 20 дней, имѣлъ торгъ съ китайцами весьма выгодный. Въ бытность же мою, въ одно время, было отряжено войско изъ десяти тысячъ, вооруженное, имѣющее при себѣ и небольшія пушки, отправилось нѣкоторымъ скрытнымъ образомъ, говорили, что войско идетъ въ Кашгаръ, подъ начальствомъ одного чиновника Амбу, по случаю тому, что подошелъ туда съ войскомъ Хожа, а нѣкоторые, скрывая сіе, говорили, что войско отряжено якобы для звѣриной ловли, и оно потомъ въ скоромъ времени отправилось; я же съ моими товарищами, пробывъ въ Кульджѣ нѣсколько дней, возвратился обратно. Еще заходилъ по торговымъ дѣламъ въ городъ Чугучакъ, гдѣ за вѣрное слышалъ отъ самихъ китайцевъ, что якобы Хожа, дѣйствительно, пришелъ съ большимъ количествомъ войска, даннаго ему на вспомоательство отъ Бухарскаго, Кокандскаго и Ташкентскаго хановъ, и взялъ городъ Кашгаръ и еще въ окрестности его

небольшіе три города, по имени мнѣ неизвѣстные, и что о семъ происшествіи въ Чугучакѣ получено письмо съ тѣмъ, чтобъ непременно отъ купечества покупать лошадей и рогатый скотъ, почему при насъ же, какъ на лошадей и рогатый скотъ поднялась цѣна. Говорятъ нѣкоторые и то, что если Хожа взялъ Кашгаръ, то непременно пустится и на Кульджу, гдѣ можетъ занять самые тѣсныя переходы, то и Кульджа должна быть въ опасности; кромѣ того еще слышалъ я въ Чугучакѣ, что когда по первой войнѣ съ Хожею взять былъ Кашгаръ, то по случаю сему тогда изъ города Кульджи всѣ безъ изъятія выгнаны были ташкентцы, которые на Семи рѣкахъ проходили чрезъ волости султана Кулана Адилева, но онъ ихъ всѣхъ ограбилъ такъ, что отпустилъ пѣшихъ; о чемъ обиженные сіи ташкентцы просили защиты и о взысканіи съ султана Кулана ограбленнаго у нихъ имущества, то, якобы, по симъ жалобамъ, изъ Коканіи командированъ ихъ главный чиновникъ Кушбекъ, тоже съ немалымъ числомъ войска къ султану Кулану, для удовлетворенія обиженныхъ ташкентцевъ“.

25) *Показаніе купеч. сына Мухамедія Амирова, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи 27 ноября 1830 года.*

„Сего года въ августѣ мѣсяцѣ вышелъ я чрезъ Семипалатинскую пограничную таможенную, по кормежному моему паспорту, прикащикомъ отъ семипалатинскаго 3-й гильдіи купца Абдульхалыка Мурсалимова, въ киргизскую степь безъ товаровъ, для собранія долговъ, розданныхъ въ прошломъ году Байджигитской и прочихъ волостей киргизцамъ; собравъ оныхъ нѣкоторую часть баранами, былъ съ оными въ городѣ Чугучакѣ, гдѣ промѣнивалъ свой скотъ на ихъ товары, что нынѣ для купечества очень выгодно. Гдѣ по нахожденію моему слышалъ я отъ разныхъ торговцевъ, равно и отъ самихъ киргизцевъ, что якобы

второй сынъ Хожи, а какъ прозывается не знаю, съ помощью другихъ народовъ, какъ-то: кара-таглыкъ и акъ-таглыкъ, а большею частью кокандцевъ и ташкентцевъ, всего до 200 т. человекъ, взяли китайскіе города: Кашгаръ, Янсаръ, Яркендъ, Хотанъ, Учъ-Турпанъ и Аксу; сіи города занимаетъ уже войско кокандское; Кашгаръ взялъ самъ Кокандскій ханъ, а Турпанъ и Аксу его главнокомандующій Кушбекъ, и въ вышеписанныхъ городахъ захвачено много плѣнныхъ китайцевъ, обобранное тамъ имущество и серебро отправлено въ Кокандъ; со стороны китайцевъ побито народу больше десяти тысячъ, прочіе китайцы отступили въ свои границы. Китайское правительство собираетъ войско въ городъ Кульджу, якобы самимъ богдыханомъ назначено собрать онаго сто тридцать тысячъ изъ Пекина, кромѣ обитающихъ на границахъ калмыковъ и другихъ народовъ, и говорятъ, что настоящее дѣйствіе будетъ съ наступающей весны. О свирѣпствующихъ жестокихъ болѣзняхъ, какъ на людяхъ, равно и скотѣ, я не слыхалъ и нигдѣ мною того не замѣчено; о грабежахъ каравановъ киргизцами мнѣ неизвѣстно, кромѣ того, какъ по близости Чугучака байджигитскіе киргизцы очень много производятъ воровства; о перемѣнѣ хановъ я не слыхалъ, что и показываю по самой сущей справедливости, въ томъ и подписуюсь“.

26) *Изъ рапорта командующаго заграничнымъ отрядомъ Хорунжаго Нюхалова, отъ 8 декабря 1830 года, на имя Омскаго Областнаго Начальника.*

„Нынѣ минувшей весной изъ Ташкени чиновникъ Куспекъ приходилъ съ войскомъ въ дикокаменные киргизскія волости, въ Сарбагисцы, при томъ былъ тотъ азіатецъ, который мнѣ рассказывалъ. Куспекъ въ одинъ день, утромъ, подошелъ съ войскомъ и, полагаятъ, должно быть до 10000 человекъ, изъ вышеозначенной волости такъ, что никто не зналъ, отъ ко-

торого испуга все киргизцы бѣжали съ семействами въ горы Алатау; оставшіяся кибитки, имущество и скотъ ташкентское войско безъ остатка забрало себѣ въ наживу и послѣ сего обратились къ своей сторонѣ. Въ слѣдъ же за ними киргизцы, собравшіеся около 3000 человекъ, пустились драться, однако жъ собственности своей обратить не могли, а полагаютъ, со стороны ташкентцевъ до 200 человекъ убито. Куснекъ со своимъ войскомъ, видя большую опасность, остановился, разбивъ палатки, удержалъ киргизцевъ и тѣмъ обратилъ ихъ въ бѣгство, гдѣ и сихъ послѣднихъ убито до 40 человекъ. На послѣдокъ Куснекъ около Алатау сдѣлалъ курганъ, что можно назвать укрѣпленіе, для безопасности войска, а въ Большую орду къ султану Кулану посылалъ Куснекъ отъ себя съ тѣмъ, чтобъ онъ безпрепятственно платилъ зекетъ, что называется ремонтъ. Куланъ же сдѣлалъ отзывъ, чтобъ дать ему время до августа мѣсяца и тогда съ подвластными себѣ волостями посовѣтуется; и чѣмъ сіе кончено, то неизвѣстно. Отъ ташкентскаго правительства дикокаменныхъ киргизъ старается склонить, не для чего иного, единственно привести ихъ въ подданство и получить подати скотомъ. Китайцы около городовъ Кашгара, Аксу, Яркенда дѣйствительно имѣютъ войну съ Хожей; есть слухи, что якобы Хожа имѣетъ у себя въ помощи земли, какъ то: Ташкенію, Коканію и Бухарію, а нѣкоторые удостовѣряютъ, что одни каратендики, сіе остается имовѣрнымъ; многіе увѣряютъ, что Хожа въ большомъ числѣ войска, полагаютъ до 200000, и вышепрописанные города нынѣ въ минувшее лѣто имъ взяты и къ городу Кульджа нѣкоторые пикеты истреблены, отъ чего и Кульджа остается въ большой опасности. Здѣсь въ городѣ Чугучакѣ торгующіе видѣли въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, занимаемо было войско ученіемъ цѣльной стрѣльбы изъ оружія, а изъ лукъ стрѣлами, и послѣ

отправилось въ походъ въ городъ Кульджу, а калмыкамъ, кочующимъ на границѣ, велѣно доставить на 1000 верблюдахъ провіанта тоже въ Кульджу. Сіи послѣдніе, совершенно явно, обидятся службою, на нихъ наложенною, такъ что ни отъ кого не скрываютъ; а въ городѣ военныя дѣйствія всегда скрытны. Скотъ, лошади и бараны довольно вздорожали противу обыкновенныхъ прежнихъ цѣнъ“.

27) Въ декабрѣ 1830 г. Генераль-Губернаторъ Западной Сибири генераль отъ инфантеріи Вельяминовъ получилъ изъ Троицко-Савской крѣпости увѣдомленіе отъ командированнаго по Высочайшему повелѣнію на восточную китайскую границу д. с. с. барона Шиллинга фонъ-Канштатъ, что въ Китаѣ возникли новыя волненія и что многочисленное ополченіе вторгнулось въ двухъ мѣстахъ въ Восточный Туркестанъ.

Сообщая объ этомъ Омскому Областному Начальнику, Генераль-Губернаторъ предложилъ ему собрать новыя свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Западномъ Китаѣ у путешествующихъ туда торговцевъ, а относительно киргизъ „предписать Начальникамъ казацкихъ отрядовъ, какъ въ Приказахъ внѣшнихъ округовъ находящимся, такъ и командированнымъ къ открытію новыхъ округовъ, чтобъ они развѣдали съ осторожностью, какихъ мыслей о китайскихъ происшествіяхъ какъ старѣйшины, такъ и самый киргизскій народъ; въ послѣдствіи жъ времени наблюдали бы, не будетъ ли со стороны киргизъ какихъ либо особенныхъ движеній“.

Омскій Областной Начальникъ генераль-лейтенантъ де Сентъ-Лоранъ поручилъ собрать требуемыя свѣдѣнія Семипалатинскому и Петропавловскому Окружнымъ Начальникамъ, Кокчетавскому и Каркаралинскому Приказамъ, Бухтарминскому Коменданту и Начальникамъ военныхъ отрядовъ: есаулу Махонину, сотникамъ Чирикову, Папкову и Швабскому и хорун-

жему Нюхолову, а кромѣ того рѣшилъ командировать на границу, для собиранія тѣхъ же свѣдѣній, ротмистра Вершинина. Велѣдствіе этого порученія, Областному Начальнику были доставлены, между прочимъ, печатаемые ниже показанія торговцевъ Бабахожина (28) и Хамитова (32) и „записки“, составленныя на основаніи такихъ показаній Нюхоловымъ (29) и Вершининымъ (31). Относительно киргизъ почти всѣ Начальники отрядовъ дали самые успокоительныя отвѣты. Такъ, хорунжій Нюхоловъ сообщилъ, что „отъ старшинъ и почтенныхъ бѣевъ дознано, что они никакихъ мыслей о китайскихъ происшествіяхъ не имѣютъ“; сотникъ Швабскій, — что киргизы остались „отъ всякихъ мнѣній спокойными“ и т. п. Только сотникъ Чириковъ въ апрѣлѣ 1831 г. донесъ о подозрительномъ поведеніи султана Сарджана и о намѣреніи нѣкоторыхъ киргизъ откочевать въ Туркестанъ. Есаулъ Махонинъ, командовавшій Баянъ-аульскимъ отрядомъ, вмѣстѣ съ донесеніемъ представилъ также печатаемое ниже (30) показаніе бія Тертаульской волости Бочтая Турсунбаева.

28) *Показаніе ташкентца Мурза-Хожы Бабахожина, отобранное въ Семипалатинскомъ Окружномъ Управленіи, 26 января 1831 года.*

„Прошлаго 1830 года прибылъ я изъ своего мѣста для торгу съ разнымъ товаромъ на линію и того жъ года осенью, въ октябрѣ мѣсяцѣ, вышелъ я съ прочими торговцами чрезъ Семипалатинскую Таможню для торгу въ городъ Кульджу. Проходя киргизскую степь благополучно, прибывъ въ Кульджу, торговалъ тамъ 27 дней очень выгодно по большей части на серебро. По нахожденію жъ моему въ ономъ городѣ и чрезъ недолгое время извѣстился я между разговорами отъ китайскихъ торговцевъ, что пришло къ городу Кашгару большое войско, якобы составленное изъ 5 націй неизвѣстныхъ народовъ, имѣющихъ при себѣ каждый

щиты, въ разныхъ одеждахъ, и шапки похожія на персидскія съ высокими околами. Китайцы началь-но считали за русскихъ или индѣйцевъ, и въ Кульджѣ народъ весьма былъ въ страхѣ, но по прошествіи нѣсколькихъ дней еще получено извѣстіе, что города: Кашгаръ, Янсаръ, Яркендъ, Хотанъ взяты, и прошло войско сіе во внутрь Китая къ городу Аксу, разстояніемъ отъ Кашгара 20 дней ѣзды, гдѣ окружный городъ держали въ осадѣ, но послѣ взять ими или нѣтъ сей городъ Аксу, при насъ извѣстій не было получено, а о народахъ, пришедшихъ на войну, совершенно узнано, что все войско кокандское и около онаго обитающихъ народовъ. Главноначальствующіе—кокандскіе Кушбекъ и другой кто—неизвѣстно. а третій Хожинъ сынъ. Они (т. е. пришедшіе съ кокандцами „народы“) обитаютъ за Коканіей къ сторонѣ Индіи въ горахъ, имѣющіе на себѣ одежду. какъ выше сего показано, всѣ они магометане и первое войско у кокандскаго хана; и какъ сего народа не было въ первой войнѣ Хожина сына, то поэтому слухи такового народа устрашали китайцевъ, отчего и городъ Кульджа былъ въ опасномъ положеніи. Впрочемъ, въ Китайской имперіи ни отколъ и ни съ которой стороны какого-либо замѣшательства или войны нигдѣ не слышать и на киргизъ никакого вліянія не было. Я же самъ съ прочими торговцами, въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1830 года, выѣхалъ изъ Кульджи и былъ по своимъ дѣламъ въ киргизской степи и нынѣ выѣхалъ на линію. Болѣе я ничего не слыхалъ и не знаю, что показываю справедливо, въ томъ и подписуюсь“.

29) *Записка хорунжаго Нюхолова, отъ 4 февраля 1831 г., составленная на основаніи показаній азіатскихъ торговцевъ.*

Торговцы показали, что въ прошломъ 1830 г. въ весеннее время по высочайшему указу Богдыхана сформировано было войска изъ торгоутцевъ до двухъ тысячъ человекъ и были отправлены на тѣ мѣста

гдѣ дѣйствіе происходитъ войны, подѣ командою управляющаго тѣми торгоутцами вана Манкансары меньшого его брата. Каждому воину было выдано въ жалованье по 10 лановъ серебра и, сверхъ сего, въ пути слѣдованія на профиктованіе 60 ямбъ серебра жъ; сіе торгоутское войско въ передній путь перешло уже городъ Кульджу и, наконецъ, ихъ обратили отъ горы Темерлакъ-тау съ тѣмъ, что якобы дѣйствующаго Хожа съ войскомъ прогнали изъ предѣловъ китайскихъ. А напротивъ, утверждаютъ, что управляющій сими торгоутцами ванъ Манкансары входилъ съ представленіемъ къ Богдыхану, съ тѣмъ, что сей народъ, пришедъ на вѣрноподданство китайскому правительству доброю волею, въ такомъ случаѣ оставило бы ихъ отъ военного сего дѣйствія и позволили бы имъ заниматься расплаживаніемъ скота и продажею оного въ ближайшіе города Китая, какъ и до сего времени занимались чѣмъ бы и составили общую пользу отечеству. Сіе послѣднее ходатайство вана дѣйствительно справедливымъ почитаютъ, изъ числа же оныхъ нѣкоторые рассказываютъ, что не только они не могутъ стоять противу Хожи, но даже нѣсколько образованные въ военной экзерциціи монголы, и тѣ, взявшись нѣсколько человѣкъ за руки, бѣгутъ къ непріятелю и падаютъ внизъ лицомъ, а непріятель между тѣмъ, чтобъ брать ихъ въ плѣнъ, на мѣсто того лишаетъ жизни. Когда же торгоутцы возвратились изъ похода въ свои мѣста и успокоили себя отъ видимаго ими ужаса, праздновали цѣлый мѣсяцъ вывезеннымъ ими изъ города Чугучака виномъ.

„Въ прежнемъ моемъ донесеніи значилось имовѣрнымъ свѣдѣніемъ, что якобы Хожа дѣйствуетъ съ помощью Коканіи, Ташкеніи и Бухаріи и прочихъ націй мусульманъ; нынѣ дѣйствительно утверждаютъ тѣ, которые изъ тамошнихъ краевъ, для торговли прибывшіе ташкентцы подтверждаютъ, что изъ всѣхъ на-

цій тамошнихъ мусульманъ есть войско и не менѣе до 200.000. По вскрытіи же нынѣшней весны предполагають, что жестокія войны должны быть у китайскаго правительства съ войскомъ непріятели, какъ называютъ подъ именемъ Хожи.“

30) *Показаніе бія Тортаульской волости Бочтай Турсунбаева, отобранное въ февраль 1831 г. Начальникомъ Баянъ-Дульского военного отряда есауломъ Махонинымъ.*

„Бій Бочтай показалъ, что онъ въ январѣ мѣсяцѣ 15 числа извѣстился отъ вышедшаго прошлаго года декабря 27 изъ Ташкеніи и Коканіи торговца татарина Адилче, что ташкентскій и кокандскій ханы въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1830 года, будто бы, сформировавъ войска изъ Ташкеніи подъ предводительствомъ ташкентскаго генерала, называемаго по ихъ Коспека, 15 тысячъ, а изъ Коканіи подъ предводительствомъ двухъ Коспековъ, т. е. генераловъ, въ двухъ ополченіяхъ, въ каждомъ по 20, всего 40 тысячъ, отправили на городъ Кашгарію, завоеванный прежде у Ташкеніи китайцемъ, въ которомъ находилось подъ предводительствомъ китайскаго генерала 30 тысячъ войска. При нападеніи войсками изъ Ташкеніи и Коканіи, въ 55 тысячахъ, подъ предводительствомъ трехъ генераловъ пришедшими, китайское войско во время кровопролитнаго сраженія побилло до 3 тысячъ человѣкъ. По сему ташкентскій и кокандскіе 3 генерала сдѣлали отступъ; составивъ между собою военный совѣтъ, вручили все войско въ главную команду и предводительство ташкентскаго генерала, которымъ, будто бы, по принятіи войскъ подъ свое начальство, сдѣлано распоряженіе: ополченіе его распредѣлено было на три части, приказавъ двумъ генераламъ съ обѣихъ сторонъ на городъ Кашгарію сдѣлать нападеніе; съ одной стороны, гдѣ было болѣе труднѣе ко взятію города, послалъ 20, а съ другой 15 тысячъ, но самъ онъ съ 20 тысячами, лично предводительствуя, впереди всего

войска шелъ внутрь города. Такимъ образомъ произвели со всѣхъ сторонъ сраженіе. Подъ главнокомандующимъ ташкентскимъ и кокандскими войсками, сначала, когда войско свое велъ на городъ, подстрѣлили лошадь, потомъ другую и между тѣмъ ранили самого его въ семи мѣстахъ. Тогда онъ, сѣвши на третью лошадь, а при томъ ожесточившись, мужественно сражался съ китайскимъ войскомъ, вошелъ въ городъ и самъ своими руками при сраженіи изрубилъ предводителя китайскихъ войскъ вмѣстѣ и съ лошадью. Послѣ того войско китайское обратилось въ бѣгство, расположилось въ крѣпостяхъ, сопредѣльныхъ Кашгаріи. Предводитель ташкентскій и кокандскій, преслѣдуя китайца, напалъ на означенныя крѣпости, вошелъ въ оныя съ войскомъ своимъ и, сражаясь съ китайцемъ, перерѣзалъ всѣ оного войска на голову, оставивъ только плѣнныхъ изъ самыхъ лучшихъ 50 китайскихъ чиновниковъ, отправилъ оныхъ вмѣстѣ съ головами перерѣзанныхъ на сраженіи китайцевъ на 15 верблюдахъ въ свое мѣсто къ ташкентскому и кокандскому ханамъ. Во взятыхъ городѣ Кашгаріи и крѣпостяхъ оставлено для занятія ихъ войска ташкентскаго и кокандскаго, въ первомъ 20, а послѣднихъ двухъ 15 тысячъ подъ начальствомъ одного генерала, имѣющаго главную квартиру въ городѣ Кашгаріи, а съ остальнымъ затѣмъ войскомъ два генерала въ ноябрѣ мѣсяцѣ обратились въ свое мѣсто. Послѣ чего, будто бы, ханы ташкентскій и кокандскій отправили осенью 1830 года къ Императору Россійскаго Двора одного слона со многими дарами и двухъ изъ плѣнныхъ китайскихъ офицеровъ, которые теперь, по случаю постигшей холодной осени и зимы, остановлены на перезимовку въ городѣ Азретѣ, а по открытіи весны изъ сего города будутъ препровождаться на Сибирскую линію. Въ войскахъ ташкентскомъ и кокандскомъ участвовали въ дѣйствіяхъ при сраженіяхъ

противъ китайца одни только Усень-Конгратовскаго и (не разобрано) родовъ киргизцы, подданные онымъ ханствамъ и платящіе имъ дань".

31) *Изъ рапорта ротмистра Вершинина, отъ 7 апрѣля 1831 года, на имя Омскаго Областнаго Начальника.*

„1) По бытности моей за границею извѣстился я отъ прибывшихъ 20 числа декабря прошлаго 1830 г. изъ Ташкеніи и Коканіи торгующихъ ташкентцевъ Тагая Сатихожина и Имаршана Тоиманова, что при выѣздѣ ихъ въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года изъ Ташкеніи слышали они, что прибылъ съ драки съ китайцами кокандскаго и ташкентскаго вѣдомствъ воинскій отрядъ, состоящій изъ 500 человекъ, вмѣстѣ съ взятыми въ плѣнъ китайцами до 200 человекъ, и вывезли также на 500 лошадахъ взятое ими въ добычу серебро и чай, а передній авангардъ со вьюками на 50 лошадахъ видѣли лично и сказываютъ, что въ настоящій мятежъ взяли кокандцы подъ предводительствомъ тестя кокандскаго хана Мамашариба, ташкентскаго Кушпека и Хожи города: Кашгарію, Яркендъ, Хотанъ, Аксу и что часть изъ дикихъ киргизцевъ кокандцы привели себѣ въ подданство. Однако-же съ Большою ордою усюнцами мирны и при кокандскомъ войскѣ какъ изъ дикихъ, такъ и Усюнской Большой орды киргизъ не имѣется. 2) Получилъ свѣдѣніе также чрезъ торгующаго ташкентца Солтанбая Азыматъ-Хожи, что слышалъ онъ отъ прибывшаго съ торгомъ изъ Кульджи ташкентца, неизвѣстнаго ему по имени, что кокандское войско, до 80000, прибывъ къ горѣ Мусътау, лежащей между городами Кульджею и Аксу, и расположились при подошвѣ оной въ ущельѣ, а о дальнѣйшемъ ихъ дѣйствиіи не слыхалъ. 3) Торгующій киргизецъ Тастыбай Батырбековъ, возвратившійся изъ урунхайцевъ 15 числа февраля сего года, якобы слышалъ отъ нихъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ торгоутцевъ также отправлено было противъ кокандцевъ до

1000 челѣвекъ, но по повелѣнію богдохана изъ Кульджи возвратились въ дома въ первыхъ числахъ декабря. И наконецъ 4) семипалатинскій мѣщанинъ Хайбулла Абдуллинъ сказывалъ, что онъ, будучи съ торгомъ въ урунхайцахъ, слышалъ, что война у китайцевъ съ Коканіею и Ташкеніею продолжается и китайское войско многочисленное проходитъ почти ежедневно чрезъ города Урумчи и Манасъ къ пограничному городу Илѣ (т. е. Кульджѣ)“.

32) *Показаніе башкирца Давлатши Хамитова, отобранное въ Каркаралинскомъ Вышинемъ Окружномъ Приказѣ 25 ноября 1831 года.*

Хамитовъ показалъ, „что онъ, находясь съ половины іюля до половины августа настоящаго года въ городѣ Ташкентѣ по торговымъ дѣламъ, знаетъ, что дѣйствительно въ сіе время проживающій постоянно въ Бухаріи Хожа Джангыръ, выпросивъ у владѣльцевъ Ташкеніи и Коканіи войска, отправился съ онымъ, примѣрно въ 7000 человѣкъ, которое онъ видѣлъ, въ городѣ Кашгарію, для завладѣнія якобы онымъ, который издревле принадлежалъ праотцамъ Хожи Джангыра и завоеванный съ давнихъ лѣтъ китайскимъ государствомъ, но, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не достигши онаго, возвратился безъ всякаго успѣха въ Коканію, имѣвъ только драку съ состоящими во владѣніи китайской имперіи и кочующими между Кашгаріею и горами Алатау—Джау киргизами, которыхъ, жестоко раззоривъ, и привезъ, какъ слышалъ онъ, Хамитовъ, взятыхъ изъ нихъ въ плѣнъ болѣе 1000 мужского и женскаго пола душъ и множество имъ принадлежащаго разнаго скота и имущества. До отправления же Хожи Джангыра съ войскомъ китайскій императоръ отправилъ къ Кокандскому владѣльцу посланниковъ изъ четырехъ человѣкъ для переговоровъ къ уничтоженію возникавшихъ между ними несогласій, но изъ числа ихъ послѣдній, задержавъ у себя

трехъ, послѣдняго съ воинами въ четырехъ человѣкахъ отправилъ къ первому, но и сіи также напротивъ задержаны и во время нахождения его, Хамитова, въ Ташкентѣ, какъ тѣ, такъ и другіе освобождены не были, и теперь о семъ ничего не знаетъ, а при выѣздѣ его, Давлетши, въ половинѣ минувшаго августа изъ Ташкента, Кушпекъ онаго, примѣрно съ 2000 человѣкъ, отправился въ мѣстечко Акъ-Мечеть, находящееся на западной сторонѣ горъ Каратау, принадлежащее Ташкеніи, для удаленія миролюбивымъ образомъ бухарцевъ, начавъ около онаго селиться, но возвратился ли оттуда Кушпекъ или нѣтъ и что онъ учинилъ, ему не извѣстно. Относительно же движенія его, Кушпека, якобы въ покровительствуемыя Россійскимъ Правительствомъ волости, онъ, Хамитовъ, ничего о семъ не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ, что показалъ по самой истинѣ, въ томъ и подписуется“.

IV. Замѣтка о киргизскихъ родахъ и султанѣхъ въ Каркаралинскомъ краѣ.

Изученіе вопроса о происхожденіи и взаимныхъ отношеніяхъ киргизскихъ родовъ представляетъ не только этнографическій интересъ, но безъ сомнѣнія должно оказать самую существенную помощь для всякаго, кто занимается разработкой не только древней, но и позднѣйшей исторіи киргизъ, въ жизни которыхъ родовое начало всегда имѣло громадное значеніе. Собирая вообще матеріалы по исторіи Степного края, я счелъ не лишнимъ опубликовать и настоящую замѣтку, представляющую собой простую сводку данныхъ изъ двухъ архивныхъ дѣлъ: одного—бывшаго Каркаралинскаго Окружнаго Приказа (1853 г.) и другого—Каркаралинскаго Уѣзднаго Управленія (1884 г.) Сдѣлать это меня побудила и надежда, что замѣтка эта, можетъ быть, вызоветъ поправки и объясненія со стороны свѣдущихъ людей, особенно киргизъ, и тѣмъ будетъ способствовать къ выясненію общаго вопроса о киргизскихъ родахъ.

I.

Въ концѣ 1853 г., въ Каркаралинскомъ Окружномъ Приказѣ, по требованію Пограничнаго Управленія, было составлено, на основаніи показаній султановъ

Солтобая Биралина и Арсланбека Таукина и киргиза Джандырке Кудабаета, слѣдующее „рописание киргизъ Средней орды, кочующихъ въ Каркаралинскомъ округѣ“:

Главные роды	Поко- лѣ- нія	Отдѣленія.	Изъ какихъ родовъ или по- колѣній состоятъ волости.
Родоначальникъ — сынъ Артына Миррамъ — сыны.	Каракысакъ.	1. Бошанъ.	Изъ отд. <i>Бошанъ</i> : Айбикэ-Чан- чаровская, Нурбикэ-Чанчаровская, Кучумъ-Байбурунская и Джагал- байлы-Байбурунская волости.
		2. Мамай.	
		3. Майкы.	
		4. Танасъ.	
		5. Джалыкпасъ (Ялыкпашъ).	Изъ отд. <i>Мамай</i> — Карсонъ-Кир- неевская в.
Родоначальникъ — сынъ Артына Аргына Мамбетъ сыны.	Муса- бай.		Изъ отд. <i>Майкы</i> — Альтекэ-Са- рымовская в.
			Изъ отд. <i>Танасъ</i> : Кара-Айтым- бетовская, Карауль-Камбаровская, Дюсембай-Чекчековская и Куянчи- Тагаевская волости.
			Изъ отд. <i>Джалыкпасъ</i> (Ялык- пашъ) — Джалыкпасовская (Ялык- пашевская) в.
		1. Сары.	Изъ отд. <i>Сары</i> : Мамбетъ-Тобук- т(л)инская и Джузмамбетъ-Тобук- т(л)инская волости.
		2. Конуръ.	Изъ отд. <i>Конуръ</i> — Кучукъ-То- букт(л)инская в.
Родоначальникъ — сынъ Аргына Мамбетъ сыны.	Наданъ.		Изъ всего покол. <i>Наданъ</i> — На- данъ-Тобукт(л)инская в.
		1. Манасъ.	
		2. Аксакъ.	
		3. Балдау.	
		1. Али.	Изъ отд. <i>Али</i> , <i>Сары</i> , <i>Букей</i> и <i>Джантака</i> — Тараклинская в.
Родоначальникъ	Джаука, Чоръ, Кар-	2. Сары.	
		3. Букей.	
		4. Джантака.	

братъ Арты- на Таракты. Кирей. Родъ подъ наз- вемъ Тюленгутъ	мысь и Кыдырь. Бенна- заръ. Кусай. Мамадаиръ, Кусчи и Кал- макъ.	5. Алеуке. 6. Кугедай. 7. Апай. 8. Токтаулъ. 1. Чокантай. 2. Мотакъ. 3. Кожегельды. 1. Акымбетъ. 2. Нуралы. Мамадаиръ состав. изъ каракиргизъ, Кусчи и Калмакъ- изъ калмыковъ.	Отд. <i>Алеуке, Кугедай, Апай</i> и <i>Токтаулъ</i> отдѣлились отъ ос- тальныхъ и кочуютъ въ Акмо- линскомъ округѣ. Изъ всѣхъ отд. Киреевская в. Тюленгутовская в.

Приведенныя данныя во многомъ расходятся съ дан-
ными о родовомъ составѣ волостей Каркаралинскаго
округа, помѣщенными въ соч. Красовскаго „Область
сибирскихъ киргизовъ“ (ч. I стр. 377—385). Приказа-
ми собирались свѣдѣнія о родахъ киргизъ еще въ
1862 г., на что есть указаніе въ одномъ архивномъ
дѣлѣ бывшей Канцеляріи Семипалатинскаго Военнаго
Губернатора. Къ сожалѣнію, свѣдѣній этихъ въ упо-
мянутомъ дѣлѣ не оказалось—они были доставлены
въ Омскъ Оберъ-квартирмейстеру Отдѣльнаго Сибир-
скаго Корпуса полков. Бабкову, по просьбѣ котораго
они собирались.

II.

Въ 1884 г. въ Каркаралинскомъ Уѣздномъ Управ-
леніи, по требованію Канцеляріи Степного Генералъ-
Губернатора, былъ составленъ на основаніи получен-
ныхъ отъ волостныхъ управителей свѣдѣній слѣдую-

щій „списокъ волостей Каркаралинскаго уезда по родамъ и отдѣленіямъ родовъ съ показаніемъ числа кибитокъ каждаго рода“:

Названія волостей.	Названія главныхъ родовъ.	Названія отдѣленій родовъ.	Число кибитокъ.
Нуринская	Сарымъ	Байдавлетъ	250
		Айдабулъ	307
		Конурбай	200
		Дерипсалы	200
		Табынь	100
		Алчинъ	100
			<u>1157</u>
Дагандельская	Кирей (Косай)	Нуралы	347
		Сарыбай	200
		Маямырь	180
		Бактыбай сары	80
		Байсеитъ	320
		Каска	350
			<u>1477</u>
Бакавасская	Кирей (Бекназаръ)	Чокантай	500
		Кожегельды	400
		Малдыбай	98
		Мотакъ	100
			<u>1098</u>
Темирчинская	Кара	Аккысы	120
		Сенкебай	170
		Найза	60
	Майлыкъ	Коразъ	110
		Божембады	100
		Байметъ	90

	Дюсембай	Тогалакъ.	100
		Ирь	150
		Чашты	300
	Камбаръ	Айтъ	362
		Ульджасъ	100
	Быргызъ	Истеке	70
		Найманъ	70
		Джунды	110
			1912
Моинтивская	Карсень (Карсонъ)	Аралбай	350
		Танабай	432
		Кулназаръ	200
		Алыкулъ	350
		Ирназаръ	100
		Ушъ-агаинды	228
	Чубартпалы	Кокала	300
		Кюелы	200
	Куянчи-Тагай	Асай	55
		Кечубай	25
	Кирней	Чанъ	130
		Балта	50
			2420
Абралинская	Байбура	Темиръ-ажи	165
		Усень	150
		Джугунай	1142
	Джалыкпасъ	Быргызъ	50
		Кошкаръ	180
	Камбаръ	Толубай	50
		Чана	50
		Сарманъ	40
		Тлеу	100
			1927
Сартавская	Кучумъ	Ильчибекъ	500

		Джаксыбекъ	200
		Джанысь	287
	Байбура	Курпе	50
		Джарбуль	50
			1087
Кувская	Нурбикэ-Чанчаръ	Тлеуке	428
		Бертысь	528
		Джаныбекъ	353
		Наманай	150
		Турлубекъ	64
		Сары	50
	Таракты	Джантога	54
		Токтауль	50
			1677
Акчатавская	Бирней	Чанъ	350
		Балапанъ	226
		Балты	300
		Тюйте	350
			1226
Кентская	Айтымбетъ	Мурзагельды	50
		Джанакъ	100
Кентская	Тлеубай	Баратеке	100
		Боступай	100
	Божанъ	Джанъ	100
		Буанбай	100
	Карауль	Байтуганъ	300
		Куттогодамъ	100
	Кыргызъ	Байты	30
		Каягельды	100
		Бектемиръ	20
	Джагалбайлы	Балгожа	120
		Сайракты	60

	Тюленгутъ	Кипчагъ	74
	Султаны Букейхановы	Темешъ	100
		—	80
			<u>1534</u>
Эдрейская	Айбикэ-Чанчаръ	Тыныбекъ	212
		Кельдыбекъ	728
	Алдіаръ	Коскулакъ	70
		Джаксылыкъ	130
			<u>1140</u>
Аркалыкская	Айбикэ-Чанчаръ	Казымбетъ	200
		Бекбулатъ	84
		Будене	50
		Балапанъ	50
		Тыныбекъ	116
		Алдамжаръ	100
	Кара-Кемпырь	Кожамжаръ	150
		Агышъ	50
		Байтерекъ	100
		Сатерекъ	100
	Алдіаръ	Кучукъ	20
		Коскулакъ	50
	Наманай	Кулгара	50
		Майлычъ	43
	Усень	?	200
	Будайберлы	?	30
			<u>1393</u>
Котанъ-Булакская	Тобукты	Базаркулъ	330
		Аксары	200
		Куттубай	150
		Кенджебарагъ	60
		Токаль	491
			<u>1231</u>

Беркаринская	Чекчекъ	Нуралы	150
	Кара	Токанъ	100
		Джарасъ	300
	Алтюбетъ	Алтюбетъ	250
	Тюленгутъ	Тоты	30
		Джалаиръ	50
		Камбаръ	70
		Канжигалы	150
		Садыръ	30
		Быргызъ	50
		Тлеу	52
		Айтюмбетъ	50
	Султаны Букейхановы	—	18
			1300
Бюрлинская	Джалыгнасъ	Булатъ	150
		Аманъ	430
		Баканъ	550
	Чанчаръ	Бертысъ	50
		Джарылганъ	50
			1230
Токраунская	Сарымъ	Кожегулъ	200
		Кулукъ	200
		Утемисъ	413
	Альтеке	Койкель	200
		Атембекъ-Джарасъ	250
	Султаны Букейхановы	—	30
			1293
Чубартавская	Мамадаиръ	Актюсъ	250
		Джелантюсъ	300
		Боранъ	250
	Калмакъ	—	450
	Кущи	—	350

	Сабанчи	—	162
	Султаны Абулфеизовы	—	13
			1775
Кызылтавская	Куянчи-Тагай	Танай	350
		Куянчи	200
		Даулетъ	504
	Султаны Букейхановы		20
			1074
Дегеленская	Байбура	Кечубай	407
		Кедей	180
	Таранты	Джантока	150
		Сары	250
	Иргакты	Иргакты	100
	Чоптемысь	Бокай	200
		Сартурсунъ	100
	Чакабай	Богонъ	150
		Тюлебай	50
	Джагалбайлы	Балгожа	200
		Акчалъ	25
		Сйракты	50
		Келечи	25
			1887
Аксаринская	Будайберды	Усень	60
		Косагалъ	340
	Алтай	Итбулды	100
		Байбулды	150
	Кара	Джузень	30
		Утепъ	50
		Токабай	50
		Кожась	340
	Сейта	Сейта	30
	Тюленгутъ	Кыргызы	120
		Бамбаръ	83

	Таракты	40	
	Рамаданъ	60	
	Канжигалы	60	
Султаны Букейхановы	—	35	
		<u>1548</u>	
Западно-Балхашская	Тобукты	Аксакъ	301
		Балдау	579
		Буранчи	212
		Джувантаякъ	60
		Буланчи	100
		<u>1252</u>	

III.

Упоминаемые въ волостяхъ султаны Букейхановы — потомки хана Средней орды Букея Баракова. Въ 1879 г., по просьбѣ старшаго чиновника особ. поруч. Главнаго Управленія Западной Сибири Балкашина, въ Каркаралинскомъ Уѣздномъ Управленіи была составлена, на основаніи показаній нѣсколькихъ султановъ, *общая родословная киргизскихъ хановъ и султановъ*, начиная съ Сыгай-хана(*), съ приложеніемъ къ ней особой очень подробной *родословной* всѣхъ *потомковъ Букея* по 1879 г. Такъ какъ Букейхановы играли значительную роль въ позднѣйшей исторіи каркаралинскихъ киргизъ, то я приведу здѣсь, кстати, нѣкоторыя данныя изъ упомянутой родословной, пользуясь архивнымъ дѣломъ Каркаралинскаго Уѣзднаго Управленія за 1879 г.

(*) Составленная каркаралинскими султанами *родословная киргизскихъ хановъ и султановъ* покомлія *Сыгай* во многомъ расходится съ такой же родословной, приведенной въ указанномъ выше сочиненіи Красовскаго (ч. I стр. 48), историческія свѣдѣнія котораго о Средней ордѣ вообще не отличаются большой достоверностью. Не входя пока въ критическій разборъ первой родословной, я счелъ не лишнимъ привести ее здѣсь въ виду интересныхъ свѣдѣній о родственныхъ связяхъ позднѣйшихъ султановъ, игравшихъ роль въ періодъ открытія округовъ.

Ханъ *Букей* былъ однимъ изъ шести сыновей хана Барака (Сыгай, Даиръ, Хамбаба, Букей, Маманъ и Ханхожа). У него было 9 сыновей: 1) Чингысъ, 2) Есимъ, 3) Ували, 4) Тауке, 5) Батырь, 6) Салтангазы, 7) Абылгазы, 8) Коксалъ и 9) Абылмамбетъ.

У 1) *Чингыса* было 12 сыновей: Турсунъ (у него 4 сына), Солтанъ (2 с.), Кочекъ (4 с.), Сиралы (1 с.), Сергазы (7 с.), Абдильды (4 с.), Джолды (3 с.), Джангырь (6 с.), Джаныбекъ (1 с.), Кошкунбай (3 с.), Асанъ (5 с.) и Джанай (4 с.).

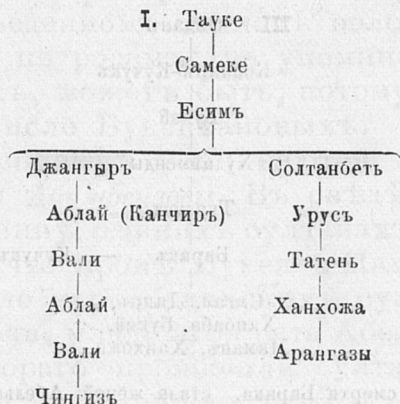
У 2) *Есима*—2 сына: Санкай (у него 3 с.) и Сыгай (3 с.).

У 3) *Ували* дѣтей не было.

У 4) *Тауке* было 7 сыновей: Кушпекъ (у него 7 сыновей), Тувбекъ (4 с.), Арсланбекъ (2 с.), Джочи (2 с.), Молдоханъ (4 с.), Кашканбай (1 с.) и Исмаилханъ (5 с.).

У 5) *Батыра* было 4 сына: Ачимтай (у него 3 с.), Рустемъ (6 с.), Бексултанъ (3 с.) и Мурзатай (4 с.).

У Сыгая (Шигая) хана было 3 сына: Тауке, Есимъ (Ишимъ) и Ондаъ, отъ которыхъ ведутъ начало слѣдующіи три линіи султановъ.

Чингизъ—полковникъ, султанъ Кокчетавскаго уѣзда. Султаны линіи Солтанбета живутъ въ Павлодарскомъ уѣздѣ.

У 6) *Солтангазы*—8 сыновей: Худайменды (у него 9 сыновей), Оспанъ (4 с.), Омаръ (6 с.), Сыздыкъ (3 с.), Абубакиръ (3 с.), Ханхожа (4 с.), Бабаханъ (5 с.) и Даиръ (3 с.).

У 7) *Абымазы*—5 сыновей: Булатъ (2 с.), Абельпеисъ (дѣтей не было), Раисханъ (1 с.), Дукенъ (дѣтей не было) и Кирейбай (дѣтей не было).

У 8) *Коксала*—2 сына: Тонашъ (3 с.) и Али (3 с.).

II. Есимъ

Джангыръ

Тауке

Пулатъ

Абулмамбетъ

Самеке

Абельпеисъ

Пулатъ

Худайменды

Джочи

Бопы

Сатемиръ

Конуръ-Гульджа

Сартъ, Ували, Ка-
лифанъ, Аликенъ,
Турсунъ
(отъ нихъ султаны
Устькамен. и Зай-
санскаго уѣздовъ)

Солтобай
Баракъ, Аблай,
Сейлиханъ.
(султ. Семип. у.)

Худайменды
Акимъ
(Каркар. у.)

Бигали
Джангыръ
(Акмолин. у.)

III. Онданъ

Койнаръ-Кучукъ

Букей

Худайменды

Турсунъ

Баракъ — Кучукъ

Сыгай, Даиръ,
Ханбаба, Букей,
Маманъ, Ханхожа.

Мать Ханхожи, послѣ смерти Барака, стала женой Абельпеиса (Абулфеиза), па-
сынкомъ котораго и сдѣлался Ханхожа (см. II линію). У Ханхожи былъ сынъ Сиван-
кулъ, игравшій значительную роль среди найманскихъ волостей въ періодъ открытія
Аягузскаго и Кокпектинскаго округовъ.

У 9) *Абылмамбетя* — 9 сыновей: Аблай (3 с.), Нура-лы (3 с.), Даиръ (2 с.), Каипъ (3 с.), Мухаметъ (1 с.), Ханбаба (1 с.), Нурпейсъ (?), Вегень (?) и Абылханъ (дѣтей не было).

Такимъ обр., отъ 9 сыновей Букея произошло 49 внуковъ и отъ нихъ болѣе 150 правнуковъ Букея.

Нѣкоторая часть каркаралинскихъ султановъ ведетъ начало отъ младшаго брата Букея — *Мамана Баракова*. У Мамана было 5 сыновей: 1) Агадай, 2) Когодай, 3) Бекадай, 4) Досалы, 5) Есергепъ.

У 1) *Агадая* было 2 сына: Джамантай (у него 4 с.) и Тогумъ (3 с.).

У 2) *Когодая* — 3 сына: Абетей (1 с.), Джочи (3 с.) и Айчувакъ (1 с.).

У 3) *Бекадая* — 4 сына: Самеке (6 с.), Адиль (1 с.), Дуванбекъ (?) и Куванбекъ (?)

У 4) *Досалы* — 3 сына: Джолды (3 с.), Солокай (2 с.) и Матай (1 с.).

У 5) *Есергепя* — 4 сына: Биралы (3 с.), Джапаръ (2 с.), Джусуъ (3 с.) и Спанъ (1 с.).

Отъ 5 сыновей Мамана произошло 16 внуковъ, а отъ нихъ болѣе 33 правнуковъ Мамана.

Въ выше приведенномъ „спискѣ волостей Каркаралинскаго уѣзда по родамъ“ не упоминается о султанахъ Мамановыхъ, можетъ быть, потому, что султаны эти попали въ число Букейхановыхъ.

Въ томъ же „спискѣ“ упоминаются (въ Чубартавской в.) султаны *Абулфеизовы*. Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ Балкашину, о такихъ султанахъ не говорится, а есть указаніе, что кромѣ Букея и Мамана очень незначительное число каркаралинскихъ султановъ ведетъ начало отъ Пулата, младшаго брата Абельпеиса (Абулфеиза), отъ котораго произошли султаны, имѣвшіе большое значеніе въ бывшихъ Кокпектинскомъ и Аягузскомъ округахъ.

У *Пулата* было 2 сына: 1) Сатемиръ и 2) Муратъ.

У 1) *Сатмира* было 4 сына: Худайменды (у него 2 сына), Абдильда (?), Есимъ (2 с.) и Джангырь (?).

У 2) *Мурата*—2 сына: Аббе (у него 1 с.) и Джул-пухаръ.

Н. Коншинъ.